

28.6

к 65

МАЙЛЕН

КОНСТАНТИНОВСКИЙ

КАПП

Репортаж
о событиях
невероятных

КТО ПОХИТИЛ? ПОЛДУБЛЕНКИ!

Майлен
КОНСТАНТИНОВСКИЙ

*Кто похитил
поддубленки?*

1998

Константиновский Майлен

**Кто похитил полдублинки? — Д.: Сталкер, 1998.
— 336 с.: ил. (Серия “КОАПП, КОАПП!”)**

ISBN 966-596-161-6

В настоящем издании читатель найдет множество новых забавных историй — невероятных, но вполне достоверных.

Например, одно из заседаний, посвященное проблеме семейных отношений, было созвано в связи с тем, что в КОАПП (то есть в Комитет Охраны Авторских Прав Природы) пришла анонимка на птицу-Носорога: он замуровал в дупле жену и отобрал у нее перья. Для проверки фактов председатель КОАППа Кашалот командировал Мартышку...

Книга богато иллюстрирована и рассчитана на детей и взрослых практически любого возраста.

Константиновський Майлен

**К 65 Хто викрав півкожушанки? — Д.: Сталкер, 1998.
— 336 с.: іл. (Серія “КОАПП, КОАПП!”)**

ISBN 966-596-161-6

У даному виданні читач знайде безліч нових кумедних історій — неймовірних, але цілком вірогідних.

Наприклад, одно із засідань, присвячених проблемі сімейних стосунків, було скликане у зв'язку з тим, що до КОАППу (тобто до Комітету Охорони Авторських Прав Природи) надійшла анонімка на Птаха-Носорога: він замурував у дуплі дружину і відібрав у неї пір'я. Для перевірки фактів голова КОАППу Кашалот відрядив Мавпу...

Книга багато ілюстрована і розрахована на дітей і дорослих практично будь-якого віку.

ББК Ч 420

ISBN 966-596-161-6

© Константиновский М.,
1998

© Серийное оформление
ИКФ “Сталкер”, 1998

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО!
КОПИИ ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ

ЗАШИВО ЗАМУРОВАНАЯ

ЖЕНА!!

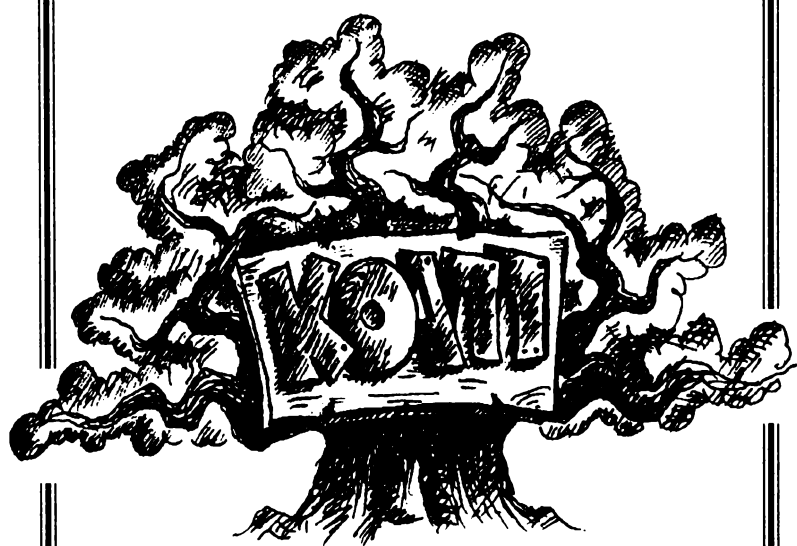
!! КРАНА ДЕСЯТИЕТИЯ !!

**И ПРОЧЕЕ ЛЕДЕНЯЩИЕ ДУШУ
ЗАБАВНЫЕ ИСТОРИИ, ПРОИЗОШЕДШИЕ
НА БОЛЬШОЙ КОЛПОВСКОЙ ПОЛЯНЕ,
А ТАКЖЕ В ИВАНОВО, РНЕВЕ, КЕРИСЕ
(ШТАТ ЮТА, США)**

**И ДРУГИХ МИРОВЫХ ЦЕНТРАХ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

ЗА ПЕРИОД ИСТЕРИЧЕСКОГО МАТЕРМИЗМА

*Для читателей любого возраста, образования,
профессии, темперамента, национальности
и вероисповедания*

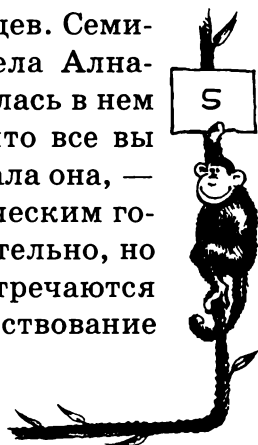

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СТРАВКА

⬆ для тех, кто не знает, что такое КОАП, так как никогда не слышал репортажей с его заседаний ни по радио, ни в грамзаписи, не видел серии мультфильмов "КОАП" и не читал одноименных книг, а также многочисленных откликов на всё вышеупомянутое в отечественной и зарубежной печати ⬆

Однажды в адрес КОАППа пришло письмо, весьма озадачившее коапповцев. Семи-летняя жительница далекого села Алнаши Риточка Филимонова поделилась в нем своими сомнениями. "Я знаю, что все вы обыкновенные животные, — писала она, — но что вы разговариваете человеческим голосом, не верю". Ребенку простительно, но и среди взрослых до сих пор встречаются скептики, которые считают существование КОАППа невероятным!

КОАПП, КОАПП!

Так вот, ни для кого давно уже не секрет, что создание КОАППа явилось ответной мерой на появление у людей бионики. Кстати, это одна из немногих наук, время и место рождения которой можно назвать абсолютно точно: 13 сентября 1960 года, город Дэйтон (штат Огайо, США), где в этот день открылся симпозиум под девизом “Живые организмы — ключ к новой технике!”

Сами живые организмы, поглощенные повседневными житейскими делами и заботами, поначалу не обратили на это событие ни малейшего внимания. К счастью, нет правил без исключения. В данном случае таким исключением стал Кашалот. Среди всеобщей беспечности он один проявил бдительность, достойную восхищения. Не терпящий поверхностного отношения к делу, привыкший глубоко разбираться в любом вопросе (например, для глубокого изучения кальмарксизма, то есть науки о кальмарах, Кашалот погружается на глубину до двух километров), он сразу почувствовал в новой науке явную угрозу. “Это требует действий!” — сказал Кашалот самому себе (нечаянно повторив заявление другого исторического лица, сделанное тоже по чрезвычайно тревожному поводу).*

* “Это требует действий!” — заявил президент США Франклин Делано Рузвельт, прочитав письмо от Альберта Эйнштейна, где сообщалось о том, что существует реальная опасность создания нацистами атомного оружия.

После столь решительного высказывания КОАПП уже просто не мог не появиться. Время и место его рождения можно назвать не менее точно, чем время и место рождения бионики: это свершилось 5 июля 1964 года на Большой Поляне (берег Лесного Озера), переименованной в дальнейшем в Большую Коапповскую Поляну. У запечатленного в анналах истории грандиозного действия, на котором возник КОАПП, был и свой девиз “Спасите наши уши!”

Что он означает, какого рода опасность узрел Кашалот в бионике, как расшифровывается аббревиатура “КОАПП”, чем занимается эта организация, почему о ней говорят: “КОАПП — ум, честь и совесть нашей эпохи” — всё это станет ясным сразу же по прочтении очередного коапповского повествования. Заодно отпадут последние сомнения в реальности КОАППа...

ЗАСЕДАНИЕ,

НА КОТОРОМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ И ЧЛЕНЫ-КОРРЕСПОНДЕНТЫ КОАПМА, ВОЗНАМЕРИВШИСЬ ОБЗНАКОМИТЬСЯ НАКОНЕЦ ТЕМ, БЕЗ ЧЕГО НЕ МОЖЕТ ОБОЙТИСЬ НИ ОДНО УВАЖАЮЩЕЕ СЕБЯ УЧРЕЖДЕНИЕ, И ОБРАТИВШИСЬ С ЭТОЙ ЦЕЛЮ В СЛУЖБУ БЫТА, С ИЗУМЛЕНИЕМ ОБНАРУЖИЛИ, ЧТО СРЕДИ ЕЕ СОТРУДНИКОВ ВСТРЕЧАЮТСЯ И МЯГКОТЕЛЫЕ, А ТАКИЕ ЧТО НАПЛЕВАТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К РАБОТЕ ПРИВОДИТ ИНОГДА К БЛАГОТВОРНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ...

"ЛЮБИ МЕНЯ, КАК Я ТЕБЯ"

Коапповцы, собравшиеся в этот день на своей Большой Поляне ("своей" в полном смысле, потому что они уже успели ее приватизировать*), не могли не обратить внимание на то, что у председателя КОАППа вид, по выражению Совы, "особливо сурьезный", а по определению Гепарда — сосредоточенный и озабоченный. Однако это ни у кого не вызвало ни малейшего беспокойства, ибо всем была хорошо известна причина такого настроения: Кашалоту предстояло провести не обычное, рядовое заседание Комитета Охраны Авторских Прав Природы, а торжественное, по-

* У четвероногих, пернатых, шестиногих и прочих обитателей нашей планеты издревле повелось объявлять (порой очень громко) территорию, где они живут и кормятся, своей собственностью и ставить на ее границах те или иные погранзнаки. Отсюда видно, что приватизация распространена в живой природе очень широко. Возможно, у нее эту идею Анатолий Чубайс и позаимствовал. Остался пустяк: позаимствовать и принятое у многих животных уважение к чужой собственности.

КОАПП, КОАПП!

священное... впрочем, не будем забегать вперед.

Открыв внеочередное заседание возглавляемой им организации и подождав, пока ее бессменный секретарь птица-Секретарь прокричит свое традиционное “Коапп, коапп!” (других членораздельных звуков она издавать не умела), Кашалот объявил, что ввиду особой важности, даже исключительности события, ради которого все собрались, он должен удостовериться в том, что на поляне присутствует весь КОАПП в полном составе. После чего председатель взял у птицы-Секретаря список коапповцев и стал поочередно их выкликать, начав с действительных членов КОАППа:

— Сова!

— Туточки я, Кашалотушка, — отозвалась она, — где же еще мне быть-то.

— Гепард!

— К вашим услугам, дорогой председатель, — Гепард учтиво поклонился и сделал лапой такой жест, словно держал в ней шляпу с пером.

— Стрекоза!

— Ах, милый Кашалот, могла ли я не прилететь в такой восхитительный день, когда...

— Рак! — перебил ее излишняя председатель.

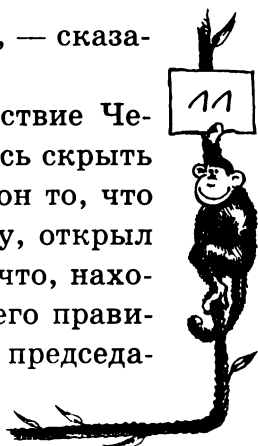
— Я-то здесь, — проворчал Рак, — а вот Человека что-то не видно.

В этот момент послышался шум мотора, на поляну въехала машина и остановилась неподалеку от председательского пня, возле которого шла переключка. Из машины вышел Человек.

— А вот и он, легок на помине, — сказала Сова.

Торопливо ответив на приветствие Человека, Кашалот, даже не стараясь скрыть нетерпение, спросил, привез ли он то, что обещал. Человек, обойдя машину, открыл багажник и показал рукой на нечто, находящееся там, заметив, что не в его правилах нарушать обещания, в чем председа-

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

тель и все коапповцы могут немедленно убедиться.

Кашалот, конечно, готов был сразу же последовать этому приглашению и даже двинулся было к машине, но вспомнил, что еще не закончил проверку присутствующих. Как ни хотелось ему поскорее увидеть привезенное Человеком, он из приверженности к порядку решил сначала завершить переключку, тем более, что непроверенных осталось в списке всего двое: члены-корреспонденты КОАППа Мартышка и Удильщик — небольшая зубастая рыба с длинной удочкой, на конце которой светился фонарик (пузырек со светящимися бактериями).

Удильщик откликнулся мгновенно:

— Я всегда там, где мой обожаемый председатель!

А вот с Мартышкой вышла заминка. Кашалот выкликнул ее раз, другой, третий... — никакого ответа. Не подала она голос и после того, как ее окликнули все хором.

— Чудеса, да и только, — удивилась Сова. — Сей момент тут крутилась... куды же она запропастилась?

На этот вопрос удалось ответить глазастой Стрекозе: она заметила Мартышкин хвост, торчащий из багажника машины — обладатель-

ница хвоста, очевидно, забралась туда, чтобы рассмотреть то, что привез Человек.

— Мартышка, помните мое слово: когда-нибудь любопытство вас погубит, — сказал Гепард, подходя к машине.

— Ну, это когда-нибудь, а если бы я стала дожидаться конца переклички, я бы умерла от любопытства сейчас! — парировала Мартышка, вылезая из багажника.

Вслед за Гепардом Кашалот, Сова, Рак, Стрекоза и Удильщик тоже приблизились к машине и заглянули в багажник. Там лежала большая мраморная плита, отполированная до зеркального блеска. Коапповцы осторожно вытащили ее и, чтобы не запачкать землей, поставили на ребро, прислонив обратную сторону к растущему рядом дереву. После чего каждый счел своим долгом погладить поверхность плиты и высказать одобрение качеству полиров-

ки. Председатель, проделав ту же процедуру, настолько воодушевился, что тут же произнес вдохновенную речь:

— Дорогие мои соратники! Немало месяцев прошло с того памятного дня, когда вот здесь, на этой огромной поляне, на берегу лесного озера, Чрезвычайный Всепланетный Съезд Животных представителей, созданный по моей личной инициативе, избрал КОАПП...

— Идея создания которого, естественно, тоже принадлежит вам, — ввернул Удильщик, никогда не упускавший случая отметить особые заслуги своего председателя.

— Вполне естественно, Удильщик, — скромно подтвердил Кашалот. — Так вот, сегодня у нас не менее знаменательный день — мы переживаем как бы второе рождение! Настала пора исправить серьезнейшее упущение, допущенное нами при создании КОАППа. Не будем искать виновных — да и есть ли они? Кто может упрекнуть нас в том, что в условиях суматохи и неразберихи, свойственных организационному периоду, мы забыли о некоторых важных деталях? Порадуемся лучше, что хотя и с опозданием, но в конце концов мы все-таки вспомнили о самой существенной из них: о вывеске!

— Действительно, — вставил Гепард, — если театр начинается в вешалки, то учреждение,

несомненно, начинается еще раньше — с вывески.

— Зато теперь, — воскликнула Мартышка, — у нас будет вывеска, вполне созвучная грандиозным масштабам нашей деятельности! — и она еще раз любовно погладила мраморную плиту всеми четырьмя ладошками.

— А надпись? — Кашалот повернулся к Удильщику. — Я поручил вам разработать надпись для вывески... надеюсь, она тоже получилась созвучной?

— Полностью, дорогой Кашалот! Я ее разработал до мельчайших подробностей: сверху я предлагаю поместить... впрочем, лучше покажу эскиз... — с этими словами Удильщик вернулся к председательскому пню и выудил из дупла в его основании большой, свернутый в трубку лист ватмана. Подойдя с ним к плите, он развернул его, но лишь частично.

Коапповцы увидели эскиз верхней половины вывески. На самом верху крупными буквами было написано сокращенное название организации: "КОАПП". Под сокращен-

КОАПП, КОАПП!

ным — полное название: КОМИТЕТ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ ПРАВ ПРИРОДЫ. Ниже — ВХОД СВОБОДНЫЙ. Еще ниже — И ВЫХОД ТОЖЕ.

Прочитав всё это, — кто вслух, кто про себя, — председатель КОАППа и его коллеги перевели взоры на Удильщика, ожидая, что он развернет ватман полностью. Однако Удильщик не торопился, полагая, очевидно, что без предварительных пояснений коллеги не сумеют оценить всю оригинальность его замысла.

— Теперь внимание, — изрек он, — излагаю суть своей разработки, ее, так сказать, изюминку. Бывает так: перед вами вывеска учреждения, а для чего оно существует — непонятно.

— Да, — подтвердил Человек, — к сожалению бывает. И нередко.

— А вот взглянув на нашу вывеску, — Удильщик сделал ударение на слове “нашу”, — посетитель сразу узнаёт, для чего существует КОАПП, какая перед ним ставится основная задача. И достигается это придуманным мною исключительно простым и в то же время необыкновенно остроумным способом: на вывеске воспроизводится текст коапповского гимна!

Свою тираду Удильщик эффектно завершил, развернув ватман полностью, и все увидели, что в нижней части эскиза вывески действительно красуются гордые слова коапповского гимна:

*Славный наш дружный Комитет
Выдает каждому патент,
Защитив приоритет
Природы!*

— Хм... пожалуй, в этом что-то есть, — задумчиво произнес Кашалот. — В нашем гимне и в самом деле сжато и точно выражена самая сущность нашей работы! Давайте-ка споем его...

И все с воодушевлением спели гимн, тем самым как бы единодушно одоббив идею Удильщика. Правда, Рак в своей обычной ворчливой манере пытался настаивать на

КОАПП, КОАПП!

необходимости дополнить предложенный Удильщиком текст обширным примечанием, разъясняющим, что, дескать, патенты патентами, однако не менее важная задача КОАППа — всемерно облегчать жизнь обитателям морей, лесов, гор, полей и рек, заботиться об их здоровье, быте, питании, образовании, жилищных условиях, безопасности, культурном досуге... Но Кашалот возразил, что это излишне, поскольку благородная деятельность коапповцев на данном поприще и так хорошо всем известна, безо всяких примечаний. И что следует подумать не о том, как заполнить всю вывеску длиннющим перечнем коапповских забот и трудов, а о том, как понадежнее укрепить ее на дереве у входа на Большую Коапповскую Поляну.

Однако ни Рак, к которому обращался председатель, ни его коллеги не успели направить свои мысли в этом направлении, поскольку Мартышка объявила, что уже всё обдумала — осталось только подобрать подходящее дерево и отметить мелом на его стволе место для вы-

вески. Расторопность Мартышки очень обрадовала Кашалота — он даже поставил ее всем в пример, поблагодарил за инициативу и выразил надежду, что она и впредь будет действовать столь же активно.

Вдохновленная похвалой начальства, Мартышка тотчас побежала ко входу на поляну осуществлять задуманное...

Проводив ее взглядом, Стрекоза робко заметила, что прежде чем вешать вывеску, надо бы

написать на ней текст. Кашалот даже возмутился: за кого она его принимает?! Неужели председатель КОАППа на-

столько рассеян, что способен водрузить вывеску, забыв про надпись? И он во всеуслышание задал Раку вопрос, пригласил ли тот гравера, не преминув напомнить при этом, что заблаговременно отдал соответствующее распоряжение. Рак заверил, что еще неделю назад подал заявку в фирму бытового обслуживания населения "Голубка".

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАП!

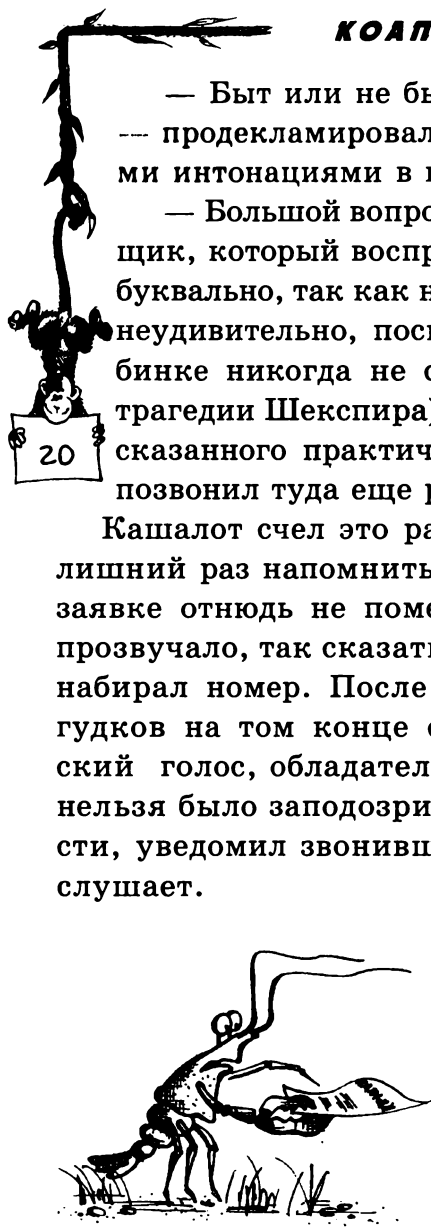
— Быт или не быт — вот в чем вопрос, — продекламировал Гепард с гамлетовскими интонациями в голосе.

— Большой вопрос! — согласился Удильщик, который воспринял реплику Гепарда буквально, так как не понял каламбура (что неудивительно, поскольку он в своей глубинке никогда не слышал о бессмертной трагедии Шекспира), — и тут же сделал из сказанного практический вывод: — Я бы позвонил туда еще раз. На всякий случай.

Кашалот счел это разумным, заметив, что лишний раз напомнить фирме о коапповской заявке отнюдь не помешает. Его пожелание прозвучало, так сказать, вдогонку — Рак уже набирал номер. После нескольких длинных гудков на том конце сняли трубку, и женский голос, обладательницу которого никак нельзя было заподозрить в избытке любезности, уведомил звонившего: фирма “Голубка” слушает.

— Девушка, — начал Рак, — неделю назад у меня приняли заказ на гравера, и мы...

— У кого “у вас”? — оборвал его строгий голос.

— Рак моя фамилия.

— С этого и надо было начинать, а то “у меня” — иди догадйся, у кого — отчитал Рака голос. — Минуточку... Поляна КОАППа на берегу Лесного озера? Будет гравер.

— А в какое время?

— В течение дня.

— Улита едет, когда-то будет, — вздохнула Сова.

Кашалот понял, что пора вмешаться.

— Дайте трубку, Рак, — потребовал он и, взяв ее, первым делом представился: — Здравствуйте, с вами говорит лично председатель КОАППа Кашалот.

Судя по реакции приемщицы на другом конце провода, высокая должность собеседника не произвела на нее особого впечатления:

— И чего вам надо? — угрюмо осведомилась она.

— Ммм... видите ли, — обескураженно забормотал Кашалот, значительно сбавив тон, в голосе его явились просительные нот-

КОАПП, КОАПП!

ки, — вы не могли бы все же уточнить, хотя бы примерно, когда...

Но приемщица его даже не дослушала.

— Час не указываем, — отрезала она.

— Гравер получил наряд, будет в течение дня. Если не сегодня, то завтра. В крайнем случае послезавтра, — и бросила трубку. Именно не положила, а бросила.

— “То ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет”, — этой поговоркой Сова вполне исчерпывающе обрисовала положение вещей.

— Кошмар... — только и смог произнести Кашалот.

Наступившее тягостное молчание внезапно нарушил Удильщик, бодро заявивший:

— По-моему, самое разумное — махнуть плавником на эту фирму и сделать надписи

самим. В конце концов, не боги горшки обжигают!

— Правда, между глиняным горшком и мраморной вывеской есть некоторая разница, — Гепард, как всегда, не упустил случая поддеть Удильщика.

— То-то и оно! — Сова постучала по плите. — Ох и тверда! Тут над каждой буковкой, небось, наплачешься, пока выбьешь.

В обсуждение возникшей ситуации неожиданно вмешался молчавший до сих пор Человек — и сообщил нечто такое, что направило поиски выхода из создавшегося положения в совершенно новое русло. Он сказал, что выбивать буквы на мраморе вовсе не обязательно, потому что гравировать можно и кислотой.

Поначалу его коллеги по КОАППу приняли это утверждение за шутку, но после того как Человеку удалось убедить их, что он и не думает шутить, возможностью применить химический способ гравировки не на шутку заинтересовался Кашалот. Он даже попросил уточнить, какая именно кислота пригодна для этой цели. Человек сказал, что годится любая достаточно сильная

КОАПП, КОАПП!

кислота — например, серная, азотная, соляная...

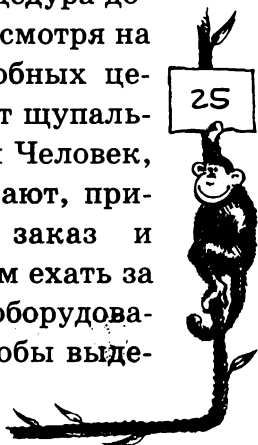
— Соляная? — переспросил председатель, даже не дав Человеку продолжить перечисление сильных кислот, и, получив утвердительный ответ, удовлетворенно кивнул. Где-то, когда-то, от кого-то он краем уха (вернее, краем слухового отверстия, ибо у китообразных нет наружных ушей) слышал, что в желудочном соке у кашалотов, как впрочем, у всех млекопитающих и у множества других животных, содержится соляная кислота. Сейчас эта совершенно ненужная ему когда-то информация натолкнула Кашалота на плодотворную мысль. Какой можно сделать эффектный жест: для изготовления вывески учреждения его руководитель жертвует кисло-

ту из собственного желудка! Тем более, что, учитывая солидные размеры последнего (а Кашалоту доводилось глотать целиком шестиметровые щупальца гигантских кальмаров и трехметровых акул), кислоты там должно быть много...

Хотя, с другой стороны, подумалось ему, риск, пусть и небольшой, все-таки есть. Пищеварение дело тонкое: кто его знает, не нарушит ли даже небольшая убыль кислоты какой-нибудь кислотный баланс, не нанесет ли это ущерб драгоценному председательскому здоровью?

Кашалот глубоко задумался, на челе его отразилась нелегкая борьба. Победила страсть к эффектным жестам: придав своему голосу как можно больше драматизма, Кашалот смело предложил воспользоваться для вытравливания надписи кислотой из своего желудка, заявив, что он сознательно готов пренебречь связанной с этим героическим поступком опасностью. Однако совершить его председателю не пришлось: Человек разъяснил, что хотя в принципе это возможно, но получить кислоту, великодушно предложенную Кашалотом, не так-то просто. Сначала надо будет достать из желудка желудочный сок — процедура довольно-таки неприятная, даже несмотря на то, что используемый для подобных целей желудочный зонд напоминает щупальце кальмара. Кстати, подчеркнул Человек, зонды для кашалотов не выпускают, придется сделать индивидуальный заказ и ждать, пока его выполнят, а затем ехать за ним, а также за лабораторным оборудованием, необходимым для того, чтобы выде-

лить из желудочного сока соляную кислоту в чистом виде. Так уж проще вместо зонда и оборудования привезти сразу готовую кислоту.

— Но и это займет немало времени, — заключил Человек. — А если я правильно понял, кислоту вы хотели бы получить немедленно, чтобы сразу же приступить к гравировке...

— Вы поняли абсолютно правильно, — подтвердил Кашалот со вздохом, как бы смирившись с тем, что осуществить его самоотверженный порыв не представляется возможным по независящим от него обстоятельствам, и дав понять, что он очень об этом сожалеет. На самом же деле он в глубине души почувствовал облегчение, что вполне извинительно: кому охота глотать желудочный зонд, да еще чудовищных размеров?

Но доброе семя было уже брошено и дало всходы: по примеру своего обожаемого председателя Удильщик тоже выразил готовность пожертвовать собой ради общего блага и сию же минуту отправиться в океанскую пучину за опасным грузом — а то, что сильная кислота представля-

ет при транспортировке серьезную опасность, добавил он дрогнувшим голосом, вряд ли может у кого-нибудь вызвать сомнение...

На вопрос Рака, где он собирается раздобыть в океане сильную кислоту, Удильщик отвечал, что по его сведениям обладателей ее там полно, а некоторых он знает лично. Скажем, серной кислотой отбивают желание полакомиться собой голожаберные моллюски: у них нет раковины, но химическая защита оказалась не менее надежной. Струей азотной кислоты обдаёт тех, кто посягает на ее жизнь, асцидия — донное животное, напоминающее внешне кувшин с двумя горлышками. “Живые кувшины” обитают во всех морях и океанах, от Арктики до Антарктики, их чуть ли не полторы тысячи видов, и местами дно сплошь заселено этими диковинными созданиями, так что с азотной кислотой, заверил Удильщик, проблем не будет...

— Но время, время! — застонал Кашалот. — Пока вы доберетесь до океана, пока опуститесь на дно, соберете там кислоту, вернетесь с ней обратно...

Одним словом, и благородный порыв

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАП!

Удильщика остался не востребованным, хотя также был по достоинству оценен коллегами. Всем стало ясно, что источник кислоты необходимо найти где-то поблизости, и притом немедленно...

Размышления коапповцев на эту животрепещущую тему были прерваны истощенными воплями Мартышки:

— Дорогой Кашалот! Дорогой Кашалот!

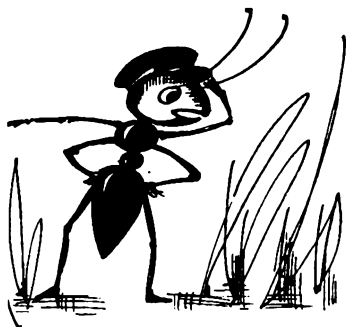
Она бежала от входа на поляну, поминутно оглядываясь, словно за ней кто-то гнался. Подбежав к председательскому пню, еще раз оглянувшись и, едва переводя дух, выпалила:

— Дорогой Кашалот, скажите ему, какое он имеет право?! Я нашла отличное дерево, стала размечать, и вдруг... Ой, вон он идет!!

Мартышка протянула руку, все посмотрели в указанном ею направлении и в один голос воскликнули:

— Муравей!

— Рыжий лесной Муравей, — уточнил пришелец, подходя к председателю КОАППа, — по-ученому Формика руфа. Лесник я здешний. Вы этой гражданки начальник будете?

— Да, я, — подтвердил Кашалот. — А что она натворила?

— Пока ничего. Не успела. Если бы успела, разговор был бы другой. Собиралась вбить гвозди — вот эти, что у нее в руке.

Коапповцы в ужасе уставились на зажатые в мартышкином кулачке здоровенные железяки.

— С ума сойти — какие огромные! — Стрекоза всплеснула крыльями, что выражало крайнюю степень возмущения.

— Да это же не гвозди, а еще почище — костыли! — буркнул, взглядевшись, Рак.

— Накостылять бы ей как следует за эдакое дело, — молвила Сова.

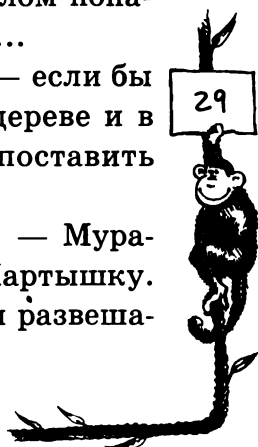
Кашалот попросил Муравья рассказать подробнее, что, как и когда произошло. И вот что услышали он и его коллеги:

— Я как раз обход делал, гляжу: приладилась уже, крестики на дереве мелом понаставила — куда, значит, вбивать...

— Да-а, — протянул Гепард, — если бы не вы, дорогой лесник, на том дереве и в самом деле можно было бы поставить крест.

— Неграмотная она, что ли... — Муравей в недоумении взглянул на Мартышку. — Ведь повсюду предупреждения развешаны. Да вон, отсюда видно.

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАП!

Действительно, с того места, где расположились коапповцы, был хорошо виден белый листок, приклеенный к стволу могучего вяза, росшего неподалеку от председательского пня. До реплики Муравья никто не обратил на него внимания, теперь же Стрекоза, подлетев к листку поближе, продекламировала вслух написанное на нем стихотворное обращение:

*Тот, кто деревьям вредит
И прочим лесным растениям —
Подлец, негодяй и бандит!
Не будет к нему снисхождения!
Пусть знают все браконьеры:
К тому, кто губит лес,
Мы примем суровые меры,
Куда бы он ни залез!*

— Всем лесничеством сочиняли, — сказал Муравей, — а им хоть кол на голове теши.

Кашалот обратил к Мартышке негодующий взор:

— Ну и удружили вы КОАППу! По вашей милости нам всем приходится краснеть... Неужели вам нужно разъяснять то, что понятно младенцу: наша вывеска не должна нанес-

ти дереву ни малейшего вреда!

— И никаких гвоздей!

— заключил Удильщик.

— Ну хорошо, пойду еще подумаю, как укрепить эту прокля... эту мраморную вывеску, — поспешно поправилась Мартышка, и уже отойдя на изрядное расстояние, крикнула издали:

— Только скажите Муравью, чтобы он больше не грозился своей кислотой!

Кашалот насторожился:

— Дорогой Муравей, у вас есть кислота?

— А как же! И пистолет кислотный имеется, всегда с собой ношу.

— Что-то не вижу я никакого пистолета, — с сомнением проворчал вечный скептик Рак.

— Так он в конец брюшка вмонтирован, снаружи незаметно. За полметра бьет! Леснику оружие по должности положено, служба такая. Браконьеры нынче сами знаете какие, их голыми лапками не возьмешь. Обнаглели — дальше некуда, хозяйничают в лесу, как у себя в огороде. Ну вот хотя бы дровосеков возьмем: ох и жуки! Что ни об-

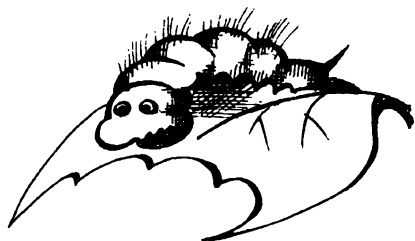
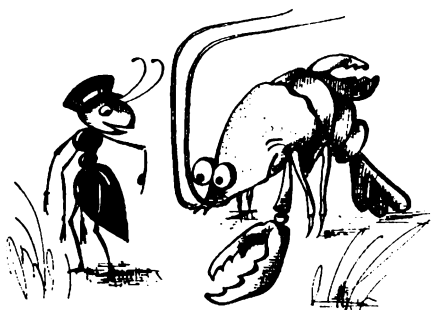

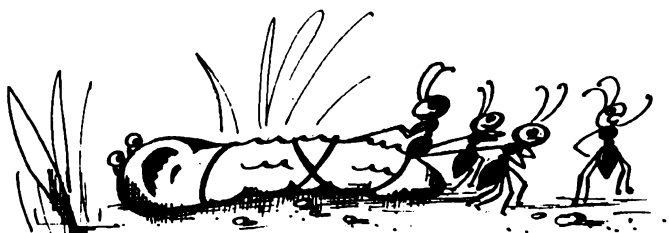
ход — тут еловый дровосек пилит, там сосновый, пихтовый... Ты его с поличным, а он и усом не ведет. Вот обдашь муравьиной кислотой разок-другой — тогда понимает. А отпрыски у дровосеков... Глянешь, детина вымахал — вдвое длиннее папашы с мамашей. С его бы челюстями туннели в скалах пробивать, а он древесину на опилки переводит.

— Насчет скал не уверен, — вставил Человек, — а вот алюминиевую пластинку личинки жуков-дровосеков прогрызают запросто.

— Что там пластинки, — усмехнулся Муравей, — дай им волю, они и лесника загрызут. Закон не уважают, словами их не проймешь, только силу признают. А гусеницы? Рассядутся

на ветке и жуют... Лист за листом. А как их удержишь без оружия, если каждая раз в пятьсот больше меня весит? А тут — зову

подмогу, окружаем злодейку и — кислотой! Оглушим ее таким манером — гусеница с ветки сваливается. Мы ее спокойненько и доставляем куда следует.

— То есть? — попросил уточнить Гепард, но Муравей не успел ответить — за него это сделала Сова:

— Ясное дело — в муравейник, куды ж еще.

— И многих приходится доставлять, уважаемый Муравей? — поинтересовался Кашалот.

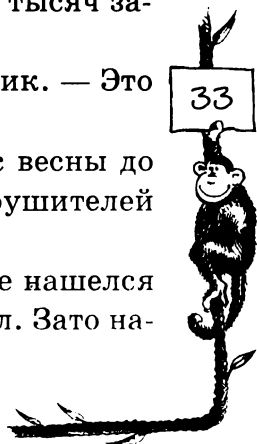
— Да как сказать... Наше лесничество возьмем — это участок вокруг муравейника с полкилометра в поперечнике. Так вот, по лесничеству двадцать-двадцать пять тысяч задержаний бывает.

— Ого! — воскликнул Удильщик. — Это за год?

— За день. А за год, вернее, с весны до осени, миллиона три-четыре нарушителей в муравейник доставляем.

На этот раз Удильщик даже не нашелся что сказать — только присвистнул. Зато нашел что сказать Человек:

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАП!

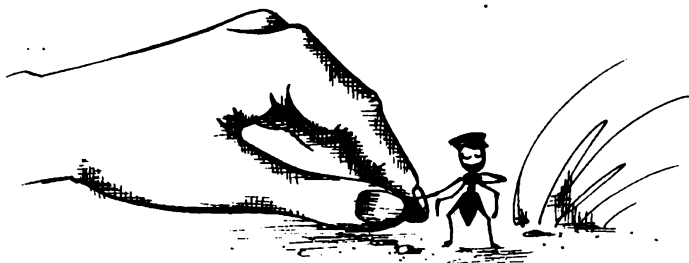
— Теперь вы понимаете, друзья, как помогают нам сохранять лес муравьи Формика руфа.

— Честь им за это и хвала, но... — Гепард покачал головой, — но работенка у них — не позавидуешь!

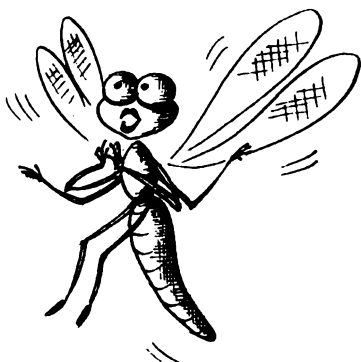
— Ужас! — Стрекоза картинно воздела крылья, показывая, какой она и в самом деле испытывает непреодолимый ужас при одной лишь мысли о “работенке” лесника.

— Милый Муравей, какую вы себе выбрали беспокойную профессию! И опасную — ведь, наверное, некоторые браконьеры вооружены?

— Всякое случается, — отвечал Муравей совершенно бесстрастным тоном — видимо, сказывалась привычка и к встречам с вооруженными браконьерами, и к подобным вопросам. — Вот недавно гусенице бабочки Гарпии замечание сделал, а она в пререкания вступила. “Тебе что, говорит, больше всех надо? Как собака на сене — ни себе, ни другим”... ну и прочие обидные слова. Я, конечно, выдержку со-

храняю, потому как при исполнении обязанностей, а она пуще прежнего куражится: “Ну-ка, сунься, Формика, я тебе живо форму испорчу!” И выстрелила, почти что в упор.

“Чудовищно!” — такова была единодушная оценка коапповцами случившегося. Естественно, они стали настойчиво просить лесника рассказать, что было дальше. Он не стал особенно распространяться — очевидно, воспоминание было не из приятных, сказал только:

— Сознание потерял. Но обошлось, как видите. Отлежался.

Стрекоза, разумеется, не могла не полюбопытствовать, чем же выстрелила в Муравья гусеница бабочки Гарпии. Ответ был краток, но он ошеломил Стрекозу и ее коллег: “Муравьиной кислотой”. Председатель КООАП-Па даже подумал, что ослышался, и переспросил:

— Гусеница стреляет муравьиной кислотой?!

— Поработаете с мое лесником — и не такое еще узнаете. Она, язва, перед тем как выстрелить, заявила мне с ухмылочкой:

КООПП, КООПП!

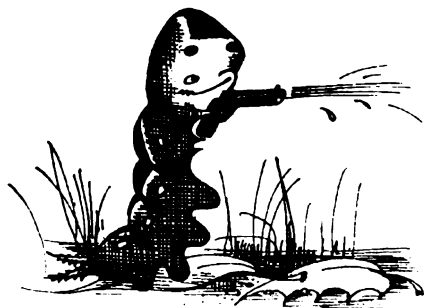
“Врага надо бить его же оружием”... Ну, бывайте, пошел я — надо обход закончить, — но удалившись на несколько десятков шагов, обернулся и предупредил: — Если встретитесь с этой гусеницей, учтите: кислотный пистолет у нее на груди спрятан.

— Спасибо за предупреждение, дорогой Муравей! — крикнул вслед ему Кашалот. — Мы обязательно найдем эту бандитку и примерно ее накажем!

Удильщик, который никогда не скрывал восхищения деяниями и замыслами своего шефа, высказал его и на этот раз:

— Наш находчивейший из председателей, я уловил вашу мысль: мы убьем сразу двух зайцев — разоружим опасную преступницу и получим кислоту для гравировки вывески!

Пока Удильщик славословил ум и дальновидность своего руководителя, Сова оглядывала коапповскую поляну, стараясь не пропустить ни одного дерева, ни один кустик...

Внимание ее привлекла довольно крупная гусеница, сидевшая на нижней ветке ивы, что росла на берегу озера. Плоская массивная голова и кону-

совидный конец туловища с торчащей сзади парой длинных зеленых щетинок придавали ей своеобразный вид. Зеленым было и почти все тело, лишь на спине фиолетовое пятно в форме ромба...

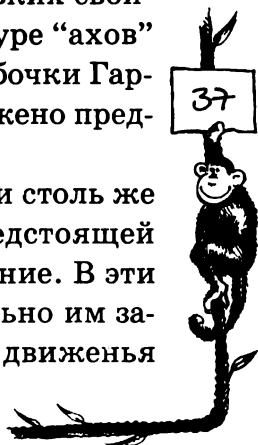

“Уж не про нее ли, часом, Муравей говорил?” — подумала Сова и обратилась с тем же вопросом к Стрекозе, слывшей большим знатоком насекомых, что неудивительно: Стрекоза мало того что сама принадлежала к классу насекомых — из них состоял в основном ее каждодневный рацион.

Стрекозе достаточно было одного взгляда, чтобы подтвердить (после нескольких собственных ее эмоциональной натуре “ахов” и “охов”): да, это она, гусеница бабочки Гарпии! О чем было немедленно доложено председателю КОАППа.

Мгновенно оценив обстановку и столь же мгновенно разработав план предстоящей операции, Кашалот принял решение. В эти драматические минуты все невольно им залюбовались: лик его был ужасен, движенья

КОАПП, КОАПП!

быстры, он был прекрасен! Понизив голос так, чтобы противник не смог его подслушать и раскрыть его оперативный план, Главнокомандующий операцией отдал приказ:

— Спокойно... Окружайте ее, только держитесь на безопасном расстоянии. Вплотную подойду я один!

Удильщик не смог удержаться от возгласа: "Какое мужество!" и напутствовал своего командира заботливым пожеланием: "Будьте осторожны, дорогой Кашалот!"

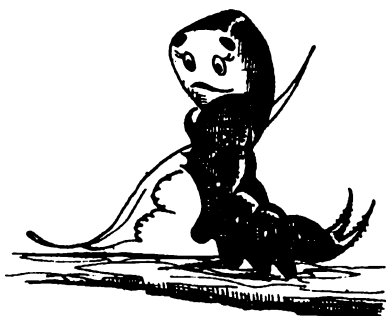
Когда перед подозреваемой внезапно возникла внушительная фигура Кашалота, ее, вопреки ожиданиям, это нисколько не обеспокоило, и она как ни в чем не бывало продолжала невозмутимо жевать листья. Жевала она так громко, что ее чавканье доносилось даже до окруживших иву, но находившихся от нее

на изрядном расстоянии коапповцев. Видя, что гусеница не оказывает вооруженного сопротивления и, следовательно, опасаться нечего, они приблизились к иве вплотную.

То, что появление коапповского воин-

ства во главе с высоким, в буквальном смысле, начальством не вызвало у гусеницы никакой реакции, свидетельствовало о том, что она никак не связывала это событие со своей особой

и, судя по всему, вообще не имела представления о смысле происходящего. Поэтому когда руководивший группой захвата Кашалот объявил ей громовым голосом: “Гражданка, вы задержаны!”, она не сразу поняла, что грозное уведомление относится лично к ней, и лишь через несколько минут, не слыша ни с чьей стороны отклика, на всякий случай спросила с набитым ртом, не переставая двигать челюстями:

— Это вы мне?

Удильщика столь непочтительное обращение к его обожаемому начальнику привело в такое бешенство, что он даже не завопил, а прямо-таки завизжал в безмерном негодовании:

— Да прекратите же вы жевать, когда с вами разговаривает сам председатель КОАППа!

— Ишь, сколько веток объела... — Сова буквально сверлила гусеницу обличающим

КОАПП, КОАПП!

взглядом своих большущих круглых глаз.

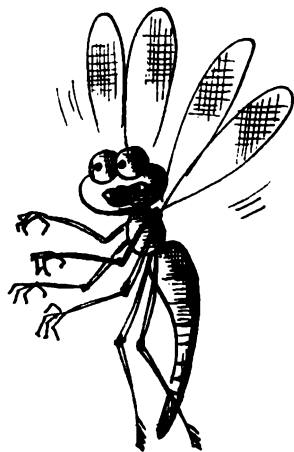
Однако сидевшую на ветке пожирательницу листьев ни взгляд Совы, ни ее реплика совершенно не смущали.

— А что, нельзя? — всем своим видом и интонацией голоса она изображала простодушие. — Я не знала, я существо наивное — на иве живу... ну, иногда на тополе, на липе... кстати, о липе замечательно сказано в стихах, не помню чьих: “Ты спрашивала, всхлипывая, — “А это все не липовое?”. Не понимаю — кругом столько листьев, они ведь всё равно осенью опадут...

— Птица-Секретарь, заполняйте протокол, — распорядился Кашалот.

— Имя? — вопрос был обращен, естественно, к гусенице.

— Мое? — откликнулось “наивное существо”. — Церура Винула — это на латыни, а в обиходе — гусеница бабочки Гарпии. Слишком длинное имя — зовите просто Гарпией. Зоологи обожают давать бабочкам имена из мифологии. Гарпия — это была такая птица с лицом девы, она метала во всех острые перья. Но я ничего ни в кого не мечу.

Стрекоза была так возмущена, что с трудом удержалась от искушения вцепиться в Гарпию своими острыми челюстями, но ограничилась тем, что бросила ей в физиономию гневные слова:

— Это же надо — так нагло лгать нам прямо в глаза! А кто оглушил лесника Муравья муравьиной кислотой, кто выстрелил в него из кислотного пистолета?!

— Да еще при отягчающих обстоятельствах, — подчеркнул Рак, — при исполнении им служебных обязанностей!

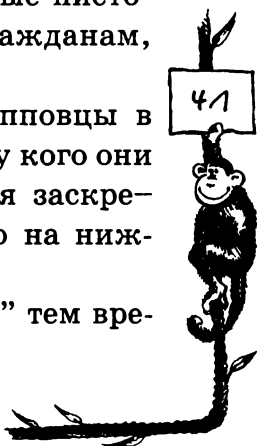
Но Гарпия и бровью не повела (тем более, что бровей у гусениц не бывает).

— Так это был лесник? — удивилась она, продолжая разыгрывать наивную простушку. — А я думала, просто хулиган напал. Для самозащиты сейчас, говорят, даже у людей гражданам разрешают иметь и применять оружие — всякие там баллончики, газовые пистолетики... Законопослушным гражданам, конечно, — таким как я.

От подобного нахальства коапповцы в ярости заскрежетали зубами (те, у кого они были). Даже Кашалот умудрился заскрежетать, хотя зубы у него только на нижней челюсти.

“Законопослушная гражданка” тем временем продолжала:

КОАПП, КОАПП!

— А насчет прискорбного недоразумения с Муравьем — поверьте, если бы я знала, что он лесник...

Но Сова не дала ей договорить.

— Ничегошеньки-то она, болезная, не знает, ровно дитё малое, — запричитала она нарочито жалостливо, и тут же обрушилась на Гарпию и ей подобных с филиппикой: — Развелось дитёв этих — не приведи Господь! Гнезда разоряют — мол, не написано на них, что нельзя. Цветка в лесу не найдешь, все пообрывали — на каждом ведь табличку не повесишь: “Не трогать!”

— Вот отведем вас в муравейник, — буркнул Рак, — там узнаете, что бывает за незаконное владение кислотным оружием, а тем более за его применение.

Едва было произнесено слово “муравейник”, как вся наигранная беззаботность Гарпии вмиг сошла с нее, словно хитиновая шкурка при линьке. Куда делся ее беспечный тон!

— Нет, нет, только не в муравейник! — закричала она истерически. Страх выдавали и два ярко-красных жгутика,

которые выдвинулись из концов хвостовых щетинок, они вертелись, извивались и дергались, словно червячки. У гусениц Гарпии эти жгутики появляются при грозящей им опасности и служат, видимо, для того, чтобы отвлечь недруга, переключить его внимание...

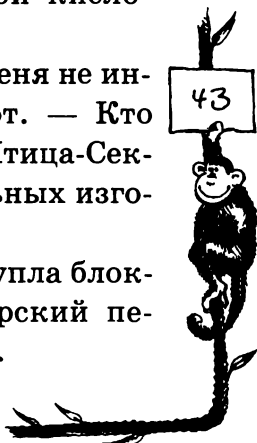
Но с председателем КОАППа этот номер не прошел — отвлечь его внимание от проблемы добывания кислоты для гравировки было невозможно.

— Итак, — произнес он тоном следователя по особо важным делам, — вы признаёте, что обладаете незарегистрированным в правоохранительных органах пистолетом, стреляющим муравьиной кислотой?

— Признаю, признаю! Только разве я одна ее делаю? Все, кому не лень! Да тут и делать нечего: берешь атом углерода, два атома водорода и два атома кислорода, соединяешь — получается молекула муравьиной кислоты...

— Химические подробности меня не интересуют, — оборвал ее Кашалот. — Кто еще изготавливает эти молекулы? Птица-Секретарь, запишите имена самовольных изготовителей муравьиной кислоты.

Птица-Секретарь достала из дупла блокнот, положила на свой секретарский пенек и приготовилась записывать.

— Ну? — торопил Гарпию Кашалот. — Не тяните, перечисляйте.

— Всех назову! — Физиономия Гарпии выражала решимость отчаяния. — Гусеница бабочки Хохлатки, гусеница бабочки Мегалопигиды, жук Кселлиоморфодес, некоторые жужелицы, ряд растений...

— Растений? — недоверчиво переспросил Рак.

— Да. Думаете, почему крапива жжется? Почему раздражают кожу слабенькие уколы еловых иголок?

— Елки зеленые! — воскликнул Гепард. — Выходит, и в еловой хвое есть муравьиная кислота?

— Это еще что, — заметил Человек, — молекулы этой самой простой и в то же время самой сильной из так называемых карбоновых кислот обнаружены даже в космосе.

— Почему же тогда столь распространенной, как выясняется, кислоте дали свое имя муравьи? — любопытствовал Удильщик.

— Потому что именно они первыми познакомили с нею химиков, — пояснил Человек. — Открытие муравьиной кислоты и ее производных составило некогда важную главу в органической химии и вызвало к жизни целые, так сказать, “муравьиные” отрасли промышленности — скажем, производство формальдегида, более известного в водном растворе под именем “формалин”. Менее известно, что оба слова происходят от латинского “формика”, что значит “муравей”.

— Я полагаю, уважаемый Человек, — сурово молвил Кашалот, что всё это никоим образом не может служить для Гарпии смягчающим вину обстоятельством.

— А я так надеялась, что может... — вздохнула гусеница и запела с явной целью разжалобить коапповцев:

*Ах, зачем связалась я с кислотой...
Поползла я по дорожке не той,
Но ей-ей, свою вину признаю —
Не губите же судьбину мою!*

Но председатель КОАППа был непреклонен:

— Никакие жалостливые песни, Гарпия, — отчеканил он, — не спасут вас от ответ-

КОАПП, КОАПП!

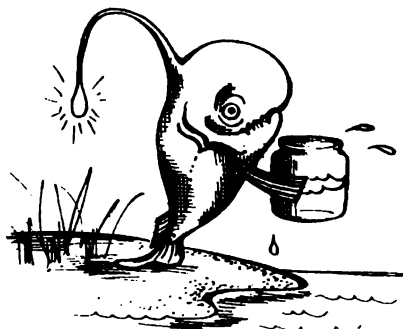

ственности за содеянное! Прежде всего немедленно сдайте кислоту. Удильщик, срочно найдите какую-нибудь посуду.

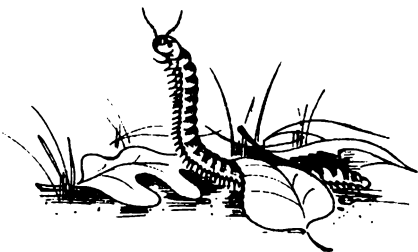
Выполнить это распоряжение было нетрудно — здесь и там валялись стеклянные банки из-под консервов, оставленные туристами и грибниками, коаповцы не успевали их убирать. Тщательно отмыв в озере одну из таких банок, Удильщик протянул ее Кашалоту, выразив уверенность, что она вполне подойдет для хранения кислоты. В этот момент откуда-то снизу проселестел чей-то голос: “Вам нужна кислота?” Голос звучал доверительно — обычно таким тоном предлагают что-нибудь достать или оказать другую услугу...

Обладатель вкрадчивого голоса не заставил коаповцев долго гадать, кому он принадлежит — из-под опавших листьев, устилавших землю под ивой, выползло существо, принятое вначале коллегами за упитанного червяка. Однако существо тут же опровергло это заблуждение:

— Я не червяк, а многоножка. Кивсяк мое имя. Серый Кивсяк, если точно — кивсяки ведь бывают и белые, чер-

ные, синие, желтые, розовые... чуть ли не всех цветов радуги. Но серым быть удобнее всего: не выделяешься из коллектива — эдакий скромный незаметный труженик.

— Вот уж истинно, что незаметный, — подтвердила Сова, — даже я тебя не заметила, уж на что глазастая, хоть и живешь ты, сердешный, как я погляжу, аккуратно под ногами под нашими.

— Кстати, о ногах, — сказал Кивсяк, — нас еще называют тысяченожками, но тут уж те, кто так называют, извините, малость загнули. Даже у Сейшельского Кивсяка...

— У какого? — переспросил Рак.

— У Сейшельского, — повторил Кивсяк. — Про Сейшельские острова слышали?

— Рак вряд ли о них слышал, — вмешался Кашалот, — а вот я даже мимо проплывал, и не раз.

— Говорят, райский уголок, — мечтательно произнес Гепард, — и всё там огромное: черепахи — гигантские, орехи — самые крупные в мире, до четверти центнера весом...

— И Кивсяк там живет соответствующий, — подхватил Серый Кивсяк, —

КОАПП, КОАПП!

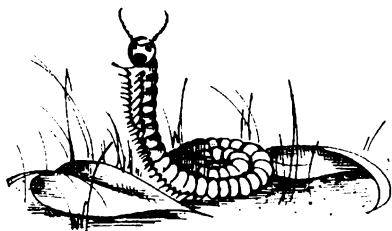
большущий, не мне чета. Так вот, даже у него всего лишь двести семьдесят восемь ног. Прилично, ничего не скажешь, но до тысячи все-таки далеко.

— А у тебя сколько ног, коли не секрет?
— спросила Сова.

— Сам хотел бы знать, да всё никак не соберусь сосчитать. Поверите ли, минутки свободной выкроить не могу, занят — не продохнуть: опавшую листву в удобрения перерабатываю. Вроде бы и не такая уж почетная работенка, но мне нравится: чувствую, что полезное дело делаю для общества и, главное, для лесного сообщества. Что было бы без нас, кивсяков, ну хотя бы в вашем коапповском лесу и на вашей поляне? Вся земля оказалась бы заваленной опавшими листьями! И пришлось бы вам...

— Да-да! — пропищала Стрекоза, с ужасом представившая себе эту апокалипсическую картину, — и пришлось бы нам сгребать их в кучи и сжигать, как люди в парках делают!

— А кому хочется превратиться в пепел? Кстати, на эту тему песенка есть. Французская. Так и называется: “Осенние листья”. Хоти-

те, спою? — и не дожидаясь ответа, Кивсяк запел:

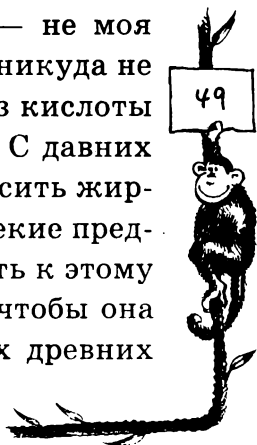
*Осенние листья лежат на земле,
Шуршат, не скрывая смертельной тоски,
И молят так жалобно нас: "Силь ву пле,
Не уползайте от нас, кивсяки"...*

Разговор с Кивсяком и особенно песня отвлекли мысли всех от кислотной проблемы. Вернее, всех, кроме Кашалота — он не забывал об этой проблеме ни на мгновение. И поэтому напомнил:

— Извините, Кивсяк, но появившись перед нами, вы первым делом спросили, нужна ли нам кислота. Надеюсь, не из праздного любопытства?

— Ах, да, — спохватился Кивсяк, — это вы меня извините, это я нечаянно увел разговор в сторону. Кстати, вам для чего кислота? Хотя мне-то какое дело... Понадобилась — могу выручить, а для чего она вам — не моя забота. И, кстати, ползти за ней никуда не придется, она у меня с собой. Без кислоты нам бы туго пришлось в жизни. С давних пор было немало охотников закусить жирненьким кивсячком, и наши далекие предки, естественно, мечтали добавить к этому блюду такую острую приправу, чтобы она отбила у охотников охоту. С тех древних

ХОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

времен до нас дошла старинная песня с таким припевом... — и Кивсяк опять запел:

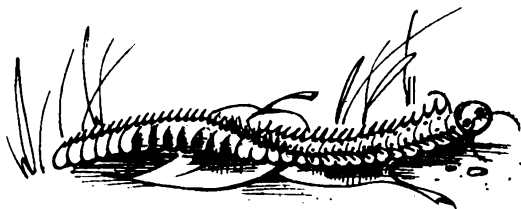
*Есть всегда у Кивсяка мечта —
Кислота, кислота,
Самая заветная мечта —
Кислота, кислота!*

— И она сбылась, эта мечта! — воскликнул он, окончив петь. — Природа снабдила кивсяков отличнейшей кислотой! Мы ее держим в пузырьках, а пузырьки прячем внутри тела. От каждого пузырька трубочка идет и заканчивается дырочкой на брюшке, но не посередине брюшка, а сбоку... Сейчас покажу, вот только на спину перевернусь... — Кивсяк лег брюшком вверх и в таком положении спросил: — Разглядели?

Все склонились над брюшком, откуда должна была поступить вожаделенная кислота.

— И впрямь, — подтвердила Сова, — по обеим сторонам брюшка два ряда дырочек махоньких.

— Из них-то я кислоту наружу и выдавливаю, — пояснил Кивсяк. — В случае чего сворачиваюсь в спираль и... — тут он снова запел

(очевидно, у него имелись песенки на все случаи жизни):

*В округе нашей знает всяк:
Имеет кислоту Кивсяк!
Обходят все меня дорожкой дальней,
Поскольку запах у нее миндальный...
Ведь я миндальничать не стану
И мигом кислоту достану!*

Это я от врагов так защищаюсь. Но мне и для друзей кислоты не жалко. Подставляйте посуду. Мало будет — других кивсяков позову, нас на каждом гектаре по несколько миллионов.

Кашалот от души поблагодарил Кивсяка за щедрый подарок — его предложение пришлось очень кстати, так как кислоты, которую должна была сдать Гарпия, конечно, не хватило бы для гравировки. Удильщик уже протянул банку, чтобы даритель выдавил в нее свою кислоту, но тут Стрекоза поинтересовалась, какая у него кислота — до нее задать Кивсяку этот вопрос никто почему-то не догадался.

— Наверное, тоже муравьиная? — предположила она.

— Да нет, — благодушно отвечал Кивсяк и, в свою очередь, удивленно спросил: — Разве вы не поняли? О ней же в песенке прямо сказано — “запах у нее миндальный”. А какая кислота так приятно пахнет? Не-

КОАПП, КОАПП!

ужели не знаете? Ладно, подскажу: самая обыкновенная кислота с очень простенькими молекулами, они состоят всего лишь из трех атомов — атом водорода, атом углерода и атом азота... Ну, всё еще не сообразили? Да синильная же, синильная! Понюхайте — пахнет горьким миндалем, верный признак!

Услышав название кислоты, которой по доброте душевной собирался поделиться с ними Кивсяк, коапповцы оторопели: все

были наслышаны о том, что милое вещество с таким именем — страшнейший яд. Особенно ошеломляющее действие это произнесенное безмятежным тоном название оказало на Удильщика. Дело в том, что он обожал детективные повести и романы, а их персонажи то и дело травили друг друга цианистым калием, то есть калиевой солью синильной кислоты (эти сведения Удильщик тоже вычитал в одном из “дюдиков” — так он именовал произведения детективного жанра).

Его реакция была молниеносной: славный член-корреспондент КОАППа в ужасе отбросил банку, еще секунду назад готовую принять смертоносную

жидкость, и с воплем: “Спасайся кто может!!” нырнул в озеро. Его “крик души” произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Все, кроме Человека, бросились врассыпную: Кашалот и Рак последовали за Удильщиком и скрылись в глубинах озера, Сова и Стрекоза в панике улетели на другой конец поляны, Гепард в несколько гигантских прыжков достиг председательского пня и укрылся за его толщей...

Кивсяк таким неожиданным поворотом событий был весьма озадачен.

— Ну и дела, — произнес он с обидой. — Я к ним со всей душой, дефицит, можно сказать, предлагаю, и на тебе — разбежались. Ладно, была бы честь предложена... — и он уполз восвояси, разворошив слой опавшей листвы.

Человек остался у ивы один. Он досадовал на себя за то, что не среагировал доста-

КОАПП, КОАПП!

точно оперативно — не удержал коллег, не объяснил им, что один Кивсяк совершенно не опасен, во всяком случае Серый Кивсяк. Вот если бы на его месте был его далекий родич из Центральной Америки, синильной кислотой которого тамошние индейцы смазывают наколенники стрел, или здоровенный Кивсяк с острова Гаити, который распыляет ее, словно поливочная машина, по обе стороны от себя эдакими двумя веерами на расстояние в три четверти метра с каждой стороны... Попадешь под такой душ — не поздоровится! А этот, местный...

Раздумья Человека были прерваны возвращающимися коапповцами.

Вид у них был смущенный. Поостыв, они опомнились и, здраво поразмыслив, сами пришли к выводу, что опасения их сильно преувеличены, и никаких причин для панического бегства не было и быть не могло. Ведь если бы синильная кислота, хранящаяся в пузырьках Кивсяка, действительно представляла для них реальную опас-

ность, она бы дала о себе знать сразу, потому что этот яд действует очень быстро...

Все взоры с укоризной обратились к виновнику паники. Удильщик предпринял слабую попытку оправдать свой всполошивший всех вопль тем, что Кивсяк пообещал позвать миллионы собратьев, но довод его прозвучал неубедительно.

Тем временем Стрекоза тщательно, ветка за веткой, осматривала иву и по завершении осмотра меланхолически объявила:

— А гусеницы бабочки Гарпии нигде нет!

— Куда же она подевалась? — спросил Рак, хотя это и так всем уже было ясно.

Гепард всё же ответил:

— Очевидно, воспользовалась всеобщим смятением и улизнула.

— Ну вот... — Кашалот был огорчен до крайности. — Всё вы, Удильщик: “Спасайся кто может!” — передразнил он, утрируя. — Где мы теперь достанем кислоту для гравировки?

— А зачем вам ее доставать? — произнес чей-то голос, доносившийся со стороны озера. Все обернулись на голос и увидели выползавшую на берег довольно крупную улитку.

— Клиент ничего доставать не должен, — заявила она, приблизившись к коаппов-

КОАПП, КОАПП!

цам, и протянула Кашалоту мелко испи-
санный клочок водоросли. — Вы тут глав-
ный? Угадала? Мудрено не угадать — та-
кой представительный мужчина... Вот эта
заявка ваша? На гравера?

Кашалот скользнул взглядом по клоч-
ку и подтвердил:

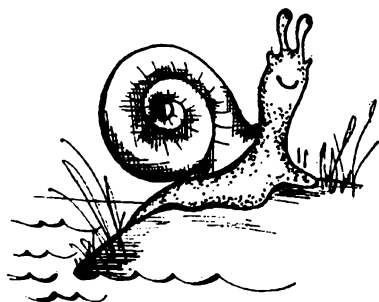
— Да, наша... — затем глянул на улит-
ку и еще больше расстроился. — А ваш
визит, очевидно, означает, — сделал он за-
ключение из увиденного, — что гравера сего-
дня не будет? И вы приползли нас об этом пред-
упредить? Весьма любезно с вашей стороны.

С какой горькой иронией прозвучали эти
слова!

— Но стоило ли проделывать ради этого та-
кой путь? — заметил Удильщик. — Ведь про-
ще было позвонить...

— Да о чем звонить-то? — улитка явно не
понимала, что хотят сказать ее собеседники.
— Я и есть гравер, морская улитка Долиум,

прислана фирмой “Го-
лубка”, прошу любить
и жаловать, — и она
стала напевать впол-
голоса известную лати-
ноамериканскую пес-
ню: “О, голубка моя,
как тебя я люблю”...

Изумлению коапповцев не было предела. Общее недоверие к услышанному, хотя и в деликатной форме, выразил Гепард:

— Но как же вы, такая мягкотелая, собираетесь гравировать по твердому мрамору?

Улитка Долиум ответила вопросом на вопрос:

— Про гибридный метод слышали?

— Про гибридный метод? — переспросил Кашалот. — Я что-то слышал: кажется, у растений берут пыльцу...

— И переносят на другие растения, — подхватила Стрекоза, — получаются гибридные сорта.

— Вы говорите про гибридный метод, — Долиум сделала ударение на “и”, — а я про гибридный. На островах Новые Гебриды местными жителями придуман. Берут улитку Долиум, такую, как я, и сажают на мрамор. Улитка ползет, остается след. Работаем по рисунку заказчика — куда он толкает, туда и ползешь. Очень удобно — не надо думать. Отклонишься — поправят.

КОАПП, КОАПП!

Называется “улитография”. Теперь-то я уж так напрактиковалась, что и без подталкивания ползу куда надо. Так что не сомневайтесь, клиенты, всё будет сделано по высшему разряду.

Но неисправимый скептик Рак всё еще сомневался.

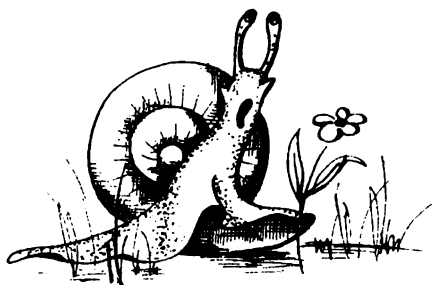
— Интересно всё же, как это у вас получается? — проворчал он недоверчиво.

Гравер, однако, и не думала засекречивать приемы своего ремесла и охотно объяснила:

— Вот говорят, что, мол, ни в каких случаях нельзя слюни распускать. Не верьте, в нашем деле без этого не обойтись. У меня в слюне серная кислота, специальные железы ее вырабатывают. А мрамор — это что? Углекислый кальций или, говоря по-ученому, карбонат кальция. Когда серная кислота на него действует, получается сульфат кальция, он же серноокислый кальций, попросту говоря — гипс.

Я ползу по мрамору, поплеываю — вот вам и надпись.

— Словом, наплевательское отношение к работе, — ввернул Гепард.

С такой оценкой своего труда улитка Долиум с готовностью согласилась и даже спела песенку:

*Уверяю вас — неспроста
Есть в слюне моей кислота...
Чтобы надпись гравировать,
Мне достаточно поплевать!*

Всё время, пока Долиум посвящала коапповцев в технологию гравировки по мрамору, сердобольная Сова смотрела на нее с состраданием и наконец не выдержала:

— Вредная небось работа, болезная ты моя,
— цельными днями с серной кислотой...

Председатель КОАППа, уделявший постоянное внимание неукоснительному соблюдению трудового законодательства, особенно в части охраны труда на вредных производствах, немедленно осведомился:

— Надеюсь, вы получаете усиленное питание?

— А как же — в обязательном порядке!
— гордо сообщила гравер. — Я, конечно, звезд с неба не хватаю, зато хватаю их на дне. Морских звезд, понятное дело. Ну и прочих иглокожих — голотурий, морских ежей... Панцирь у них известковый — тот же углекислый кальций. Твердый — не прошибешь. А после обработки кислотой языком проведешь — рассыпается. В од-

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

ном старинном романсе, моем любимом, между прочим, об этом хорошо сказано, — и она с большим чувством спела романс, мелодия которого показалась коапповцам очень знакомой:

*Раствори потихоньку, Улитка,
Твердый панцирь Морского Ежа,
Сделай в нем ты пошире калитку
И затем съешь Ежа не спеша...*

— Что ж, — заключил Гепард, — если мне теперь попадется где-нибудь в литературе фраза: “При виде этих иглокожих яств у морской улитки Долиум слюнки потекли”, я буду знать, что это не метафора, а точное описание событий.

— Куда уж точнее, — ухмыльнулась Долиум, а Кашалот выразил надежду, что слюнки у нее будут так же активно течь и при выжигании надписи на коапповской вывеске.

— Ну, ближе к делу, — сказала улитка, — сажайте на свой мрамор, давайте текст, рисунок или что там еще и не отвлекайте.

Коапповцы вернулись к мраморной плите вместе с гравером, она была бережно посажена

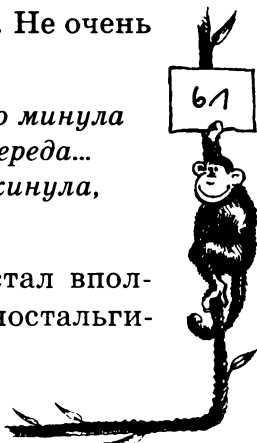
на полированную поверхность, Удильщик вручил ей эскиз вывески, и Долиум, едва взглянув на него, тотчас приступила к работе. А председатель КООППа и его верные соратники тихонечко удалились и, расположившись на берегу озера, стали с нетерпением ждать...

Вдруг из озера до них донеслись многочисленные юные голоса, распевавшие песню. При первых же ее звуках Человек встрепнулся, прислушался... Слов вначале было не разобрать, но по мере приближения поющих к берегу текст песни становился понятнее. Не очень стройный хор пел:

*До чего же грустно нам, что минула
Школьных дней чудесных череда...
Но куда б судьба нас ни закинула,
Мы их не забудем никогда!*

Человек заулыбался и даже стал вполголоса подпевать. Улыбка была ностальгической.

КООПП, КООПП!

— Друзья, — молвил он, повторив с хором две последние строчки, — это песня моей юности. Текст здесь, правда, чуточку изменен, но это неважно. Впервые эта песня прозвучала в очень давнем фильме “Разные судьбы”. Ее пели там выпускники школы, только что окончившие десятилетку и по традиции бродившие всю ночь по городу после выпускного бала. С той поры эта песня стала как бы гимном выпускников, их музыкальным паролем...

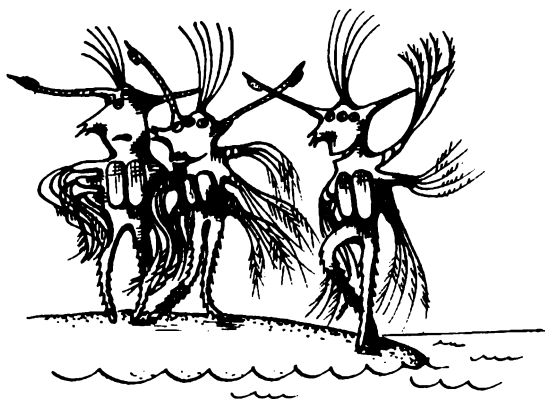
Пока Человек говорил, молоденькие певцы подплыли к самому берегу и стали хорошо различимы. Это была большая компания рачков-подростков, скорее даже юношей и девушек, стоявших на пороге взрослой жизни.

Председатель КОАППа любил общаться с молодежью, в данном же случае общение с нею могло к тому же скрасить томительное ожидание, ибо в эти ответственные минуты, когда коапповская вывеска обретала зримые формы, заниматься чем-либо иным он был решительно не в состоянии.

Приблизившись к самой кромке воды, Кашалот обратился к рачкам, стараясь придать своему голосу как можно более жизнерадостное звучание:

— Здравствуйте, ребята!

— Здравствуйте! — хором откликнулись они.

— Давайте знакомиться: мое имя...

— Кашалот! — выпалила бойкая девчурка, по всей видимости заводила компании. — Вас в океане все знают. А меня зовут Баля, его Жолик, — она указала на симпатичного паренька, исполнявшего при ней, судя по всему, роль верного рыцаря. — А вот этого, — в голосе ее явно прозвучала нотка презрения, — Клей.

— Персональный приветик! — вякнул развязным тоном рачок, названный последним.

— Помолчи, хоть здесь, в КОАППе, нас не позорь, — тихо, но с угрозой произнесла Баля.

— А то живо схлопочешь, — предупредил Жолик.

— Из какого вы класса, ребятки? — спросил Удильщик.

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

— Из класса ракообразных, отряд усоногих рачков! — четко дoloжила Баля, словно рапортуя на пионерской линейке. — Жолик, спой им нашу песенку... если вы хотите, конечно, — поспешно добавила она, обращаясь к коапповцам.

Как и следовало ожидать, захотели все, а некоторые даже крикнули “Просим!”

И Жолик спел:

*И в тропиках, и в Арктике живут
ракообразные,
Ужасно интересные, весьма разнообразные.
Мы всюду — на поверхности и там,
где глубина,
И как же нам обидно, что наши имена —
Веслоногие, жаброногие, листоногие,
Равноногие, разноногие, ротоногие
И, конечно же, мы, усоногие, —
Знают очень и очень немногие.
Так пусть запомнят дети
И даже старички,
Что рядом на планете
Живут на белом свете
Такие симпатичные,
Такие необычные,
Такие усоногие рачки!*

— Вообще-то в отряде усоногих рачков несколько семейств, — пояснила Баля, когда стихли аплодисменты. — Наше семейство называется “балянусы” или, что то же самое,

“морские желуди” —
“балянус” на латыни
и значит “желудь”.

— Морских желу-
дей я хорошо знаю,
— обрадовался Ка-
шалот, — я видел их
много раз — подвод-
ные скалы сплошь по-
крыты их известковыми домиками.

— А почему же тогда эти подростки без домиков? — подозрительно осведомился Рак.

— “Почему, почему”, — передразнила Сова.
— А потому! Никому-то ты не веришь. Дума-
ешь, ежели твои рачата сызмальства на тебя
похожи, значит, у всех так? Ан нет!

Сову горячо поддержала Стрекоза: о право-
те своей пернатой коллеги по КОАППу ей
было известно по личному опыту. Ведь ее ли-
чинки и отдаленно не напоминают маму,
даже обитают в другой, чуждой среде, чуж-
дой для нее, но родной для Рака... Уж их-
то, ее личинок, он, живущий по соседству,
должен был бы знать? И о других его сосе-
дях напомнила Раку Стрекоза — о головас-
тиках, также не похожих на взрослых, то
есть на лягушек...

Она так его пристыдила, обрушила на
его голову столько подобных примеров, что

КОАПП, КОАПП!

Рак — редкий случай! — пожалел о своей скептической реплике. А заключила Стрекоза свою тираду так:

— Что же удивительного, что и у морских желудей дети не похожи на родителей?

Эта невинная фраза вызвала бурный протест у Клея:

— Какие мы вам дети? — забубнил он обиженно. — Разве не видите усики?

Общий смех был ему ответом, а Гепард изрек нарочито серьезным тоном:

— Да-а, довод неотразимый, что и говорить. По этому признаку у многих животных даже новорожденные могут считать себя взрослыми — ведь они рождаются усатыми...

— Тоже могут сказать — дескать, мы и сами с усами, — вторила ему Сова, давась от смеха.

— Так ведь вся штука в том, с какими усами! — не сдавался Клей.

— Ну что ты заладил, — не выдержала Баля, — разве только в усах дело?

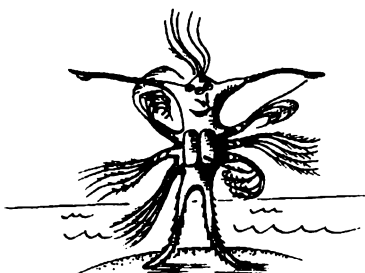
— А в чем же? — любопытствовал Удильщик.

Его любопытство взялся удовлетворить Жолик.

— Гораздо важнее, в смысле признаков взрослости, что на нас теперь форма: двубортная... — заметив, что оговорился, он тут же поправился, — то есть, я хотел сказать, двустворчатая хитиновая раковинка. Чтобы ее получить, надо шесть раз линять, а это у нас со дня рождения десять дней занимает.

— Как раз вчера, — гордо сообщила Баля, — мы окончили десятидневку!

Узнав об этом, председатель КОАППа и его сослуживцы от всей души поздравили рачков с окончанием. Балянусы, в свою очередь, поблагодарили за поздравление, — также от всей души, — и торжественно обещали отдать все силы для построения... А вот для построения чего, они не уточнили: Баля и Жолик переглянулись и замолчали,

КОАПП, КОАПП!

сделав знак остальным рачкам, чтобы они последовали их примеру, и таким образом замяли этот вопрос — как вскоре выяснилось, отнюдь не случайно...

Но в тот момент Кашалот ничего не заметил и проникновенно произнес:

— Итак, мои юные друзья, ваше детство окончилось... Это большое... Нет, лучше сказать, огромное, колоссальное событие!

— Ещё бы! — радостно согласилась Баля.
— У нас теперь есть всё необходимое для начала взрослой жизни: шесть пар ножек со щетинками, настоящие челюсти, три глаза...

— И усы! — вставил Клей.

— Снова здорово. — Жолик сделал выразительный и всем понятный жест, повертев передней ножкой у головы. — Прямо зациклился на своих усах. Ладно, успокойся — и усы тоже... — и он запел, а Баля подхватила:

*Три глаза и двенадцать ножек,
Щетинки, челюсти, усы...
Как много совершить теперь мы сможем,
Если не тратить,
Попусту не тратить
Жизни драгоценные часы!*

— Да-а, — протянула Баля и вздохнула, — в песне-то все легко и просто получается: “Как много совершить теперь мы сможем!” А что совершить, где совершить? Кто нам подскажет?

Пока она говорила, Жолик недовольно поглядывал на подружку и наконец сказал с досадой:

— Баля, ты не крутись вокруг да около, а выкладывай прямо: зачем мы приплыли.

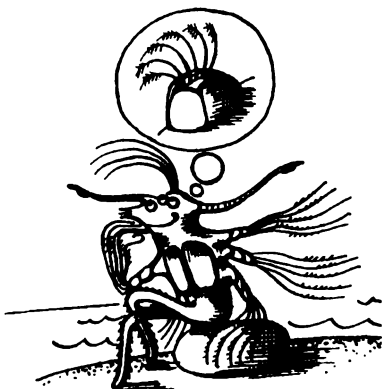
— Ты прав, — согласилась она. — Так вот, после выпускного бала мы по традиции бродили всю ночь по озеру, пели песни, мечтали о будущем...

— Мечтатели... — Клей ухмыльнулся. — Всё равно кончите тем же, что и все балянусы: остепенитесь, постройте домики...

— Замолчи, обыватель несчастный! — Баля, кажется, готова была вцепиться в него челюстями. — У тебя только домик на уме. Вот вы, Рак, удивлялись, что мы на родителей не похожи. А я и не хочу быть на них похожей! И Жолик тоже, и многие наши одноклассники. Знаете, почему?

— Почему? — спросили все в один голос, так как сказанные девушкой с большой горячностью слова очень всех заинтриговали.

— Потому что... Нет, пусть лучше Жолик вам покажет, как отец с матерью его

КОАПП, КОАПП!

уму-разуму учат, и вы всё поймете. Жол, изобрази.

И Балин друг, в котором явно таился актерский талант, шаржированно и очень смешно воспроизвел назидательную речь своего папаша:

— “Запомни сын: самое главное в жизни — прочное положение. Для этого перво-наперво надо место хорошее подыскать. Тут важно не торопиться: пока молод — поплавай, осмотришь, приглядишь... У тебя для это-

го все возможности — целых три глаза, не то что у нас с матерью — по одному. Хотя нам и один без надобности, всё равно никуда не выходим, а в своих домиках и с закрытыми глазами каждый уголок знаком”.

— “В своих домиках”? — переспросил Кашалот, полагая, что Жолик просто оговорился. — Разве у родителей не общий дом?

— Что вы! — Жолик даже протестующе замахал передними ножками, словно Кашалот сделал невесть какое невероятное, немыслимое предположение. — У отца свой, у матери свой.

— И у моих тоже, рядом стоят, — обронила его подружка как бы вскользь, но видно было, что она делится наболевшим. — Они и познакомились через стенку. Я говорю: “Папа, зачем вам два дома? Отдайте один”. А он: “Два надежнее”.

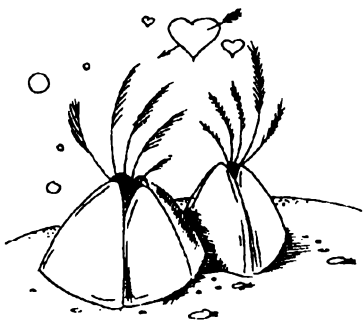

— А дома... — снова вступил Жолик. — Хоромы! Шестистенки! Посмотришь — прямо каменный цветок, а не дом.

— Действительно, — согласился Удильщик, не раз видевший на дне поселки морских желудей, — домик Балянуса напоминает по форме тюльпан с шестью лепестками.

— Но лепестки-то известковые! — воскликнула юная поборница социальной справедливости таким тоном, будто с болью уличала близких родственников в присвоении общественной собственности в особо крупных размерах. — Я спрашиваю: “Папа, скажи, только честно, где вы с мамой взяли известь для стенок?” А он: “Химию надо знать, дочка. Известь что содержит? Кальций. А кальция в морской воде растворено сколько угодно, он бесхозный”. Я ему: “Папа, что значит “бесхозный”? Ведь он всё равно не наш!” А отец в ответ: “Зато стенки какие — не прошибешь!”

— Знакомые речи, — поддакнул Жолик. — Родителей наших тоже не прошибешь. Отец говорит: “Мой дом — моя крепость”.

И лежит он в этой своей крепости на спине круглые сутки — ноги кверху, только время от времени крышу раздвигает.

— Ого, как в обсерватории! — заметил Гепард. — Он что, звезды наблюдает?

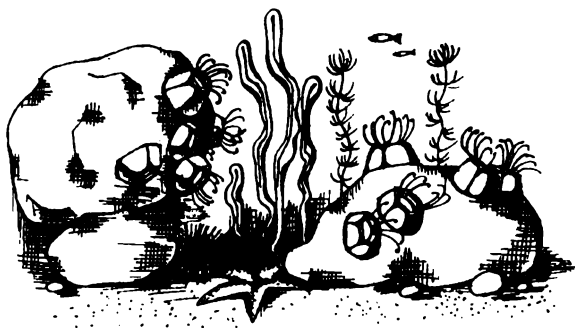
— Звезды? — Баля презрительно усмехнулась. — наших родителей звезды не интересуют. Они как крышу раздвинут, ножки в щель высовывают и начинают загребать.

Коапповцы попросили уточнить, что следует понимать под этим словом.

— На ногах щетинки, — пояснил Жолик, — в них всякая мелкая живность застревает: веслоногие рачки, микроскопические водоросли, даже бактерии. Отец поучает: “Балянуса ноги кормят”. И мать туда же: “Учись, сынок, что добыл, в дом тащи, а то есть такие недотепы, всё из дому; чужому отдаст, а сам ногу сосет”...

— А меня, — подхватила Баля, — мама всё насчет места наставляет: “На голом месте не поселяйся, только на обжитом. Увидишь поселок балянусов — значит, тут жить можно, раз другие живут”. Я говорю: “Мама, но ведь кто-то дол-

жен поселиться первым, за кем придут потом другие!” А она: “Конечно, должен, но почему обязательно ты?” Вот и поговори с ними... Всю ночь мы размышляли, спорили — для чего мы живем на этом свете?

— Тоже мне мыслители доморощенные, — свернул Клей и язвительно повторил: “Для чего мы живем?” Смысл жизни им захотелось узнать. Да тут и спорить нечего: живем для того, чтобы сидеть на тепленьком местечке и загребать. Миллионы лет балянусы так живут.

Жолик от возмущения даже не нашел подходящих слов для достойной отповеди и только бросил презрительно:

— Эх ты, Клей...

— Это что же, имя у него такое? — заинтересовалась вдруг Сова.

— Нет, прозвище, — сказала Баля. — Вы думаете, зря он со своими усиками носится? На них...

КОАПП, КОАПП!

— Ты мои усики не тронь, — сердито перебил Клей, — у самой точно такие же, так о них и говори, а о своих я сам скажу. Так вот, — с вызовом произнес он, обращаясь уже к коапповцам, — место хорошее найти — ерунда, удержаться на нем — вот что главное! А как удержаться? Смотрите: на каждом усике маленький диск. Это присоска. Нашел место — присосался. Но присоски — это так, временно, пока клей не схватит. Только тут голову приложить надо, потому что мы, балянусы, головой приклеиваемся. Видите, у основания усиков, у самой головы, бугорки?

Коапповцы, склонившиеся над головой рачка, подтвердили, что хорошо их видят.

— Это цементные железы, — пояснил Клей, — они клей вырабатывают, и не какой-нибудь, а особенный, он в воде твердеет. А уж как приклеился — всё, намертво: с этого места балянуса зубилом не собьешь! Вот какой у нас клей!

— Кто там сказал про клей?! — раздался вдруг удивленно-радостный крик Мартышки, прозвучавший примерно так же, как, вероятно, прозвучал свыше двух тысячелетий назад ликующий возглас Архимеда: “Эврика!” — “Я нашел!”, — когда, открыв свой знаменитый закон, он выскочил из ванны и промчался голышом по улицам Сиракуз...

Мартышка тоже мчалась (хотя и не голышом, а прикрытая шерстью), и вид у нее был такой сияющий, такой счастливый, словно и она только что совершила выдающееся открытие. Так оно, в сущности, и оказалось.

— Так кто же тут сказал про клей?!

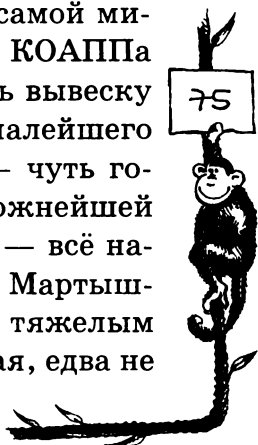
— Вот этот рачок, — Стрекоза указала на Клея, цементные железы которого она только что рассматривала вместе со всеми. — А что?

— А то, что я его расцеловать готова!

И под недоуменными (но только вначале!) взглядами коапповцев Мартышка вздохнула, оживленно жестикулируя всеми четырьмя руками, поведала о том, как с той самой минуты, когда лично председатель КОАППа повелел ей найти способ укрепить вывеску на дереве, не причиняя ему ни малейшего вреда, она непрерывно думала — чуть голова не треснула! — над этой сложнейшей задачей, прикидывала так и сяк — всё напрасно, решение не приходило... Мартышка совсем уж было отчаялась и с тяжелым сердцем, подавленная и несчастная, едва не

КОАПП, КОАПП!

плача, поплелась назад, к коллегам, с ужасом представляя, как вынуждена будет на их глазах признаться шефу в своей творческой несостоятельности. Она протащилась уже полпути, когда до ее слуха донеслось вдруг слово “клей”. И ее осенило: вот оно, решение! Вывеску надо приклеить!

— То-то сразу помчалась! — прокомментировала, посмеиваясь, Сова.

Неординарная интеллектуальная находка члена-корреспондента КОАППа Мартышки была встречена коапповской общественностью с энтузиазмом и немедленно рекомендована председателем КОАППа к практическому внедрению. А на подсказавшего ее, хотя и ненамеренно, Клея стали смотреть с меньшей антипатией, некоторые даже с симпатией...

Но гениальные находки обладают одним замечательным свойством: озарение, снизошедшее на творческую личность, способно вызвать

цепную реакцию идей. Не что подобное случилось и на этот раз. Не улеглось еще

радостное оживление по поводу изобретения Мартышки, как у другого члена-корреспондента КОАППа,

Удильщика, возникла не менее блестящая и плодотворная мысль: использовать для приклеивания вывески к дереву клей морских желудей!

— Ребята, — обратился он к баянусам, когда отзвучали возгласы одобрения, — вот вам великолепное поприще для общественно полезной деятельности: приклеить вывеску КОАППа. Возьметесь?

— Спрашиваете! — закричала Баля. — Ой, как здорово!

Ее товарищи и подруги тоже не могли скрыть ликования. Даже Клей удержался на этот раз от язвительных замечаний — его прозвище, кстати, в данных обстоятельствах сразу повысило его престиж в глазах одноклассников.

Зато от скептического замечания не удержался Рак.

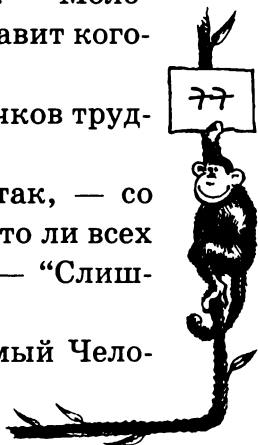
— Поручить им такую ответственную работу? — проворчал он с сомнением. — Молоды еще. Отвалится вывеска, придавит кого-нибудь, а нам отвечать...

Огорчение и разочарование рачков трудно было описать.

— Вот вы, взрослые, всегда так, — со слезами в голосе упрекнула Баля то ли всех коапповцев, то ли одного Рака. — “Слишком молоды, не доросли еще”...

— А вы что скажете, уважаемый Чело-

КОАПП, КОАПП!

век? — Кашалот счел разумным привлечь его к решению данного вопроса в качестве арбитра, поскольку не рискнул взять всю ответственность на себя.

— Я скажу, что мне доводилось видеть, как с днища судна счищают поселившихся на нем баянусов: судно ставят в док, и незванных жильцов сбивают пневматическими отбойными молотками. Так вот, домики баянусов отлетают только вместе с частицами металла.

— Это что же, — поразились Мартышка, — выходит, клей баянусов прочнее металла?

— Выходит, что так, — подтвердил Человек. — Но это еще не всё. Ученые всесторонне исследовали этот клей. Стойкость его оказалась

невероятной! Его можно нагреть до трехсот с лишним градусов и заморозить почти до абсолютного нуля, на него не действуют ни сильные растворители, ни едкие вещества. Домики ископаемых баянусов, живших десятки миллионов лет назад, держатся на скалах так же прочно, как и только что построенные!

— Значит, и наша вывеска продержится миллионы лет! — восторженно пропищала Стрекоза, и это решило дело: против такого довода председатель КООППа не смог бы устоять даже без поддержки Человека.

— Всё ясно, — важно изрек он и объявил во всеуслышание: — Я принял решение: ребята, доверяю вам приклеить вывеску!

Над коапповской поляной и озером разнеслось тысячеголосое “Ура-а!!!” морских желудей, сменившееся деловитой командой Бали: “За работу!”

— Это вон ту мраморную плиту надо приклеить? — попросил уточнить на всякий случай Жолик.

— Да, — подтвердил Гепард, — как только гравер, то бишь улитка Долиум, закончит выжигать текст и рисунок. Кстати, как там у нее дела?

Коапповцы вместе с рачками направились к плите, и как раз вовремя — Долиум приветливо помахала им ногой и крикнула, что заканчивает работу, после чего весело запела:

*Рисунок сложный или простой
На мраморе я выжигаю усердно,
Поскольку плюю на него кислотой,
Причем очень едкой и жгучей — серной!*

— Последнюю букву гравировую, — сооб-

КОАПП, КОАПП!

щила она хозяевам поляны, когда они подошли вплотную.

— Пока вы ее гравироваете, дорогая Долиум, — обратился к ней Гепард, — не ответите ли вы мне на один нескромный вопрос: если в вашей фирме работают улитки, почему же фирму называли “Голубкой”?

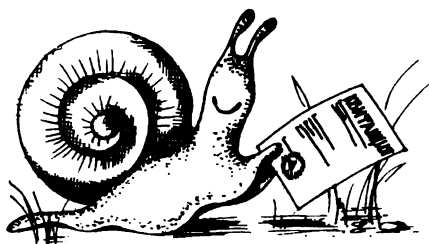
— А вы что, хотите, чтоб ее “Улиткой” называли? Так и клиентов растерять недолго... Ну, вот и всё, готово. Распишитесь внизу. — И она протянула Кашалоту квитанцию.

Он расписался, улитка забрала квитанцию и со словами “Счастливо оставаться” уползла.

Все махали ей вслед кто ластом, кто плавником, кто крылом, кто лапой, и кричали вдогонку: “До свидания! Большое спасибо!” Одна Мартышка не принимала участия в проводах гравера, так как в силу своего нетерпеливого характера жаждала поскорее взглянуть на результаты ее работы. А взглянув, захохотала так, что схватилась за живот и повалилась на землю с криком: “Ой, не могу — что она нам

понаписала и понарисовала!”

Ее коллеги с недобрým предчувствием обступили плиту. На ней была надпись по-

лукругом: “Люби меня, как я тебя”, а под ней — два целующихся голубка.

Несмотря на драматизм ситуации, а может, и вследствие его, всех разобрал прямо-таки истерический смех...

— Но как это могло произойти? — сквозь хохот изумленно спросила Стрекоза.

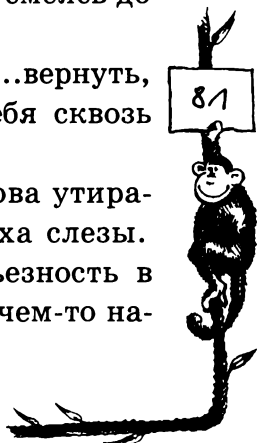
— Видимо, такую надпись с голубками заказывают чаще всего, и улитка повторила ее машинально, по привычке, — предположил Человек, смеясь до икоты.

— На... надо с...срочно ее верн...вернуть, — Удильщик еле выдавил из себя сквозь хохот эту фразу.

— Далече-то не уползет! — Сова утирала крылом выступившие от смеха слезы.

Один Кашалот сохранял серьезность в этой смешливой компании. Он о чем-то напряженно размышлял...

КОАПП, КОАПП!

— Так что, дорогой председатель, догнать гравера, вернуть? — спросил, не дождавшись на этот счет никаких указаний, быстроногий Гепард.

— Подождите, это мы всегда успеем. — Кашалот еще раз задумчиво посмотрел на плиту и медленно прочел надпись, как бы взвешивая каждое слово: “Люби меня, как я тебя”... — Хм, — произнес он после паузы, — а ведь, пожалуй, это изречение довольно точно выражает смысл нашей деятельности...

— Да-да, — подхватил Удильщик, всегда и во всем соглашавшийся со своим любимым председателем, — оно проникнуто свойственным КОАППу духом всеобщей доброжелательности и миролюбия!

— И притом в нем есть чувство! — добавила Стрекоза.

А Мартышка обратила внимание коллег на то, что с такой вывеской уже не нужно будет ставить повсюду таблички: “На территории КОАППа кусать и съедать друг друга категорически запрещается!”

— Решено, — твердо заявил Кашалот, — оставляем эту надпись и голубков!

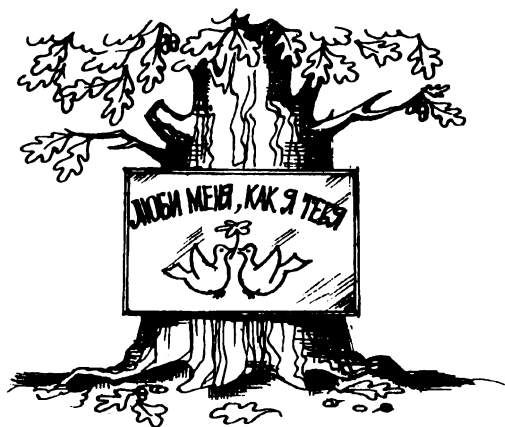
— А мы уже покрыли клеем обратную сторону плиты! — гордо доложила Баля.

— Скорее ставьте, пока он не затвердел! — предупредил Жолик.

Коапповцы, не теряя ни секунды, положили плиту в машину намазанной клеем стороной вверх, Человек быстро довез ее до входа на поляну, там общими усилиями подняли ее и прислонили к необхватному дубу, заранее выбранному и размеченному Мартышкой. Не прошло и минуты, как клей схватил — и вопреки опасениям Рака, плита держалась отменно!

Комитет Охраны Авторских Прав Природы обрел наконец долгожданную и столь необходимую вывеску. И не какую-нибудь заурядную, а совершенно уникальную, единственную в своем роде. На ней, правда, нет названия этого учреждения, но о том, что здесь КОАПП, все и так знают.

Разумеется, такое замечательное событие коапповцы отметили должным образом. А как именно — об этом история умалчивает...

ЗАСЕДАНИЕ,

где была произнесена, хотя и не впервые в истории, историческая фраза: „Мы пойдем другим путем!“, а также выяснилось, что не только инженерам есть что позаимствовать у Природы — иным мужчинам вида „*Гомо сапиенс*“, то есть „Человек разумный“, не вредно поучиться галантности у четвероногих и пернатых представителей сильного пола...

В ПОИСКАХ ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ

Председатель КООППа, будучи образцовым руководителем, не терпел у подчиненных разгильдяйства, в том числе и таких его проявлений, как опоздания на работу (сам он, правда, нередко являлся на коопповскую поляну в разгар рабочего дня, но, как известно, начальство не опаздывает, а задерживается). Поэтому коопповцы, прибывшие в урочный час на очередное заседание Комитета Охраны Авторских Прав Природы и увидевшие сердитую физиономию Кашалота, решили, что раздражение его вызвано отсутствием Мартышки, которая грешила довольно частыми нарушениями трудовой дисциплины. Впрочем, Гепард допускал, что, возможно, Мартышка тут ни при чем — шеф просто не в духе...

Приблизившись к председательскому пню, за которым восседал Кашалот, колле-

КООПП, КООПП!

ги вежливо поздоровались, но он в ответ лишь кивнул, не отрываясь от чтения какой-то бумаги. Рядом с ней лежал вскрытый конверт с цветастыми марками — следовательно, бумага пришла по почте. И чем дальше председатель ее читал, тем больше хмурился. Коапповцам стало ясно, что причина негодования их начальника в содержании прочитанного, а не в опоздании Мартышки или плохом настроении...

Дочитав бумагу до конца, Кашалот пришел в такое бешенство, что изо всей силы стукнул ластом по ни в чем не повинному пню (психологи называют такие действия “переадресованной реакцией”, она свойственна как людям, так и животным).

— Нет, каков мерзавец! — загремел его гневный голос. — Пятый раз перечитываю, и никак не могу поверить, что подобное возможно...

— Что именно?

— хором спросили до крайности заинтригованные коапповцы.

— Ах, да, вы же не в курсе...

— спохватился

Кашалот. — Так вот, друзья, на мое имя поступило заявление... вот оно, — и он показал бумагу, которую читал. — Здесь сообщают о фактах настолько возмутительных, настолько противоречащих нашей морали, что я ... что мы... — председатель был так взволнован, что не смог дальше связно говорить и, протянув заявление Гепарду, попросил зачитать его вслух.

— С удовольствием, — сказал Гепард, принимая бумагу, и, взглянув на нее, заметил: — Почерк довольно корявый, но как-нибудь разберу.

Первым словом, которое ему пришлось разбирать, был заголовок. После нескольких попыток его удалось прочесть: “ДАНИСЕНЕЕ”.

— Три ошибки в одном слове! — весело констатировал Гепард. — Уже интересно. Автор, безусловно, незаурядная личность — заурядной такое не по силам. Та-ак, посмотрим, о чем же он доносит... — бегло пробежав глазами текст, Гепард быстро при-

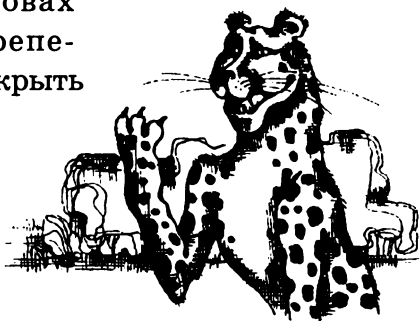
способился к манере письма доносившего и дальше читал довольно бегло: “Как я являюсь примерным семьянином, то и не могу глядеть без душевного несоответствия на безобразия соседа моего по Индии птицы-Носорога, который над законной женой куражится...”

При этих словах Удильщик восторженно вскрикнул, но чтобы скрыть нездоровое любопытство, спросил как можно более безразличным тоном:

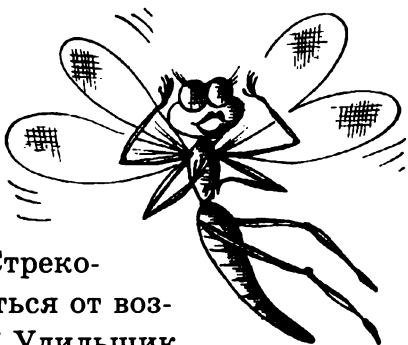
— А как куражится, написано?

Гепард подтвердил, что автор “данисенея” кураж описал, и довольно подробно, в чем Удильщик может убедиться сам — и он передал бумагу, показав, с какого места продолжить чтение. Удильщик, водя концом удочки по неровным строчкам, стал торопливо читать:

— “Из дому ее никуда не выпускает, выход из дупла глиной замазал,

а теперь так и вовсе перья у бедной отобрал, чтобы летать не могла, и на улице чтоб не в чем было выйти”.

Чувствительная Стрекоза не смогла удержаться от возгласа: “Какой ужас!” Удильщик, с укоризной взглянув на нее, попросил не прерывать его и продолжил:

— “И кто ему, птице-Носорогу, дал такие права? Нет такого закону, чтоб у родной жены последние перья отбирать, и какой пример для молодежи, а у меня дочери растут”.

Прочитав последнюю фразу, Удильщик растерянно развел плавниками и протянул:

— Мда-а... Что тут скажешь...

— Как, вам нечего сказать, Удильщик?! — вскричал Кашалот. — Замуровать в дупле жену, мать своих детей!! Да ведь это же... это... — он никак не мог найти подходящее определение, но наконец нашел и выпалил — как припечатал: — Это типичные феодально-байские пережитки, отрывка прошлого!!!

Обличительные слова председателя были поддержаны возмущенными восклицаниями его верных соратников. Возмущение

КОАПП, КОАПП!

требовало выхода, и председатель отдал распоряжение секретарю КОАППа птице-Секретарю подготовить карикатуру на птицу-Носорога для стенда "Не проходите мимо!"

Надо сказать, что во времена, к которым относится данное повествование, такие стенды получили у людей широкое распространение. В них публично клеймились пьяницы, прогульщики, бракоделы, дебоширы, хапуги и прочие лица с антиобщественным поведением. Кашалот давно уже собирался воспринять этот ценный опыт и завести подобный стенд в КОАППе, справедливо полагая, что раз люди заимствуют изобретения Природы, то и создания Природы не грех воспользоваться иногда изобретениями людей. Но из-за чрезмерной занятости до ре-

ализации этой идеи как-то не доходили ласты... И вот сейчас он решил, что час пробил: вопиющий прецедент с птицей-Носорогом — весьма подходящий повод для того, чтобы осуществить наконец давнее свое намерение. Кашалот ни ми-

нуты не сомневался, что если выставить самодурство пернатого домашнего тирана на всеобщее обозрение, это вызовет большой общественный резонанс и будет способствовать облагораживанию нравов.

— Только прежде чем рисовать карикатуру, выясните сначала, как эта птица выглядит, — посоветовал он на всякий случай птице-Секретарю: вдруг сама не догадается?

— Да чего тут выяснять-то, — вмешалась Сова, — обыкновенно выглядит: клюв огромный, книзу загнутый... Ты лучше вот чего скажи: донос-то этот кто написал?

Кашалот глянул в конец бумаги, которая уже вернулась к нему и снова лежала на председательском пне, и сообщил, что под заявлением стоит подпись “Доброжелатель”.

Мудрая Сова с сомнением покачала головой. Во всех жизненных ситуациях она привыкла проявлять осмотрительность, а посему сочла необходимым предостеречь:

— Слышь, председатель, ты бы погладил с этой... как бишь ее... с кирикатурой. Надо бы наперед узнать, что за зверь такой али птица — Доброжелатель.

— Да-да, милая Сова, обязательно надо

КОАПП, КОАПП!

узнать! — поддержала Стрекоза. — Вдруг Доброжелатель вовсе не зверь и не птица, а насекомое? — судя по тону, ей этого очень хотелось, что неудивительно: Стрекоза была патриоткой своего класса. — Между прочим, — добавила она как бы мимоходом, — вероятность того, что это насекомое, очень велика: ведь в нашем классе насекомых полтора миллиона видов — больше, чем во всех остальных группах животных, вместе взятых, и каждый год открывают новые... Так, может быть, и Доброжелатель — новый вид насекомых, неизвестный науке?

— Допустим... и что это меняет? — в вопросе Удильщика явно содержался и ответ: ничего это не меняет. Однако он счел нужным сформулировать свое утверждение более четко: — Если факты достоверны, то каким бы животным ни оказался Доброжелатель...

Но он не договорил — его перебил Человек, объяснивший, что такого животного нет, а словом “Доброжелатель” обычно подписывают анонимные письма, заявления, доносы, то есть сообщения, авторы которых хотят скрыть свое имя.

Кашалот тут же заверил коллег, что скрыть его вряд ли удастся, поскольку для проверки фактов, изложенных в заявлении, он командировал в Индию собственного корреспондента газеты “Вечерний КОАПП” на суше Мартышку...

Услышав об этом, коапповцы вздохнули с облегчением: столь длительное отсутствие Мартышки на заседании КОАППа начинало их беспокоить — ведь обычно она опаздывала не больше, чем на пять-десять минут. Что же касается отсутствия Рака, то никакого беспокойства оно не вызывало — все знали, что у него очередная линька, и по этому случаю он остался дома, оформив больничный лист (линька, правда, не болезнь, но не менее опасна для здоровья и

КОАПП, КОАПП!

даже для жизни: ведь первые дни после линьки раки совершенно беззащитны).

...Кашалот тем временем продолжал увлеченно развивать мысль о неизбежности раскрытия инкогнито Доброжелателя: мол, ясно, что в процессе проверки заявления Мартышка наверняка выйдет на автора и установит его личность, а заодно выяснит, почему он не подписался собственным именем.

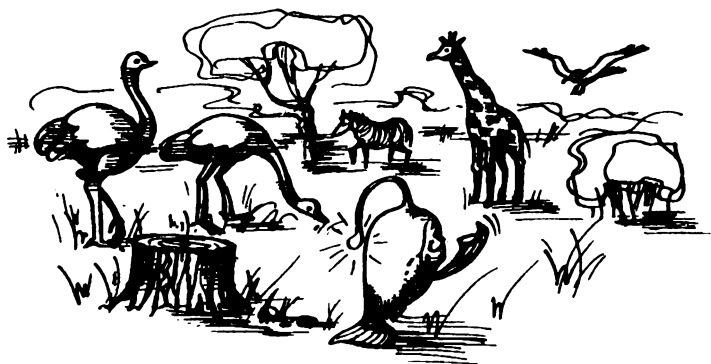
— Может, ему угрожали? — предположила Стрекоза.

— Всё может быть, гадать бесполезно — подождем результатов проверки... — Кашалот принял вдруг чрезвычайно важный вид и, оглядев подчиненных многозначительным взором, торжественно изрек: — Однако независимо от них мы обязаны принять срочные меры! Прежде всего нам следует провести среди животного населения разъяснительную работу. Пора заострить внимание на проблеме семейных отношений и вообще на нашем отношении к женам, матерям, сестрам и подругам!

Сова энергично закивала головой в знак полного согласия:

— Ой пора, Кашалотушка, давно пора!

— Совершенно верно, уважаемая Сова, эта проблема существует давно — с тех самых пор, как на свете появились матери, жены, сестры

и подруги. В дальнейшем я намерен созвать посвященные ей, этой глобальной проблеме, всемирные, а возможно, даже вселенские съезды, симпозиумы, научные и практические конференции, но и сегодня, в ожидании подобных всеобъемлющих мероприятий, мы не должны сидеть сложа ласты. Поэтому обсуждение данной проблемы мы начнем пусть пока в ограниченных масштабах, но немедленно, сию же минуту!

— Это замечательно, милый Кашалот, но... — Стрекоза в недоумении оглядела пустынную поляну и кучку собравшихся у председательского пня коапповцев, — но с кем же мы станем ее обсуждать? Между собой?

Видно было, что и коллеги Стрекозы разделяют ее опасения, однако председатель КОАППа рассеял их, заявив, что хотя боль-

КОАПП, КОАПП!

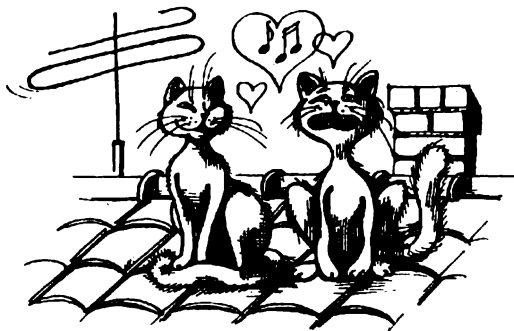

шого числа обсуждающих ждать не приходится, но, как он надеется, кое-кто на обсуждение непременно придет, прилетит, приползет или приплывет: десяток-другой приглашений обещала занести по дороге в Индию Мартышка, а некоторых оповестили по телефону либо по факсу — кого успели...

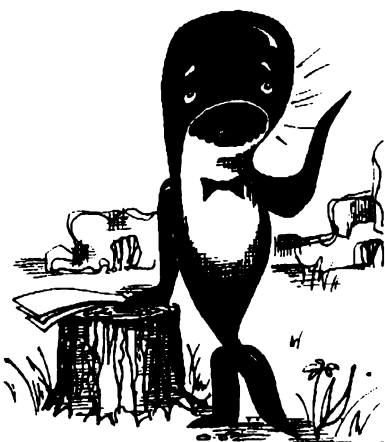

И действительно, на поляне понемногу стали появляться приглашенные — звери, птицы, пресмыкающиеся, земноводные, насекомые, пауки... Когда их набралось десятка два, Кашалот решил, что можно начинать, и возвестил проникновенным голосом:

— Уважаемые гости! Дорогие коапповцы! Мы собрались, чтобы рассмотреть ряд животрепещущих, можно сказать, наболевших вопросов, касающихся отношения представителей сильного пола к представительницам прекрасного пола. Позвольте поделиться некоторыми свои-

ми соображениями по этому поводу. Я тут набросал кое-какие тезисы... так, где же они? — разрыв ворох бумаг, которыми была завалена поверхность председательского пня, он разыскал несколько мелко исписанных листков. — Ага, вот они! — Кашалот поло-

жил листки перед собой и откашлялся, как он делал это всегда перед изложением теоретических аспектов любой проблемы. — Итак, отношение к особам женского пола делится на проявление: а) Внимания; б) Чуткости; в) Заботы. Начнем с внимания. Это, прежде всего, исполняемые в честь подруги песни, именуемые серенадами — их поют кузнечики, цикады, сверчки, лягушки, жабы, а также дельфины, усатые киты, усатые коты...

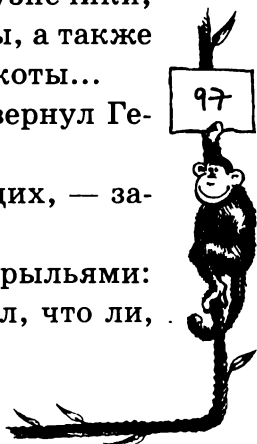
— Особенно мартовские, — ввернул Герпард.

— И ряд других млекопитающих, — завершил перечень Кашалот.

Сова протестующе замахала крыльями:

— А про птиц-то певчих забыл, что ли, председатель?

КОАПП, КОАПП!

— О певчих птицах, дорогая Сова, нужно не говорить, а петь! — и Кашалот в самом деле пропел несколько тактов из знаменитого романса Алябьева “Соловей”: — “Соловей мой, соловей, голосистый соловей...” — гремел над поляной его могучий голос.

Восхищению коапповцев не было предела — они и не подозревали за своим председателем таких талантов...

— Наш одареннейший из председателей, да у вас, оказывается, настоящий колоратурный бас! — воскликнул Гепард. — Вы вполне могли бы выступать соло!

Удильщика вдруг осенило:

— Кстати, не происходит ли слово “соло” от слова “соловей”?

— Возможно, и происходит, — произнес очень мелодичный и очень печальный голос, — но отныне мой голос не будет звучать ни соло, ни в птичьем хоре... — с этими скорбными словами с ближнего дерева слетел и уселся на председательском пне тот, о ком только что шла речь — сам Соловей собст-

венной персонной. — И люди, которые придут издалека в соловьиновую рощу специально для того, чтобы насладиться моим сольным пе-

нием, — добавил он после паузы, — уйдут отсюда, как говорится, не соло хлебавши.

И хозяева коапповской поляны, и их гости были совершенно обескуражены этим неожиданным и, казалось бы, ничем не мотивированным решением. Отовсюду слышались удивленные возгласы:

“Как?!” , “Почему?!” , “Что произошло?!” .

— Как ни тяжело было мне решиться на это, — голос пернатого виртуоза дрогнул, — я заставил себя навсегда отказаться от пения, чтобы никто не мог сказать, будто я пою из низменных побуждений...

Буря протестующих восклицаний поднялась после такого сногшибательного заявления!

— Кто осмелится сказать что-либо подобное о Соловье?! — грозно спросил Кашалот.

— О кумире поэтов и композиторов! — выкрикнул Удильщик.

КОАПП, КОАПП!

— А главное, влюбленных! — вторила ему Стрекоза.

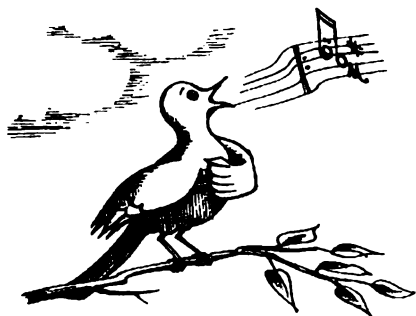
— Кто, вы спрашиваете? — Соловей горько усмехнулся. — Орнитолог, то есть специалист по птицам! И не “осмелится сказать”, а уже осмелился, уже сказал! “Песня птицы, — заявил он, — не более, чем заявка на недвижимую собственность. Она адресуется соседям того же вида и гласит: “Сюда не входить! Эта территория принадлежит мне!”

Человек, прослушавший эту цитату с улыбкой, счел за благо ее прокомментировать:

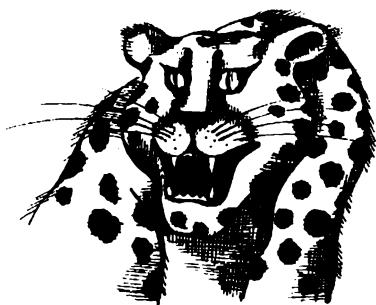
— По-моему, дорогой Соловей, — обратился он к выдающемуся вокалисту, стараясь говорить как можно деликатнее, — вы напрасно так переживаете: орнитолог Генри Говард, написавший процитированные вами слова в своей книге “Территория в жизни птиц”, и другие ученые, которые разделяют его мнение, не

видят в побуждениях пернатых певцов ничего низменного: ведь для того, чтобы вывести птенцов, действительно необходим гнездовой участок...

Однако слова Че-

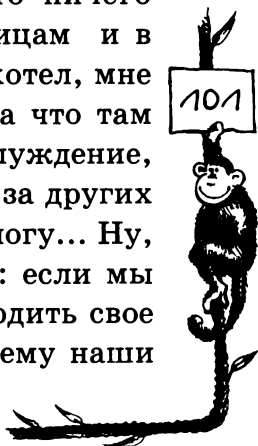

ловека не разубедили Соловья — он по-прежнему был безутешен, ибо полагал, что его достоинство артиста глубоко уязвлено (тенорá, как известно, очень мнительны).

— Всё равно, уважаемый Человек, — сказал он, и в каждом звуке его голоса сквозила обида, — получается, что все мои рулады, — тут он издал изумительную трель, — со всеми бесчисленными коленцами, — последовала еще одна трель, более витиеватая, — означают только одно: “Моё, моё, моё! Уходите, улетайте, убирайтесь подальше, вон отсюда — здесь всё моё!” И, следовательно, никакой я не певец любви, а всего-навсего мелкий собственник... Разумеется, — продолжал он, невзирая на клятвенные заверения Человека, что ничего подобного у специалистов по птицам и в мыслях не было, — если бы я захотел, мне бы ничего не стоило рассеять, да что там — полностью развенчать это заблуждение, хотя бы в отношении соловьев — за других птиц я, конечно, поручиться не могу... Ну, прежде всего такое соображение: если мы поем лишь для того, чтобы утвердить свое право на гнездовой участок, почему наши

КОАПП, КОАПП!

песни настолько сложны и разнообразны, что молодому соловью приходится учиться их исполнению всё свое детство и всю юность?

— Резонно, — заметил Гепард. — В самом деле, такое незамысловатое чувство, как чувство собственника, можно было бы выразить и менее изысканными звуками — ну, что-нибудь вроде... — Гепард оскалил пасть и зарычал.

Все согласились, что подобные звуки даже как-то убедительнее, нежели соловьиные трели, оповещают окружающих: “Это моё!”

— Вот именно, — вскричал Соловей. — Для чего же тогда передавать вокальное искусство из поколения в поколение, для чего нужны наши прославленные певческие школы — такие, скажем, как Курская? Сравните: в песнях подмосковных соловьев десять колен, а у курских — сорок!

Прозвучавшая совершенно умопомрачительная трель не оставляла сомнений, что обсуждение проблем любви и брака в КОАППе по-

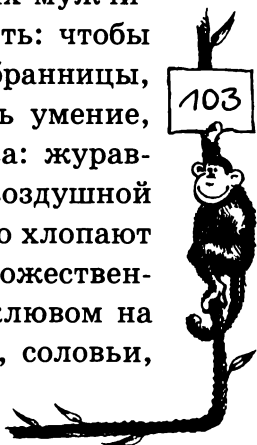

чтил своим присутствием виртуоз именно Курской школы. Но он всё не мог успокоиться и продолжал нанизывать доказательства своего бескорыстного служения музам одно за другим: — Еще один довод... Вы заметили, наверное, что самые красивые песни поют птицы с самым невзрачным оперением.

— Да-да, я заметила! — радостно подтвердила Стрекоза, и стала перечислять: — Соловей, Певчий Дрозд, Жаворонок...

— Так оно ж понятно, — перебила ее Сова. — Вон Павлин, к примеру, — красивая песня ему без надобности: как хвост свой павлиний распушит — никакая невеста не устоит!

— До чего же примитивный способ привлечь внимание невесты, — презрительно вымолвил Соловей. — Напялить шикарный костюм — здесь не требуется ни ума, ни таланта... Странно, что на такую грубую приманку многие клюют. Но есть птицы, у которых мужчины выбрали более достойный путь: чтобы завоевать расположение своей избранницы, они демонстрируют какое-нибудь умение, в котором достигли совершенства: журавли танцуют, бекасы занимаются воздушной акробатикой, рябчики артистично хлопают крыльями, сопровождая это художественным свистом, дятлы выбивают клювом на сучке барабанную дробь... А мы, соловьи,

стараясь пленить невесту своими трелями! Вот почему они такие сложные и разнообразные: у нас каждую весну проводится, можно сказать, конкурс песни, и больше всего шансов не остаться одинокими у тех, чьи трели сложнее и кто исполняет их искуснее... Причем заметьте: во время исполнения соловьи забывают не то что о своей собственности — даже о собственной безопасности!

— Что правда, то правда, — подтвердила Сова. — Пока Соловушка поет, к нему вплотную подобраться можно — ничегошеньки окрест не замечает!

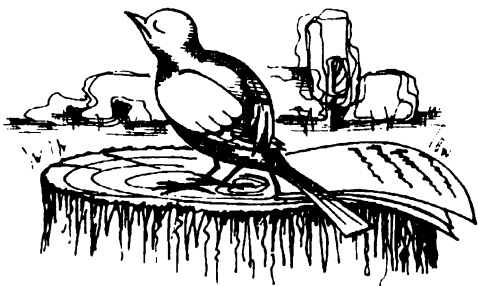
— Так вести себя может только влюбленный! — восторженно воскликнула Стрекоза.

— Да, — охотно согласился Кашалот, которому это прекрасное чувство тоже было отнюдь не чуждо, — мелкий собственник так самозабвенно петь не станет!

— Третий довод, — объявил Соловей, и Кашалот с тревогой подумал, сколько еще наберется у певца доказательств, во что в связи с этим грозит вылиться

обсуждение и до
какого часа оно
затянется... —
Допустим, соло-
вьиная песня
— всего лишь
заявка на гнез-
довой участок.

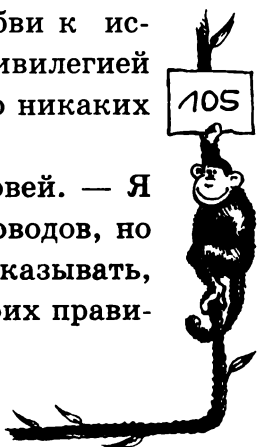

Но ведь соловьи поют и на зимовке в Восточ-
ной Африке, где никаких гнезд у них нет и в
помяне! Мало того — они поют даже во время
перелетов! Не доказывает ли это, что, помимо
всего прочего, птицы могут петь и просто ради
собственного удовольствия?

Кашалот со всей поспешностью, на какую
был способен, стал заверять, что конечно же,
вне всякого сомнения полностью доказывает, а
Удильщик высказал убеждение, что напрасно
люди считают способность делать что-то бес-
корыстно, как говорится, из любви к ис-
кусству, исключительно своей привилегией
— у них для этого нет абсолютно никаких
оснований...

— Вот-вот, — подхватил Соловей. — Я
бы мог привести еще десяток доводов, но
какой смысл? Кому-то что-то доказывать,
оправдываться... Нет, это не в моих прави-
лах, это ниже моего достоинства!

КОАПП, КОАПП!

Услышав, что доводов больше не будет, Кашалот вздохнул с облегчением и присовокупил к сказанному ранее, что чувство собственного достоинства он тоже ценит превыше всего, тем не менее отказ великого певца от дальнейшей творческой деятельности в области вокального искусства не может одобрить никоим образом.

Сова сказала, в сущности, то же самое, но короче и доходчивее:

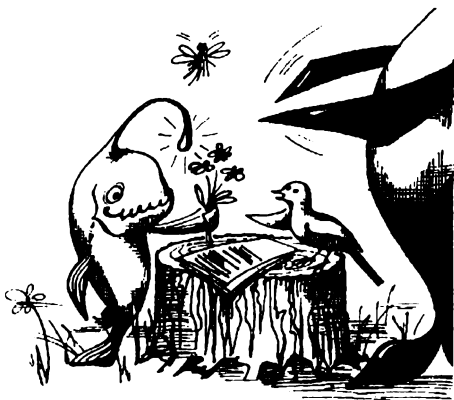
— Ишь ты, обиделся: фырр, фырр — и в кусты. Не по-мужски это! За честь-то свою постоять надо!

С этой бесспорной истиной Человек, естественно, полностью согласился, но заметил, что Соловью теперь отстаивать свою честь нет необходимости, ибо за него это сделали ученые. Среди них нашлись такие, которые вернули певцу любви романтический ореол, но уже, так сказать, на научной основе. Более того, они высказали весьма любопытное мнение и о способностях той, для кого предназначены его серенады.

— Что же это за мнение? — настороженно спросил Соловей.

— Очень лестное, дорогой Соловей, — отвечал Человек, и видно было, что передавать это мнение пернатому солисту ему доставляет большое удовольствие. — Судите сами — вот что

пишет в своей книге известный этолог, то есть специалист по поведению животных, Вильям Торп: “Разработка рулад у поющего соловья достигает такого совершенства, что мы впра-

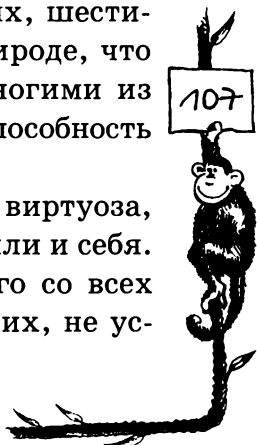

ве предположить способность птицы-слушательницы к эстетической оценке”.

Слова эти вызвали не просто радость — настоящее ликование, причем у всех присутствующих. Ведь они, эти слова, означали больше, гораздо больше, чем просто признание того факта, что соловьи обладают эстетическим чувством: был создан прецедент! Все понимали, что пробита некая брешь в оценке людьми возможностей их четвероногих, пернатых, шестиногих и прочих собратьев по Природе, что не за горами время, когда за многими из них, если не за всеми, признают способность к восприятию прекрасного!

Так что поздравляя пернатого виртуоза, собравшиеся на поляне поздравляли и себя. А поздравления сыпались на него со всех сторон, он смущенно принимал их, не успевая отвечать...

КОАПП, КОАПП!

— Видите, я оказался прав! — заявил вдруг Удильщик, ни к кому не обращаясь.

— В чем? — осведомился Гепард.

— Я всегда утверждал, что цитату, — нежелательную, конечно, — можно побить только другой цитатой. В данном случае так и произошло.

— Надеюсь, дорогой Соловей, последняя цитата прозвучала достаточно убедительно? — молвил Кашалот, как бы подводя черту под затянувшимся инцидентом с соловьиной “забастовкой протеста”. — И вы навсегда откажетесь от своего, не побоюсь сказать, чудовищного намерения?

— Уже отказался, — даже не сказал, а радостно пропел Соловей. — Я буду петь по-прежнему... нет, еще лучше! — он вспорхнул и, уже

покидая поляну, обернулся и крикнул на лету:
— Спасибо вам и до...

Певец хотел сказать “до свидания”, но произнес “до”, тут же забыл, что это не нота, а предлог, и до коапповцев донеслось удаляющееся сольфеджио: “до-соль-до-ре-ми-фа”...

— Инцидент, как говорят, исперчен, — констатировал Гепард, процитировав классика поэзии, и не нашлось никого, кто бы пожелал побить эту цитату другой по рецепту Удильщика. Напротив — Кашалот как бы подхватил и продолжил ее, заявив:

— Что дает нам возможность вернуться к рассмотрению проблемы отношения к женам, матерям, сестрам и подругам. Итак, мы остановились на том, что... ммм... на чем?

КОАП, КОАПП!

— На знаках внимания, — подсказала Стрекоза. — И рассмотрели пока только серенады.

— Что ж, пойдёмте дальше: какими ещё могут быть знаки внимания? Сейчас, сейчас... — Кашалот стал рыться в бумажных залежах на своем пне, бормоча: — Куда-то делись листки с тезисами — только что были здесь... — он разворошил бумаги так, что они посыпались на землю. — Ах, какая досада!

Сова стала его успокаивать:

— Да не кручинься ты, Кашалотушка, бог с ними, с бумажками твоими, — нешто без них не обойдемся? Я тебе и так скажу: ежели хочешь женскому полу внимание оказать, то хошь пой, хошь не пой — это твое дело, а вот что бесприменно мужчина должен делать, так это подносить подарки — наша сестра их страсть как любит!

— Подарки! — воскликнул Кашалот. — Ну конечно — как же я забыл... Не обязательно дорогие, но от всего сердца! Но какие именно?

К счастью, председатель КОАППа вспомнил, что Удильщик собирался написать для газеты “Вечерний КОАПП” статью “Для вас, молодожены” и с этой целью взял интервью в магазине подарков и в салоне для новобрачных. В ответ на просьбу своего обожаемого начальника

Удильщик с готовностью достал блокнот, извинился, что у него пока лишь черновые наброски, поэтому возможны стилистические погрешности, и зачитал следующий текст:

“В период насиживания яиц у серебристых чаек принято, сменяя жену в гнезде, преподносить ей веточку или пучок травы. Если же вы не Чайка, а Баклан с Галапагосских островов, вы должны подарить подруге пучок водорослей. Ну, а если вы Крачка...”

— Так-так-так, очень любопытно, — перебил Удильщика веселый голосок. Он принадлежал сидевшей на берегу озера симпатичной птице, похожей на небольшую чайку. — Так что там сказано насчет подарков у крачек? — поинтересовалась она, подлетая к Удильщику. — Можно взглянуть? — и, не дожидаясь ответа, заглянула в его блокнот. — Надо же, всё правильно написано, не ожидала! — и она прочла вслух: — “Ну, а если вы Крачка, ваше подношение — маленькая рыбка. В свою очередь ваша су-

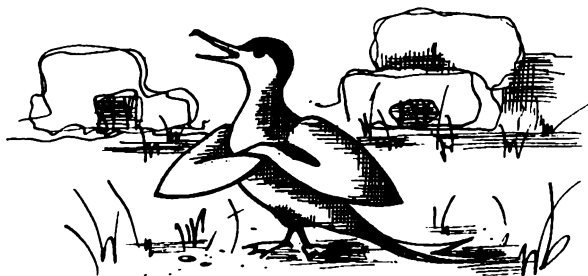
КОАПП, КОАПП!

пруга, сменяя вас в гнезде, сделает вам точно такой же маленький подарок”. Кстати, я вот сейчас подумала: не отсюда ли пошло выражение “птичка, скушай рыбку”?

Удильщик, несколько оторопевший в первый момент от неожиданного налета (в буквальном смысле — птица ведь к нему подлетела!), пришел в себя и хотел было отчитать “налетчицу” за бесцеремонность, но она его опередила, представившись и объяснив свое поведение:

— Дело в том, что я Крачка. Это мы с моим благоверным дарим друг другу по очереди рыбку — у меня и песенка есть про это, хотите спою? — и, опять-таки не дожидаясь ответа, запела приятным голоском, а все с удовольствием слушали:

*На нашу пару нежную
Нельзя смотреть без слез:
Мне рыбку белоснежную
Супруг мой преподнес!
Когда же я в гнезде займу*

*Свой пост — тогда пора
Мне рыбку белую ему
Вручить — эт сетерá...*

— Насколько я смыслю в благородной латыни, — сказал Гепард, — “эт сетерá” в переводе значит “и так далее”.

— Образованная! — с удовлетворением промолвила Сова (она всегда гордилась, когда представители ее птичьего племени проявляли себя в чем-то, достойном уважения).

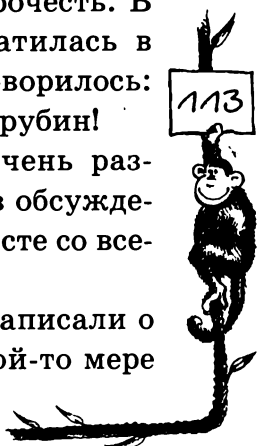
Удильщик заинтересовался, почему, познакомившись с записью в его блокноте, касающейся Крачки, она удивилась, что всё в ней правильно. Крачка засмеялась:

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь, но репортеры частенько выдают такую ахинею... Всё перепутают! Не так давно один в своем блокноте, — кстати, точно таком же, — настрочил до того, с позволения сказать, “разборчиво”, что сам потом не в состоянии был прочесть. В результате рыбка у него превратилась в рубин — в его заметке так и говорилось: мол, муж подарил мне большой рубин!

Этот анекдотичный случай очень развеселил коапповцев и участников обсуждения, причем Крачка хохотала вместе со всеми, а в заключение сказала:

— Главное, если бы такое понаписали о пингвинах Адели, это еще в какой-то мере

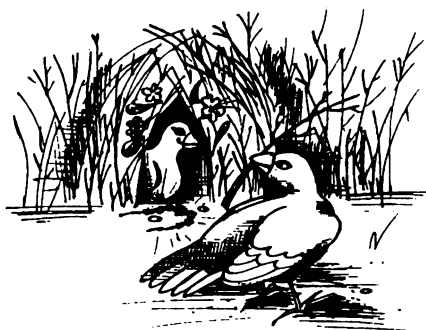
КОАПП, КОАПП!

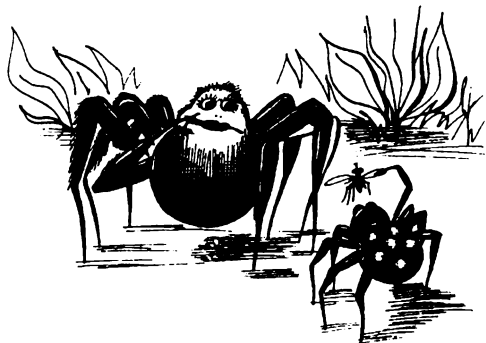

было бы похоже на правду: супруг пингвиночки Адели действительно дарит своей суженой камешек. Не рубин, конечно, а обыкновенную гальку, но для нее этот камешек драгоценнее всех рубинов, изумрудов и алмазов на свете: ведь дорого внимание! — с этими словами она опять вернулась на прежнее место, на берег озера...

Удильщик же продолжил знакомить собравшихся с черновыми набросками из своего блокнота и первым делом упомянул об Атласном Беседочнике из Австралии, герояе нашумевшей истории. Вот он и в самом деле преподнес своей жене драгоценные камни, и не какие-нибудь, а настоящие бриллианты! Но оказалось, что он их, мягко говоря, позаимствовал у людей. Естественно, был громкий скандал. Кашалот заметил по этому поводу, что следует специально предостеречь мужчин, склонных к подобным широким

жестам за чужой счет. Но, с другой стороны, он слышал, будто Атласный Беседочник даже после свадьбы продолжает ежедневно дарить жене цветы... Если

данный факт имеет место, то это весьма похвально и достойно подражания.

Удильщик подтвердил, что это именно так, и добавил, что, согласно записи в его блокноте, родственник Атласного Беседочника, Шалашник из Новой Гвинеи, каждый божий день украшает место свиданий с подругой свежими дикими розами (услышав это, склонная к экзальтации Стрекоза восторженно пропела: “В ночных девичьих грезах мечтала я о розах!”).

Наибольший интерес вызвала прочитанная Удильщиком заметка, озаглавленная: “Что нужно знать жениху о свадебных обрядах”. “В последние несколько десятков миллионов лет, — говорилось в ней, — у некоторых пауков — например, у паука Пизаура Мирабилис, — стало хорошей традицией подносить своей избраннице муху. Этот милый сердцу и желудку любой паучихи подарок, помимо его эстетической

КОАПП, КОАПП!

роли, является также некоторой гарантией того, что жених не будет ею съеден”.

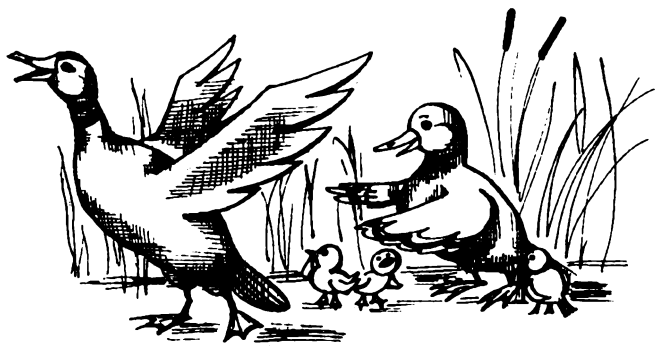
Все были наслышаны о каннибальских замашках многих паучих, некоторые из коих, — скажем, Каракуртиха, — съедают за сезон до двенадцати женихов, и способ, придуманный пауком Пизаура Мирабилис и позволяющий ему избежать этой участи, немало всех позабавил...

— Скажите, дорогой Удильщик, — обратился к нему Гепард, когда тот закончил чтение своих набросков, — а в вашем блокноте ничего не сказано о цаплях? Говорят, у них есть обычай преподносить невесте палку... Любопытно, на что жених намекает? Уж не палочную ли семейную дисциплину?

— Это мы выясним в рабочем порядке, Гепард, — сказал Кашалот и объявил, что переходит к рассмотрению чуткости. Здесь он привел ряд прописных истин: что чуткий сын или муж никогда не позволит своей матери или жене таскать тяжести, что если он сидит, то обязан при ее появлении встать и уступить ей место...

На последнее правило Сова решила пролить дополнительный свет. — Что верно, то верно, — подтвердила она, но тут же уточнила: — Только смотря какое место, Кашалот. Ежели ты этот... жентельмен, так нипочем места жене

в гнезде не уступай, когда пришло время яйца насиживать. Или по очереди с ей насиживай, как Голубь, Журавль али там Чайкин супруг. А коли сам в гнезде не сидишь, так корми жену-то, как у нас, сов, заведено, да и у всех хищных птиц, а окромя того, у воробьев, дроздов, грачей... а если уж не кормишь, так хоть гнездо стереги — вон как вóроны, к примеру, гуси, лебеди али мужья у ворóн да у куропа-ток. А то ведь есть такие муженьки — к гнезду и близко не подходят, жене уступают — садитесь, дескать, пожалте, милости просим, насиживайте... А самих — поминай как звали! Им и дела нет ни до жен, ни до детишек своих. Вот на кого кирикатуру-то надо делать!

— Кто же эти эгоисты? — грозно спросил председатель КОАППа. — Назовите их, Сова, — мы создадим вокруг них атмосферу общественного презрения!

КОАПП, КОАПП!

— Кто, спрашиваешь? Петух, Селезень
— Уткин супруг, Тетерев, Глухарь, Фазан, Павлин ... да чего всех-то называть, ты вот что приметить: ежели муж птичий разоде-тый-расфуфыренный, а у жены его нарядов никаких, одета во что бог послал, — серенькое там али пестренькое, — значит, семьянин он никудышный! Ему не то что яйца насиживать — близко к гнезду подходить нельзя, потому как приметный он больно — неровен час, хищник углядит.

Так-то...

В этот момент у входа на поляну появились две птицы с ярко разукрашенным оперением. Войдя, они сразу направились к собравшимся у председательского пня животным, а одна из них, видимо, более бойкая, крикнула еще издали: “Здесь, что ли, семейные дела обсуждают?”

Для Кашалота появление этих птиц было подарком судьбы...

Сейчас он пригвоздит их к позорному столбу, да так, чтобы другим неповадно было! Заранее

потирая лапы, причем не без злорадства, он произнес, понизив голос:

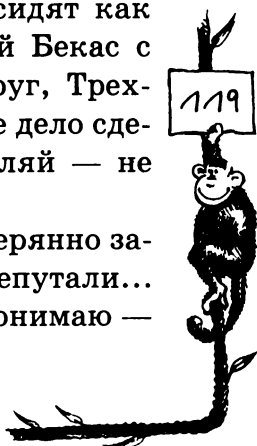
— Смотрите, Сова, вон там, в конце поляны, две птицы появились... как раз такие, как вы сейчас сказали — разодетые в пух и прах... Ну, я их сейчас! — он подождал, пока птицы приблизятся, и голос его загремел в полную силу: — А-а, попались, голубчики! Послушайте, вы... да, да, это к вам относится. Разгуливаете тут в цветастых костюмах, а в эту минуту ваши подруги — голодные, беззащитные, — насиживают яйца. Разве это по-мужски? Позор и презрение! Вы не мужчины!

Вопреки ожиданиям, птицы отреагировали на эту обличительную речь совершенно спокойно, а та, что побойчее, даже с вызовом оглядела председателя взглядом, в котором была явная насмешка. Затем она откликнулась, но почему-то женским голосом:

— Истинная правда, Кашалот, не мужчины мы. Наши мужчины в гнездах сидят как миленькие — мой муж, Цветной Бекас с Дальнего Востока, и вот ее супруг, Трехперстка, из тех же краев. Мы свое дело сделали, яйца отложили, теперь гуляй — не хочу!

— Постойте, постойте, — растерянно забормотал Кашалот, — вы всё перепутали... или это я перепутал? Ничего не понимаю — из одной крайности в другую...

КОАПП, КОАПП!

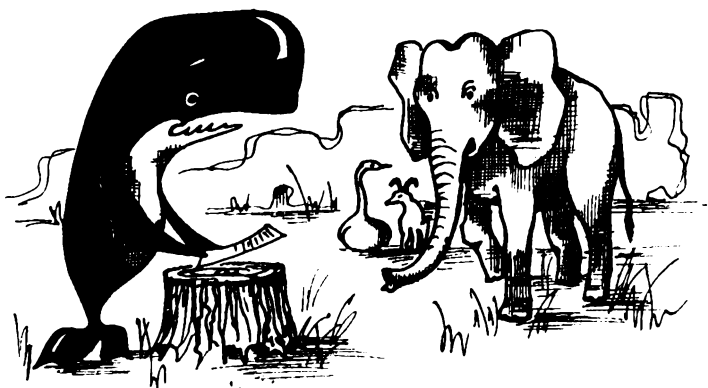

— А чего тут понимать? — Цветная Бекасиha подбоченилась. — У нас мужья что надо: сами кое-как одеты, а у нас видите какие платья! Муженьки наши смирные — нас без звука отпустили, а сами насиживают и не пикнут! А всё почему? Потому что мы сумели себя поставить, не то что другие. Жалуются — свободного времени нет... Сами виноваты! Мужей надо во как держать! — она подняла лапку и сжала пальцы в кулак. — Нечего их распускать — тогда и время свободное будет. Равноправие так равноправие! Привет! — и обратившись к Трехперстке, Цветная Бекасиha предложила: — Пойдем, подружка, сядем вон там, в сторонке, послушаем, о чем тут еще будут говорить — всё развлечение...

Но о чем можно было теперь говорить после такого афронта?

— Они мне испортили всю схему, — сокрушенно произнес Кашалот и пожаловался своим верным соратникам: — Всё было так ясно — надо призвать мужчин к чуткости. А теперь кого к чему призывать?

— К четкости! — слышался низкий женский голос, и из группы прибывших на обсуждение вперед выдвинулась Слониха.

— К чему, к чему, уважаемая Слониха? — удивленно переспросил Кашалот.

— К четкости, — повторила она. — Каждый в семье и в стаде должен четко знать и выполнять свои обязанности — тогда у всех будет свободное время.

Мнение Слонихи неожиданно поддержал Человек, который до этих пор лишь молча наблюдал за происходящим.

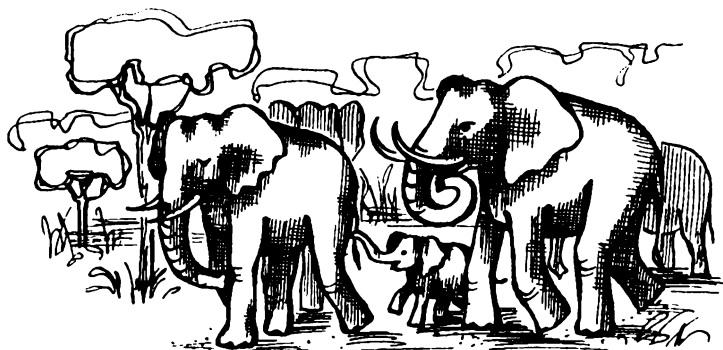
— Вы совершенно правы, — сказал он. — Вот, например, у медведей: мать, уходя, может спокойно оставить родившихся зимой детей на старшего, годовалого медвежонка, родившегося в прошлом году. Его называют пестуном, и правильно называют: пестун пестует своих младших братьев

и сестер — следит, чтобы далеко не убежали, играет с ними, помогает залезть на поваленное дерево или камень, разнимает дерущихся, может даже нашлепать проказника...

— И делает всё это очень четко, — подхватила Слониха. А возьмите волков: при переходах впереди всегда идет мать, за нею старшие дети — переярки, потом младшие, и последним бежит отец. И на охоте у всех четкие обязанности: одни выслеживают добычу, другие гонят ее, а матерая Волчица руководит охотой и дает сигнал к преследованию. Или возьмите австралийских волнистых попугайчиков: старшие птенцы не только не отнимают у младших еду, которую приносят родители, а наоборот, кормят маленьких. Возьмите, наконец, нас, слонов: когда стадо идет, слоненок четко знает свое место в строю — под матерью, а подрастет немного — между

матерью и отцом, там он в безопасности. Всё дело в четкости.

Кашалот, уже оправившийся от неудачи с обличением пернатых эгоистов-мужчин, бодро скомандовал:

— Птица-Секретарь, запишите: всё дело в четкости!

— И в доверии, — добавила Слониха.

— В доверии? — переспросил Кашалот. — К кому, дорогая Слониха?

— К слабому полу — так слоны называют нас, слоних.

— И вполне справедливо называют! — Гепард был сама галантность. — Глядя на вас, милая Слониха, так и хочется воскликнуть: вот представительница слабого, но прекрасного пола!

Слониха благосклонно кивнула, однако приняла комплимент не полностью, о чем тотчас же уведомила:

КОАПП, КОАПП!

— Прекрасного — да, Гепард, но слабый пол — нет, это нечеткое название, хотя мужчины и говорят, что в нашей слабости наша сила. Кто чаще всего возглавляет слоновий коллектив? Мы, слониhi! Мне тоже оказано это высокое доверие — я избрана предводительницей.

Удильщик был изумлен до крайности.

— Как, дорогая Слониха, — воскликнул он, — слоны не побоялись возложить такую ответственность на ваши хрупкие женские плечи?

— Не побоялись, Удильщик, — был ответ, — и это самое умное, что они сделали за всю свою жизнь. Никто ведь не станет отрицать, что у нас гораздо больше здравого смысла, чем у представителей так называемого сильного пола.

— От кого-то я уже слышал эти слова, — задумчиво произнес Кашалот.

— Вероятно, от вашей жены, — предположила Слониха. Она не знала, что жен у Кашалота пятнадцать, и вспомнить, от какой из них он слы-

шал эти слова, весьма затруднительно (что делаешь, кашалотам, как и многим другим животным, приходится нести тяжкое бремя многоженства — так распорядилась Природа).

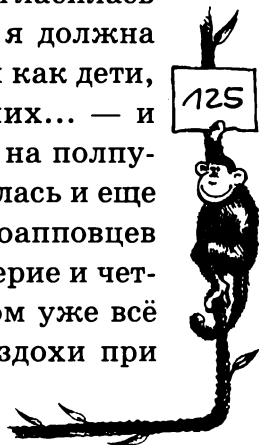
— Но, к сожалению, — продолжала развивать свою мысль Слониха, — эту простую и очевидную истину — я имею в виду умственное превосходство женского пола, о нравственном превосходстве я уж не говорю, — так вот, эту истину, увы, усвоили далеко не все. Много ли животных, которые во главе стада всегда ставят своих подруг? Их можно пересчитать по хвостам: благородные олени, зубры — эти могучие звери тоже не считают обидным для мужского самолюбия подчиняться вожаку женского пола, то есть зу.. . зу...

— Зубриле, — подсказала Стрекоза.

— Лучше сказать Зубрице, — поправил Человек.

— Ммм...да, пожалуй, — согласилась Слониха. — А теперь извините, я должна вернуться в стадо — эти мужчины как дети, их нельзя надолго оставлять одних... — и она величественно удалилась, но на полпути к выходу остановилась, обернулась и еще раз напоследок напутствовала коапповцев и гостей: — Итак, запомните: доверие и четкость, четкость и доверие, а потом уже всё остальное — серенады, цветы, вздохи при

КОАПП, КОАПП!

луне и не очень четкие клятвы отдать нам свою кровь до последней капли.

Высказав это, Слониха прошествовала дальше, а несколько задетый за живое Гепард прокричал ей вслед:

— Ну почему же, если понадобится, мы, мужчины, отдадим вам всю свою кровь!

— И не только кровь, но и рога! — провозгласил только что вышедший из лесу Северный Олень.

Кашалот возрился на него в недоумении:

— Позвольте, какие рога, Олень? При чем тут рога?

— О, дорогой председатель! — обратился к нему Северный Олень, приблизившись. — Посмотрите на семью южных оленей: у него — великолепные ветвистые рога, у нее рогов нет...

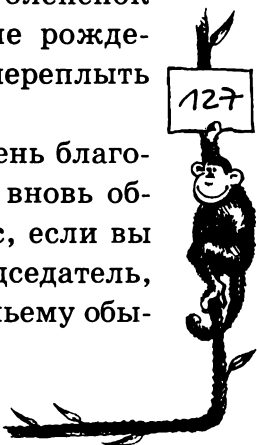

И после этого говорят о равноправии! Или более близкий вам пример — ваши родичи нарвалы: у него — прекрасный витой трехметровый бивень, у нее вообще нет зубов. Почему?! Разве она, как и он, не принадлежит к подотряду зубатых китов? Рыцарское сердце не могло бы примириться с такой несправедливостью! У нас, северных оленей, всё по-другому — мы преклоняемся перед нашими дамами не только на словах! Мы единственные из оленей, у кого рога украшают не только головы мужчин, но и прелестные головки наших милых повелительниц — олений! Рыцарские чувства мы воспитываем у наших мальчиков с самого раннего детства — с первых же дней мы приучаем их к самостоятельности!

— Верно, — подтвердил Человек, хорошо узнавший северных оленей за время своего пребывания на Крайнем Севере, — чтобы не обременять свою маму заботами, олененок уже через несколько дней после рождения быстро бегают и даже может переплыть озеро!

— Да, это так, Человек! — Олень благодарно взглянул на него, а затем вновь обратился к Кашалоту: — А сейчас, если вы позволите, многоуважаемый председатель, мы отдадим дань старинному оленьему обычаю...

КОАПП, КОАПП!

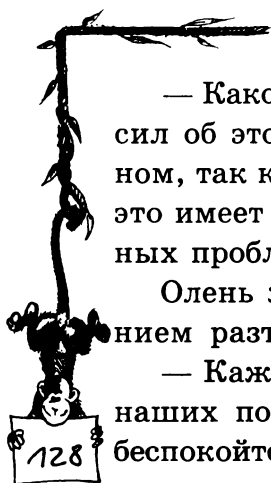
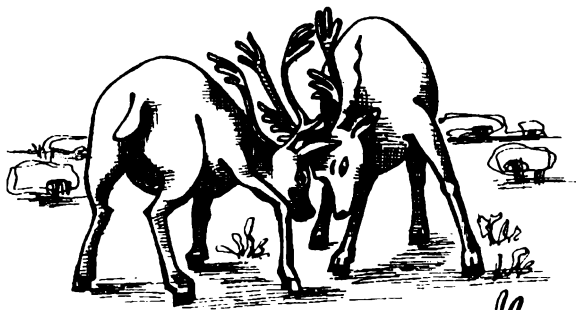
— Какому еще обычаю? — Кашалот спросил об этом не слишком приветливым тоном, так как не мог взять в толк, какое всё это имеет отношение к обсуждению семейных проблем.

Олень же охотно и даже с воодушевлением разъяснил:

— Каждую осень мы устраиваем в честь наших подруг рыцарские турниры. О, не беспокойтесь, — поспешил он заверить, уловив мелькнувшую в глазах председателя тревогу, — правила поединка строги, они не допускают увечья и уж тем более смерти побежденного!

— А если участник турнира все-таки применит недозволенный прием? — задал законный вопрос Удильщик.

— Да-да, — тревога всё еще не оставляла председателя, — скажем, кто-то из участников турнира нападет на соперника сзади или нанесет ему увечье? Что тогда?

— Тогда стадо северных оленей бросится на недостойного и как следует проучит его! Особо злого нарушителя правил стадо может даже убить, и такие случаи бывали! Никто не вправе

преступать законы честной борьбы! Зато Олень, победивший благодаря не коварству, а силе и ловкости, стойкости и мужеству, получает высшую награду: ему Олениха отдает копыто и сердце — лишь он достоин продолжить наш род!

Кашалот всё еще колебался, но тут раздался голос Стрекозы:

— Ах, турнир — это так романтично! Милый Кашалот, если вы хотите сделать нам, дамам, приятное, пусть северные олени проведут турнир — я с детства обожаю турниры! Пожалуйста, я вас очень прошу!

Сова сочла нужным поддержать просьбу Стрекозы хотя бы из женской солидарности:

— Ежели дама просит, надо уважить.

— Подобное же правило у нас, у людей, формулируется так: “Чего хочет женщина,

КОАПП, КОАППИ

того хочет Бог”, — сказал Человек, улыбаясь.

Это решило дело — с Богом председатель КОАППа старался не конфликтовать.

— Ну хорошо, — разрешил он. — Начи-
найте, Олень.

— Благодарю! — приняв величавую осан-
ку, Олень громко и торжественно крикнул
в сторону леса:

— Дайте сигнал!

Из леса раздались трубные звуки — это олени-соперники вызывали друг друга на поединок. Через мгновение на поляну стремительно выбежало стадо северных оленей. Соперники стали в турнирную позицию: голова наклонена, рога направлены в сторону противника. Они возбужденно били землю копытами. Оленихи, коапповцы и участники обсуждения семейных проблем расположились вокруг ристалища...

Один из соперников вдруг поднял голову и зычно провозгласил:

*Разрешите нам
В честь прекрасных дам
Наш начать турнир!*

Его противник тоже поднял голову и продолжил не менее зычно:

*Вместо шпаг и рапир
Мы будем с врагами
Сражаться рогами!*

Соперники сблизились и столкнулись рогами. Каждый из участников поединка изо всех сил старался оттеснить противника с занимаемой им позиции. Наконец одному это удалось... Он гордо вскинул

голову и торжественно протрубил. Победенный же, понурившись, побрел к лесу...

— Слава победителю! — прокричало стадо.

— Слава победителю! — подхватили коапповцы и гости.

— По традиции, — объявил тот Северный Олень, который первым вышел из лесу и просил у Кашалота разрешения провести турнир, — после поединка менестрель поет старинную рыцарскую балладу.

— Просим, просим! — раздались возгласы.

Кашалот, который как-то незаметно для самого себя вошел в роль эдакого средневекового монарха, присутствовавшего на рыцарском турнире, важно произнес:

— А кто менестрель? Вы? Олень, повелеваю вам исполнить балладу!

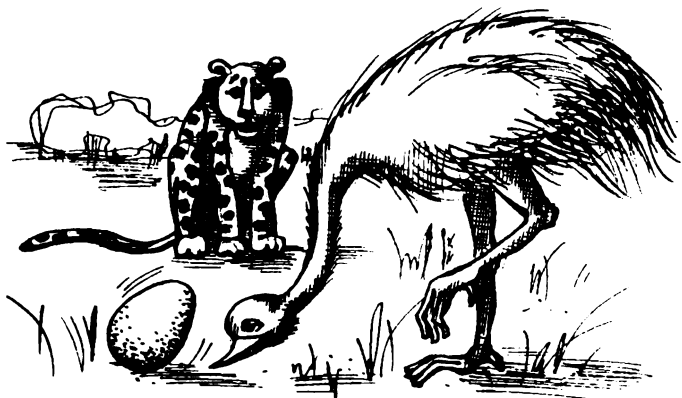
КОАПП, КОАПП!

Откуда-то появилась старинная лютня, Олень-менестрель провел копытом по струнам... Но спеть он не успел: к сгрудившимся вокруг него слушателям сзади подошел Страус, делая головой какие-то странные движения — словно “чиркая” клювом по земле. Во время одной из этих загадочных манипуляций он натолкнулся на Кашалота.

— Эй, поберегись! — крикнул Страус не очень вежливо. — Расселись тут, ни пройти, ни проехать.

Кашалот обернулся, удивленно уставился на Страуса и спросил, в чем дело. Но ответила ему на этот вопрос Сова — она первая увидела, что Страус катит большое страусиное яйцо, неведь как оказавшееся на коапповской поля-

не. Заинтригованный Гепард обратился к Страусу:

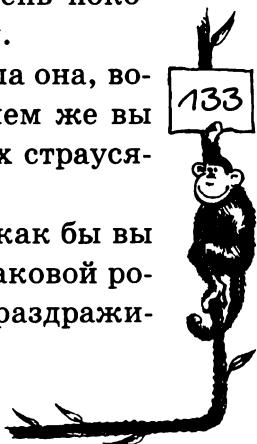
— Позвольте полюбопытствовать, куда вы его катите?

— Куда, куда, не видите, что ли — в гнездо, — сердито отвечал тот. — К сожалению, я не просто Страус, а южноамериканский страус Нанду. Явился вот на это ваше обсуждение вместе со своими страусихами, на свою голову... Это же надо до такого додуматься! А они отложили здесь яйца — нашли место... И как всегда — одно здесь, другое там, третье еще где-то... Сколько раз им говорил: кладите яйца аккуратно, в одну кучку, так нет же — всё “Нандик, Нандик!...” Побросали яйца как попало, а самих и след простыл. А Нандик должен теперь яйца в кучку собирать, насиживать, потом страусят водить, а с ними с ума сойти можно — один туда, другой сюда... все в мамочек!

Сказанное страусом Нанду очень покорибило чувствительную Стрекозу.

— Милый Нанду, — пропищала она, во все не находя его милым. — Зачем же вы так раздраженно говорите о своих страусах?

— Посмотрел бы я, Стрекоза, как бы вы почти сорок дней насиживали, маковой росинки во рту не имея, и не стали раздражительной.

КОАПП, КОАППИ

Председатель КОАППа решил сгладить углы и миролюбиво заметил:

— Говорят, подолгу не есть очень полезно — сейчас многие врачи рекомендуют лечебное голодание.

Нанду окинул его недобрым взглядом и парировал:

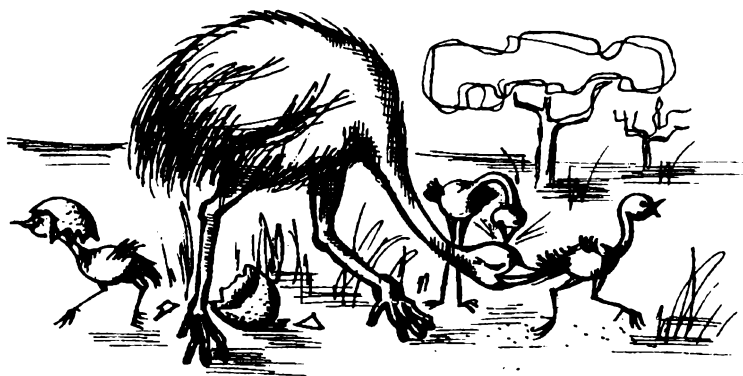
— Что-то по вас не видно, Кашалот, чтобы вы пользовались этой рекомендацией.

Проклятая жизнь... у всех жены как жены — у африканского Страуса жена уж на что серая...

Теперь раздраженно заговорил и Кашалот:

— Что значит “серая”?! — возмутился он.

— Говорить так даже о чужой жене абсолютно недопустимо! Если она домашняя хозяйка и не получила образования, это еще не значит, что...

— Я имел в виду только цвет ее перьев, — перебил Нанду. — Так вот, жена африканского Страуса насиживает хотя бы днем, ему только ночная смена остается — и то почернел от такой работы.

— А не кажется ли вам, дорогой Нанду, — вставил Гепард, — что африканский Страус почернел для того, чтобы быть незаметнее ночью, когда он насиживает яйца?

— Не знаю, не знаю, — буркнул Нанду. — Эх, почему я не родился Павлином — была бы нормальная семейная жизнь: жена сидит в гнезде, а ты идешь куда-нибудь... Ага, вон еще одно яйцо! — и бросив то, которое катил, он помчался к вновь обнаруженному с криком: “Посторонись!”

— Ммда-а... — задумчиво протянул Кашалот. — Совсем не заботиться о женах плохо. Чересчур заботиться — тоже плохо: могут сесть на голову — что мы и видим на примере страуса Нанду. Где же выход, я вас спрашиваю? Как соблюсти золотую середину?

Из-за лежавшего неподалеку от председательского пня камня выглянула Ящер-

ца, и то, что она сообщила, чрезвычайно заинтересовало председателя КОАППа и всех его коллег.

— Выход есть, — заявила она, — причем удивительно простой! Его нашли мы, скальные ящерицы, живущие в горах Армении, неподалеку от озера Севан. У нас никогда не возникает споров, кто кому должен помогать — никогда!

— Хм... очень любопытно, — перед Кашалотом забрезжила надежда, что, быть может, золотая середина существует. — Надеюсь, уважаемая Скальная Ящерица, вы поделитесь с нами своим ценным опытом?

— Охотно поделюсь! Дело в том, что у нас совсем нет мужчин, поэтому не с кем спорить, и вопрос, кто что должен делать по хозяйству, отпал сам собой, понимаете?

— Совсем нет мужчин?! — переспросил, не веря ушам, потрясенный Кашалот.

— Совсем-совсем?! — вторил ему Удильщик.

— Да, никаких, — радостно подтвердила Ящерица, — ни молодых, ни старых. А чему вы, собственно, удивляетесь? Думаете, без муж-

чин нельзя обойтись? Ошибаетесь! — и она запела:

*Ну почему все так уверены, что, мол,
Необходим для полной жизни сильный пол?
Ведь доказали мы, и в том числе я лично,
Что роль его весьма преувеличена...
Уж вы поверьте мне —
Способны мы вполне
Обходиться без него отлично!
Ах, до чего ж вольготно
Живется без мужчин!
Надеюсь, все животные
Подхватят наш почин...*

А если бы наш почин подхватили и люди, на Земле воцарились бы мир и спокойствие! Ведь не секрет, что мужики, непрерывно говоря о мире, сами так и рвутся в драку — по всякому поводу и без повода. .. Они просто жить без этого не могут, драка у них в генах! — и она снова запела:

*Пусть женщины всюду — по радио,
в прессе, —
Сорвут с мужиков миролюбья личину:
Мир без мужчин — это мир без агрессии,
Мир без агрессии — мир без мужчины!*

— Значит, если я правильно понял, — уточнил Гепард, — вам удалось создать такой мир, хотя пока и в ограниченном масштабе, не так ли? И у того, кто вас посетит,

КОАПП, КОАПП!

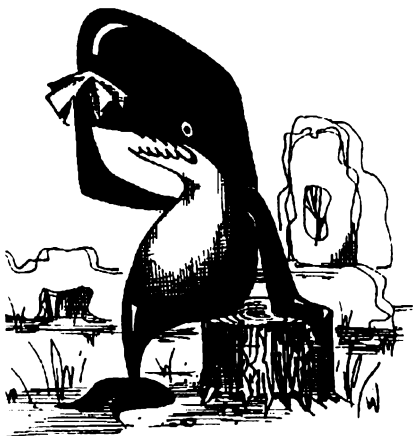
дорогая Скальная Ящерица, будут, очевидно, все основания воскликнуть: “Не слышу речь ни мальчика, ни мужа!” Но как же вам удалось достичь такого благополучия?

— Элементарно, Гепард! — Ящерице явно доставляло удовольствие объяснять способ, каким можно достичь мира без мужчин.

— Откуда же взяться мужчинам, если у каждой из нас рождаются только дочки — между прочим, всегда точные копии своей мамы. А когда они становятся взрослыми, у них тоже рождаются одни лишь дочки — и так из года в год. Кстати, знаете ли вы... хотя откуда вам знать — догадываетесь ли, по крайней мере, что это такое — быть матерью подрастающих дочек, когда кругом, щелкая зубами, шныряют хищные мужчины? Способны ли вы ощутить, что мужчина — источник повышенной опасности и с этой стороны? Вот поче-

му, полностью избавившись от представителей сильного пола, мы попутно решили и эту наболевшую проблему! — и она опять запела: такая ее, видимо, распирала радость, что ей все время хотелось петь...

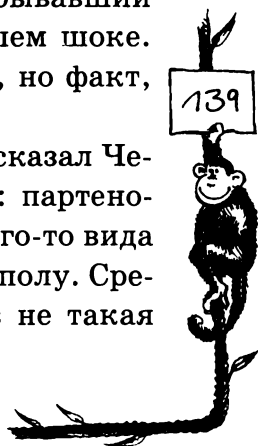
*Мы ящерицы скальные —
Создания уникальные:
Детишек мы рожаем без мужчин.
Пусть напролет все ночи
Гуляют наши дочери —
За них нам волноваться нет причин!*

— Этого не может быть, это невероятно, — с ужасом прошептал Кашалот, пребывавший от всего услышанного в полнейшем шоке.

— Как говорится, невероятно, но факт, — откликнулся Гепард.

— И у этого факта, друзья, — сказал Человек, — есть научное название: партеногенез — когда все животные какого-то вида принадлежат только к женскому полу. Среди беспозвоночных партеногенез не такая уж редкость...

КОАПП, КОАПП!

— Позвольте, позвольте, — возразил Удильщик, шокированный не меньше своего любимого председателя, — но ведь ящерицы — позвоночные!

Ящерица отреагировала мгновенно:

— Наша группа скальных ящериц — приятное исключение среди позвоночных!

— Теперь уже не исключение, — сказал Человек. — В последние десятилетия открыты еще несколько видов ящериц, у которых совершенно нет мужчин — это еще

три вида живущих на Кавказе скальных ящериц, некоторые гекконы, агамы, тейиды, игуаны, обитающие в разных уголках Земли... Но когда в 1957 году молодой в то время герпетолог, то есть специалист по пресмыкающимся и земноводным, Илья Сергеевич Даревский открыл ваше женское царство, ученые были потрясены не меньше коапповцев: они даже предположить не могли, что на свете есть и позвоночные животные совсем без мужчин!

— Вот видите? — Ящерица повернулась к Кашалоту. — Это же так просто! Призываю всех последовать нашему примеру! И не нужно будет никаких обсуждений: как сильному полу относиться к прекрасному полу...

Кашалот, слегка очнувшийся от шока, вскричал так взволновано, так отчаянно и громко, как не кричал никогда:

— Нет, нет, нет и еще раз нет!!! Мы пойдем другим путем!!!!

Ироничный Гепард, конечно, не упустил случая подтрунить над своим обожаемым председателем:

— Ну почему же, дорогой Кашалот, — если этот самый партеногенез сможет разрешить все семейные проблемы...

Но договорить ему не удалось: появившаяся в этот момент на поляне Мартышка, услышав еще издали слово “проблемы”, заволновалась: как же так — какие-то проблемы решаются без ее участия! Подбежав к коапповцам, она затараторила, забыв даже поздороваться:

— Какие проблемы? О чем речь, а? Рассказывайте скорее!

— О проблемах потом, — осадил ее Удильщик, — сначала вы должны расска-

КОАПП, КОАПП!

зять: удалось вам что-нибудь узнать насчет птицы-Носорога?

— Да-да, — спохватился председатель, окончательно выйдя из шока, вызванного эпизодом со Скальной Ящерицей, — немедленно доложите, Мартышка, о результатах проверки фактов, изложенных в заявлении Доброжелателя! Подтвердились они?

Ответ Мартышки был краток: — И да, и нет!

— С вами не соскучишься, — заметил Гепард.

Кашалот потребовал, чтобы Мартышка выражалась яснее, и она пояснила:

— С одной стороны, жена птицы-Носорога действительно замурована в дупле и сидит там без перьев...

— Значит, феодально-байские пережитки... — начал было Кашалот, но Мартышка рассмеялась:

— Какие там пережитки! Факты-то правильные, но перевернуты так, что диву даешься! Дупло ведь замуровано временно, только на два месяца — для того, чтобы пока птица-Но-

сорожиха насиживает, к ней не могли проникнуть змеи и хищные звери. Она там в прямом смысле как за каменной стеной — словно в крепости. Но в стене есть малюсенькое окошечко, через него птица-Носорог кормит жену. Знали бы вы, какой он заботливый муж, какие вкусные плоды ей носит! Да вот, сами убедитесь — я же его сфотографировала как раз за этим занятием, — и Мартышка протянула коапповцам снимок, на котором был запечатлен момент, когда птица-Носорог просовывал через отверстие в глиняной стенке, которой было замуровано дупло, какой-то плод.

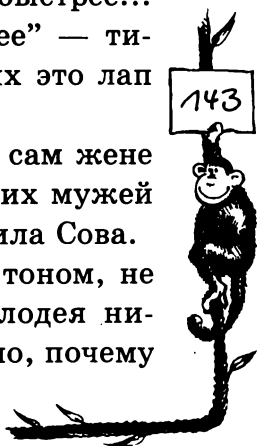
— Ну, а ... история с перьями? — спросил Кашалот, желая, чтобы в этом запутанном деле не осталось ни малейших неясностей.

— Так птица-Носорожиха сама их сбросила! Муж ее меняет перья постепенно, иначе он не смог бы летать, а ей, пока она насиживает, можно и разом полинять — так ведь быстрее... Одним словом, все это “данисенее” — типичная клевета! И я узнала, чьих это лап дело — это Павлин написал!

— Стало быть, мало того, что сам жене не помогает, так еще и на хороших мужей напраслину возводит, — заключила Сова.

— А-а, — произнес Кашалот тоном, не предвещавшим для пернатого злодея ничего хорошего, — теперь понятно, почему

КОАПП, КОАПП!

Павлин не заботится о жене и детях: ему некогда — он строчит анонимные письма! Птица-Секретарь, Павлина — на стенд “Не проходите мимо”. Немедленно!

— “Доброжелатель”... — бросила Сова.

Стрекоза вдруг горько заплакала. Коапповцы, связав эти рыдания с последним решением председателя, окружили ее и стали стыдить и увещевать. Со всех сторон слышалось: “Вам что — жаль этого анонимщика?”, “Этого клеветника?”, “Этого разряженного склочника?“, “Да не стоит он и одной вашей слезинки!” — и тому подобное. Наконец Стрекоза пролепетала сквозь плач: — Да нет же, я не из-за Павлина вовсе плачу... Мне так жаль птицу-Носорожку...

Все уставились на нее, сомневаясь, в своем ли она уме, а Сова, всплеснув крыльями, запричитала:

— Вот те раз! Да ты что, Стрекозушка, аль не слыхала? Мартышка-то ведь только-только докладывала: муженек-де у птицы-Носорожики такой — любо-дорого посмотреть, позавидуешь! Чего ж ее жалеть-то?

— Да-а, — всхлипнула Стрекоза, — а если он вдруг погибнет, как же она там останется в дупле, замурованная? Кто ее будет кормить, а потом размурует?

— Как это — кто? — Мартышка даже возмутилась. — Другая птица-Носорог! Она не даст умереть с голоду жене товарища — у них такой закон!

— Вот это по-мужски! — одобрил Человек.

— Если бы у всех было столь же рыцарское отношение к прекрасному полу... — мечтательно произнес Олень-менестрель, о котором все успели забыть. А он скромно стоял в сторонке и тихонько перебирал струны лютни.

— О, дорогой Олень! — спохватился Удильщик. — А как же ваша рыцарская

КОАПП, КОАПП!

баллада? Вы так ее и не спели по традиции...

— Нандик помешал, — ввернул Гепард.

— А нам всем так хотелось бы ее послушать по традиции, — подала голос переставшая плакать Стрекоза.

— Да-да, нельзя нарушать традицию! — поддержал Кашалот.

— Разумеется, о, друзья мои, я спою! — менестрель взял аккорд и объявил: — Старинная “Баллада о животных-джентльменах”, — и он запел, аккомпанируя себе на

лютне:

Конечно, мы не люди, нет, не люди,

а животные...

Млекопитающие, птицы, земноводные,

Моллюски, рыбы, змеи, пауки и насекомые

Не чтут обычаи людские, незнакомые...

Мы не целуем лапок, не умеем бриться мы,

Но и у нас среди мужчин немало рыцарей.

Пусть красотой они не блещут

и талантами,

Зато их с детства научили быть

галантными!

Совсем не знают наши мальчики

грамматики,

Писать не могут сочинений наши

мальчики.

Они задачек не решают даже простеньких...

Но наших девочек не дергают за хвостики!

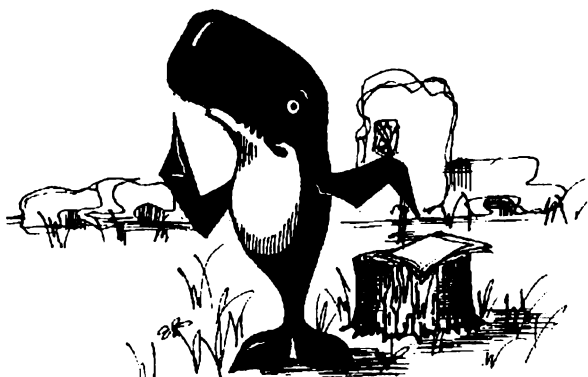

— Хорошая песня... — проникновенно молвил Кашалот. — Ее должны знать все мужчины!

— Зачем же дело стало? — Удильщик всем своим видом показывал, что готов немедленно заняться распространением баллады среди мужчин. — Менестрель, надеюсь, не откажется дать нам текст и ноты, мы их размножим...

— С помощью партеногенеза, — Гепарду очень понравилось это слово, и он старался вернуть его к месту и не к месту.

— Быть по сему! — изрек Кашалот, после чего с легким сердцем закрыл заседание КО-АППа, а заодно и обсуждение проблемы отношений между полами.

ЗАСЕДАНИЕ.

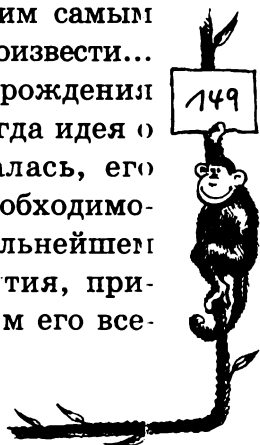
проводившееся под знаком заблаговременной подготовки к торжествам, приуроченным к юбилею общеизвестного исторического события. Преисполненные решимости достойно встретить славную годовщину, сотрудники КОАППа мысленно устремились к светлому будущему и даже проявили готовность незамедлительно отправиться туда своего обожаемого председателя...

ПОСЛАНИЕ В ТРИДЦАТЫЙ ВЕК

Для будущего соискателя ученой степени кандидата в доктора коапповских наук несомненный интерес представит история возникновения замечательной коапповской традиции, о которой пойдет речь ниже. Собственно, в ней не было бы ничего необычного, если бы не две ее особенности, у истоков которых (как, впрочем, и у всего, касающегося Комитета Охраны Авторских Прав Природы), естественно стоял Кашалот. Самое поразительное здесь, конечно, ход его умозаключений, приведших к этим самым особенностям. Попробуем их воспроизвести...

Дело в том, что уже в момент рождения КОАППа и даже еще раньше, когда идея о его создании только вынашивалась, его отец-основатель задумывался о необходимости периодически отмечать в дальнейшем юбилеи этого грандиозного события, причем с размахом, соответствующем его всемирно-историческому значению.

КОАПП, КОАПП!

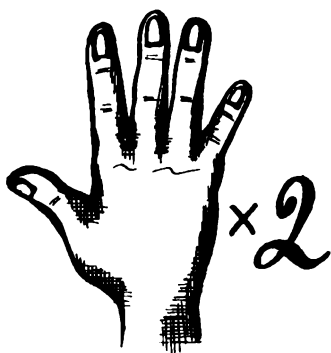
КОАПП, КОАППИ

Но что значит “периодически”? С какой именно периодичностью следует праздновать годовщины образования организации, играющей в животном мире роль ничуть не меньшую, а возможно, и большую, чем у людей Организация Объединенных Наций? Кстати, подумалось ему еще тогда, не обратиться ли за ответом к богатейшему опыту, который накопили в этой области люди? Хотя, с другой стороны, хотелось бы внести в теорию и практику проведения праздников что-то свое, оригинальное, самобытное, зоологическое...

Надо сказать, что председатель КОАППа давно уже испытывал серую зависть (серую в том смысле, что это была сложная смесь белой за-

висти с черной) к такому поразительному феномену, как необыкновенная смекалка, проявляемая людьми при изобретении всевозможных поводов для празднований. Причем поводом чаще всего служит как раз годовщина какого-либо события.

Любого — касается ли оно всей планеты, одной страны, ее части, какого-нибудь учреждения или отдельного индивидуума...

Опыт людей как будто бы подсказывал, что при проведении подобных мероприятий следует придерживаться так называемых круглых или, в крайнем случае, полукруглых дат, так что если делать всё по-человечески, годовщины со дня образования КОАППа следовало бы отмечать каждые десять лет, если ограничиться лишь круглыми датами, и каждые пять лет, если добавить к ним и полукруглые...

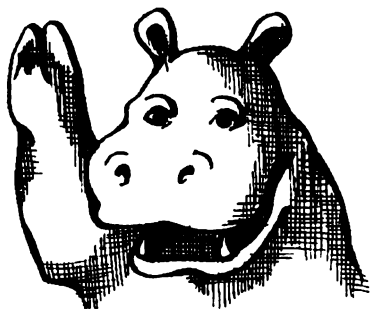
Но откуда, собственно, взялись эти числа — пять и десять? Ну, подумалось Кашалоту, это и Ежу понятно: на человеческой руке пять пальцев, на двух руках десять, а считать люди поначалу умели только на пальцах. До сих пор у них в ходу выражения: “знать, как свои пять пальцев” — то есть, знать очень хорошо, “можно пересчи-

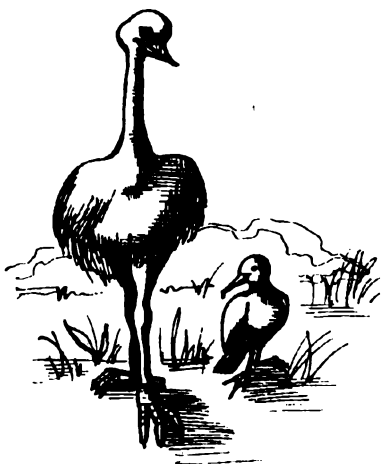
тать по пальцам” — отсюда и десятичная система счисления!

Среди позвоночных животных, рассуждал далее бессменный руководитель КОАППа, немало тех, кого эта система вполне устраивает, поскольку и у них на конечностях те же пять пальцев. Но вот у птиц, за редким исключением, четыре пальца, и они с тем же правом могли бы, если бы захотели, создать свою систему счисления, восьмеричную, в которой круглыми считались бы даты, кратные восьми, а полукруглыми — четверем. Такой системой с удовольствием пользовался бы и кое-кто из зверей, например, Бегемот, на ногах которого тоже по четыре пальца, а также некоторые земноводные — скажем, Четырехпалый Тритон (Кашалот еще не знал, что с этим последним ему предстоит встретиться при весьма любопытных обстоятельствах)...

Развивая эту мысль дальше, председатель КОАППа пришел к логическому выводу (а в логике он был силен, как никто другой), что в демократическом животном обществе кроме уже упомянутых могут одновременно существовать еще не-

сколько равноправных систем счисления. Обладатели ног с тремя пальцами — носороги, южноамериканские страусы нанду, австралийские страусы эму и казуары, трехпалые ленивцы, трехпалые чайки, они же маевки, трехперстки с Дальнего

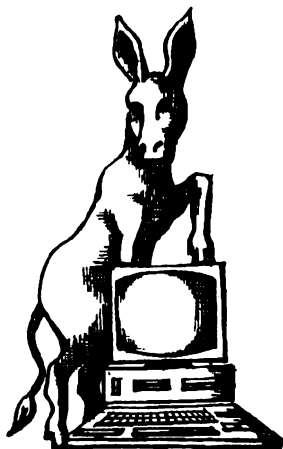
Востока, и им подобные — тоже вправе претендовать на свою собственную систему счисления, шестиричную, где круглые даты кратны шести, а полукруглые трем. Тем, у кого на ногах два пальца, — свиньям, оленям, жирафам, антилопам, коровам, овцам и прочим парнокопытным, а также верблюдам и африканским страусам, — не запретишь основать четверичную систему (круглые даты кратны четырем, а полукруглые двум). Ее, кстати, одобрили бы и насекомые: пальцев у них, правда, нет, но лапки обычно заканчиваются двумя коготками. Наконец, самая подходящая для празднования памятных дат двоичная система счета (круглые даты отмечаются раз в два года, полукруглые ежегодно) может быть предложена теми, кто на каждой конечности сохранил

КОАПП, КОАПП!

лишь один палец: лошадьми, зебрами и ослами...

Дойдя в своих размышлениях до этого факта, Кашалот попутно сделал знаменательное открытие. До него доходили слухи, что люди используют двоичную систему счисления очень широко — в частности в компьютерах. Но поскольку, как только что установил Кашалот, эта система буквально высосана из пальца — из одного-единственного пальца! — люди со своей пятерней вряд ли смогли бы додуматься до нее самостоятельно. Кто же им подсказал? Ясно, что кто-то из “однопальцевиков”. Но кто именно? Зебры отпадают — все попытки людей установить с ними контакт, а тем более приручить, потерпели полнейшее фиаско. Лошадей же и ослов им удалось не только приручить, но и одомашнить. Однако с ослами это произошло на две тысячи лет раньше, чем с лошадьми — свыше шести тысяч лет назад. Следовательно, двоичную систему изобрели ослы, а люди воспользовались ослиной идеей! Впрочем, чего еще можно от них ожидать — давно известно, что им пальца в рот не клади. Даже если он обут в копыто...

Кашалот в который раз с удовольствием подумал, как своевременно он проявил инициативу по созданию КООППа — организации, призванной защищать приоритет Природы. И как важно периодически напоминать об этом широким массам животного населения. А лучшее напоминание — празднование, причем как можно более частое, круглых годовщин со дня его основания...

Таким образом мысль председателя, совершив круг, вновь вернулась к вопросу о периодичности празднования круглых и полукруглых годовщин. Итак, подвел он итог своим изысканиям, существуют или могут, в принципе, существовать системы счета, возникновение которых обусловлено наличием одно-, дву-, трех-, четырех- или пятипалых конечностей. И минимальный временной промежуток между двумя следующими одно за другим юбилейными торжествами в честь годовщины одного и того же события может быть вычислен на основе любой из этих систем. А ведь возможны еще и системы счета, так сказать, “промежуточные” или “смешанные” — их вполне могут создать животные с неодинаковым числом пальцев на разных конечностях... Например, Двупалый Ленивец — на передних ногах у него по два пальца, а на задних по три, Тапир — на передних по четыре, на задних опять же по три, Трех-

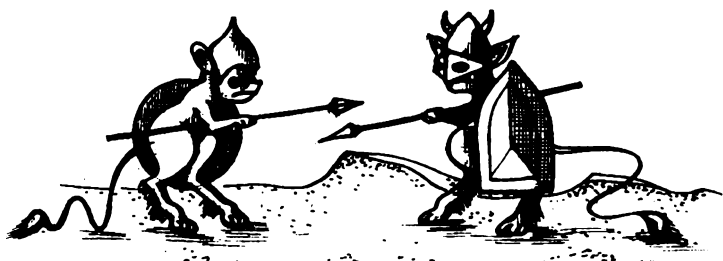

палый Карликовый Тушканчик — на передних пять, на задних снова по три, Четырехпалый Тушканчик — на передних по пять, а на задних по четыре...

Кашалот попробовал представить себе на мгновение, что произойдет, если празднование связанных с КОАППом круглых и полукруглых дат будет базироваться на какой-либо одной из множества систем — допустим, на однопальцевой... что тут начнется! Ослы, зебры и лошади возгордятся, а все остальные сочтут себя обойденными и оскорбленными. Малейшие попытки хотя бы отчасти утешить их, сославшись на авторитетное мнение великого поэта, утверждавшего, что “все мы немного лошади, каждый из нас по-своему лошадь”, наверняка будут восприняты как насмешка. Празднование годовщин со дня основания КОАППа на местах будет бойкотироваться большинством животных, и уж конечно же они демонстративно откажутся прислать своих представителей для участия в юбилейных торжествах на Коапповской поляне...

Это в лучшем случае. А в худшем — самые самолюбивые популяции и регионы объявят об от-

делении от КОАППа и прервут с ним всякие отношения. В еще более худшем случае они перессорятся между собой, взаимные упреки и претензии на главенствующую роль в анти-коапповской оппозиции перерастут в звериную злобу, брат пойдет на брата — скажем, Четырехпалый Тушканчик на Трехпалого Карликового (этому сможет помешать лишь то обстоятельство, что первый живет в Египте, а второй в Афганистане)...

Драматический опыт людей, думал Кашалот, убеждает, что подобный сценарий развития событий вполне реален: разве не пролились у них в свое время реки крови только из-за того, что эти двуногие существа, считающие себя разумными и даже научное имя себе присвоившие “Человек разумный”, не смогли достичь согласия в вопросе о том, сколькими перстами следует осенять себя крестным знаменiem — двумя или тремя?

Еще большее смятение охватило председателя КОАППа, — он даже зажмурил в ужасе глаза! — при мысли о том, какой не-

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

восполнимый урон был бы нанесен его престижу (а своим престижем Кашалот дорожил до чрезвычайности!). Ведь какой бы системе счета он ни отдал предпочтение при выборе периодичности юбилейных торжеств, на чьих бы пальцах она ни была основана, все прочие пальцевладельцы тотчас начнут гневно указывать на него пальцами, обвиняя в предвзятости, будут вопить, что, мол, такие-то и такие обвели его вокруг пальца (в случае, если выбор падет на лошадей, зебр и ослов) или вокруг двух, трех, четырех, пяти пальцев (во всех других случаях), что на актуальнейшие проблемы, волнующие широкие животные массы, он смотрит сквозь пальцы и, чтобы решить их, не ударил пальцем о палец — хотя чем бы и обо что он мог ударить, сквозь что смотреть, если у него вообще нет пальцев — ни одного, ни единого...

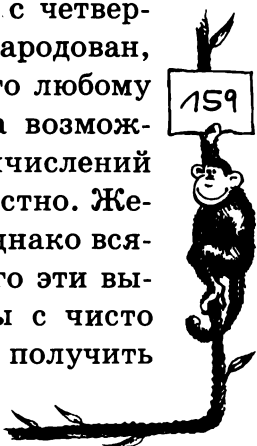
Положение представлялось безвыходным. Но гений есть гений — нет для него таких положений, из которых он не сумел бы найти выход! После многочисленных тщетных попыток разрешить неразрешимое и совместить несовмес-

тимое мысль предКОАППа внезапно совершила такой кульбит, какому позавидовал бы самый искусный акробат: если при вычислении юбилейных дат нельзя отдать предпочтение какой-либо одной системе счета, эти даты нужно вычислять на базе всех систем без исключения, причем так, чтобы удельный вес каждой системы зависел от численности соответствующей группы животных — обладателей одного, двух, трех, четырех и пяти пальцев на конечностях. Никто не сможет отрицать, что данное решение справедливо, никто не посмеет упрекнуть его, Кашалота, в необъективности, в симпатии к одним и пренебрежении к другим!

Это было озарение!

После сложнейших и тщательнейших выкладок, произведенных с учетом вышеуказанных факторов, получилось, что круглые годовщины со дня образования КОАППа должны отмечаться (если округлить) через каждые два года пять месяцев и семнадцать с четвертью дней. Результат этот был обнародован, причем вместе с объявлением, что любому желающему будет предоставлена возможность проверить правильность вычислений Кашалота и убедиться, что всё честно. Желающих, впрочем, не нашлось, однако всякий, кто читает эти строки и кого эти вычисления заинтересуют хотя бы с чисто математической стороны, может получить

КОАПП, КОАПП!

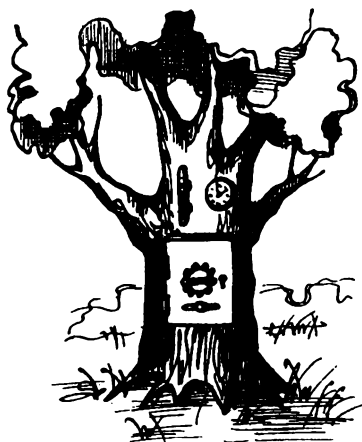
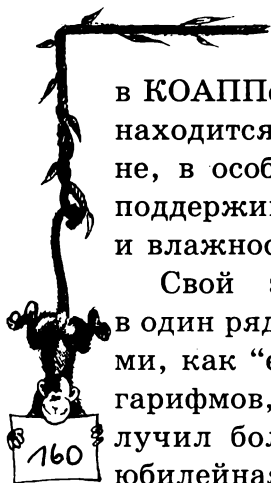

в КОАППе их ксерокопию — оригинал же находится на вечном хранении в спецхране, в особом бронированном дупле, где поддерживаются постоянные температура и влажность.

Свой эпохальный результат, ставший в один ряд с такими мировыми постоянными, как “е” — основание натуральных логарифмов, и им подобными, Кашалот получил более чем своевременно: первая юбилейная дата, когда КОАППу исполнялось ровно два года пять месяцев и семнадцать с четвертью дней, наступала меньше чем через две недели. Времени на подготовку оставалось в обрез. Председатель срочно оповестил всех коапповцев о необходимости сверхсрочно подготовить предложения и соображения о проведении праздничных мероприятий.

И вот действительные члены и члены-корреспонденты КОАППа собрались на своей Большой Коапповской Поляне, чтобы представить свои соображения и предложения на суд коллег и сообща их обсудить...

Не было только Человека — он предупре-

дил по телефону, что появится несколько позже, и не один. С кем — Человек уточнить отказался, сказав, что это сюрприз...

Право поделиться своими предложениями первыми коапповские мужчины галантно предоставили дамам, дамы в свою очередь — многоуважаемой мудрой Сове, которая пользовалась в КОАППе большим авторитетом.

Сова предложила начать празднование с военного парада. Обосновала она это тем, что у людей, как она выразилась, “самые что ни на есть наиглавнейшие праздники отродясь беспрерывно с парада начинались”. В последнее время про них что-то не слышать — говорят, заботы у людей обнаружили поважнее, но коапповцам-то, вроде, ничто не мешает воспринять такой славный обычай...

Идея Совы была встречена всеми ее коллегами не просто с одобрением — восторженно! Даже вечный ворчун и скептик Рак вынужден был согласиться, что праздничный парад — это и в самом деле очень красиво и торжественно, а захватывающее зрелище — стройные ряды воинов, четко печатающих шаг, — поднимет патриотический дух животного населения.

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

Профессиональная армия есть, как известно, у муравьев и термитов, их солдат и решено было пригласить для прохождения парадным строем по Большой Коапповской Поляне.

Кстати, обрадовался Кашалот, совместное участие в параде может послужить удачным поводом для примирения извечных врагов — муравьев и термитов, причем их непрекращающийся вот уже миллионы лет конфликт будет погашен при его посредничестве, и он приобретет в глазах мировой общест-венности ореол миротворца!

Столь радужную перспективу попытался было омрачить Рак. Он обратил внимание коапповцев на то, что хотя в армии термитов значительную часть воинского контингента составляют парни призывного возраста, там полно и девушек, а в муравьиных войсках — вы только подумайте! — вообще ни одного парня: все солдаты — исключительно девушки! Когда в джазе только девушки, это еще куда ни шло, но в армии... Правда, Рак тут же поспешил заверить, что в принципе

он не против — он же не ретроград какой-нибудь, к тому же ему известно, что даже у людей женщин во многих странах принимают теперь на армейскую службу... Но все-таки вообразите, что это будет за парад — сплошные девушки. словно не юбилей КОАППа празднуется, а Международный Женский День...

Председатель КОАППа не нашелся, что возразить, но тут вмешалась Мартышка. Она с ехидцей поинтересовалась, знает ли Рак, что чисто девичья муравьиная армия всегда побивает войска термитов, в которых немало парней. Это с непреложностью доказывает, что парни лишь снижают боеспособность войск. Она, Мартышка, убеждена, что рано или поздно к этому придут и люди, а чтобы это случилось как можно раньше, она готова, — с разрешения Кашалота, разумеется, — уведомить о данном факте министров обороны тех стран, где затевается военная реформа — пусть сами делают выводы. Что же касается преимущественно девичьего парада, то КОАПП здесь окажется впереди планеты всей!

Последняя фраза поставила точку в споре: Кашалот очень любил оказываться впереди планеты всей...

Относительно морской или, в данном случае озерной, а также воздушной частей парада разногласий не возникало: было постановлено, что в Коапповское озеро из

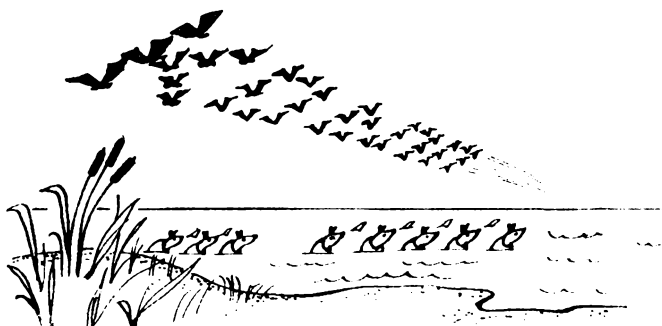
КОАПП, КОАПП!

Южной Америки прибудет и продефилирует вдоль берега дружелюбная эскадра броненосцев (в ответ на возражение Рака, — мол, они ведь звери сухопутные, — Гепард растолковал ему, что броненосцы не только прекрасно плавают, но и отлично ныряют, а в случае преследования могут, нырнув сидеть на дне, буквально затаив дыхание, целых шесть минут). В воздухе над Большой Поляной промчатся со скоростью свыше ста километров в час соколы-сапсаны, построившись так, чтобы в небе образовались буквы: “КОАП”, а затем спикируют, не нарушая строя, и тут же снова взмоют в небо...

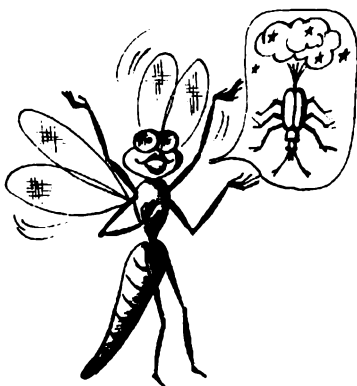
И все явственно представили, как в этот момент телекомментатор, взхлеб ведущий репортаж с торжеств, воскликнет, как водится, с пафосом: “Невероятная, умопомрачительная скорость пернатых ассов при пикировании — самая большая, когда-либо достигнутая на Земле живыми существами: триста шестьдесят ки-

лометров в час! “Коапповские соколы!” — так прозвал их птичий народ... Сколько любви и восхищения в этом гордом имени!”

Стрекоза предложила завершить парад орудийным салютом, позвав для этой цели жуков-бомбардиров из Бразилии. Вообще-то, пояснила она, жуки-бомбардиры есть и поближе, — в Южной Европе, в Крыму, на Кавказе, но бразильские значительно крупнее.

Лиха беда начало — дальше дело пошло споро и без спора: быстро были рассмотрены и одобрены предложения о красочном карнавальном шествии, где Заяц будет изображать Волка, Волк прикинется Овцой, Овца — Крокодилем, Крокодил — Страусом, и так далее; о пламенных выступлениях с трибун, которые следует расставить по всему периметру поляны; о призывах руководства КОАППа к юбилею и о публикации их во всех коапповских органах печати; об обращении председателя КОАППа по лесному, полевому, речному и морскому радио и телевидению к животному народу; о вечерней иллюминации Большой Поляны и Ко-

апповского озера светящимися животными; о праздничном концерте с участием прославленного хора жаб и лягушек; о юбилейном банкете; о награждении за заслуги перед КОАППОм орденами, медалями и почетными званиями, которые, впрочем, еще надо учредить; о всеобщей амнистии (правда, неизвестно кого, но это решили уточнить в рабочем порядке); о приглашении делегаций на празднование; о движении за принятие повышенных обязательств в честь славной годовщины и о соревновании за право встать в честь нее же на почетную вахту... словом, о всех мероприятиях, положенных в подобных случаях — даже о гашении конвертов с коапповской корреспонденцией специальным юбилейным штемпелем.

Не забыта была и проблема охраны общественного порядка во время праздника. По общему убеждению, обеспечить ее, то бишь охрану, способен был бы только такой спецназ, личный состав которого не спасует ни перед кем — независимо от его величины, силы и вооруженности клыками, когтями, рогами, ядовитыми жалами и прочим, спецназ, которого боятся все без исключения!

После кратких дебатов кандидатуры были найдены: для поляны — бродячие муравьи эцитоны, гроза амазонской сельвы, для озера — пираньи, хищные рыбы из тех же мест...

Особое воодушевление вызвала задумка Удильщика — протянуть над всей поляной гигантское полотнище с лозунгом: “Слава председателю КОАППа — вдохновителю и организатору всех наших свершений и побед!” Соткать полотнище решили поручить тропическим паукам нефилам, славящимся необычайно прочной и красивой паутиной.

Предложение насчет лозунга было, кстати, единственным, по поводу которого Рак удержался от критических замечаний. Справедливости ради надо заметить, что он не только критиковал, но и сам внес свою лепту в “банк идей”: Рак высказал мысль о необходимости установить на Коапповской поляне обелиск с памятной надписью на цоколе.

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАПП

— Вот только насчет надписи я не мастак, — признался он, — пусть кто-нибудь другой сочинит.

Сочинять взялся Гепард. Через минуту текст, который сам он не без иронии охарактеризовал как “краткий и скромный”, был готов:

“Здесь, на Большой поляне, на берегу лесного Озера в июле 1964 года по инициативе Кашалота был создан КОАПП, то есть Комитет Охраны Авторских Прав Природы — первая в истории организация, оформляющая патенты на изобретения Живой Природы, которые могут быть использованы или уже используются в науке и технике”.

Текст Кашалоту очень понравился. Попросив птицу-Секретаря приобщить его к осталь-

ным разработкам, выполненным в ходе заседания, председатель КОАППа решил дать им общую оценку.

— Всё это замечательно, — заявил он. — Намеченное нами, безусловно, важно и необходимо. Вы плодотворно потрудились, коллеги, и я от всей своей председатель-

ской души выражаю вам горячую признательность. И всё же меня не оставляет чувство некоторой неудовлетворенности... Ведь всё это уже было, всё это, можно сказать, повторение пройденного — пройденного людьми. Вот если бы дополнить предложенные вами прекрасные мероприятия каким-нибудь таким, какого никогда ни у кого не было!

Физиономия Кашалота приняла мечтательное выражение, а Удильщик тут же решил стимулировать творческие усилия коллег, выдвинув лозунг: “Уникальной организации — уникальное мероприятие!”

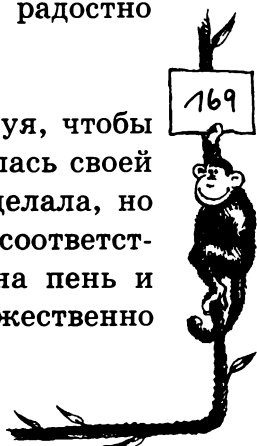
Коапповцы погрузились в размышления. Некоторое время все молча перебирали варианты уникальных, на первый взгляд, юбилейных мероприятий, но тут же отбрасывали, вспомнив, что и это было. Всё уже было — хоть плачь.

Сотрудники КОАППа были близки к отчаянию, когда Мартышка, просияв, радостно воскликнула:

— Я придумала!!!

Все тотчас обступили ее, требуя, чтобы она не тянула и быстрее поделилась своей придумкой. Что Мартышка и сделала, но не просто так, а обставив всё соответствующим образом. Забравшись на пень и став в эффектную позу, она торжественно провозгласила:

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

— Мы отправим послание коапповцам тридцатого века!

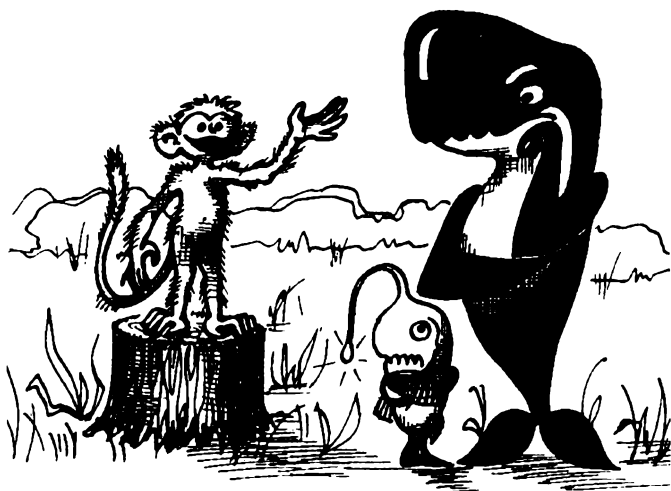
— До востребования, — добавил Гепард.

— Хм, — только и произнес Кашалот и задумался...

— Ах, как это чудесно! — Стрекоза в восторге захлопала крыльями. — Через тысячу лет наши потомки прочтут о нас, своих далеких предшественниках!

— Да, прочтут, — проворчал Рак, — если капсула с нашим посланием дойдет до них в целости и сохранности, в чем лично я сильно сомневаюсь!

— Да, это маловероятно, увы, — вздохнул Удильщик, — ведь на пути в тысячу лет ее будут подстергать тысячи случайностей...

— Но главная беда не в этом, — изрек Кашалот, очнувшись от раздумья.

— А в чем же? — на Мартышку жалко было смотреть: она-то думала, она-то надеялась стать героиней дня!

— Главная беда в том, — произнес Кашалот тоном судьи, зачитывающего обвинительное заключение, — что и это было, причем неоднократно.

— Я бы даже сказал, многократно — подхватил Гепард. — Ни одной так называемой “Великой стройки” люди не начинают без того, чтобы не заложить в фундамент либо в стену капсулу с посланием потомкам. Кстати, если оно все-таки дойдет, это будет свидетельствовать о качестве строительства — ведь для того, чтобы капсула попалась потомкам на глаза, сооружение должно само по себе разрушиться...

— Стройки-то великие что, — подхватила Сова, — сельский клуб люди строят али там коровник, и то нороят письмецо потомкам всучить. А я чаю, недосуг им будет послания разные читать — им, болезным, дай бог с делами управиться, а дел-то по горло: надо исправлять то, что предки дорогие на Земле наворотили да напортили!

— Как видите, дорогая Мартышка, — и тоном, и всем своим видом Удильщик демонстрировал искреннее и глубокое сочув-

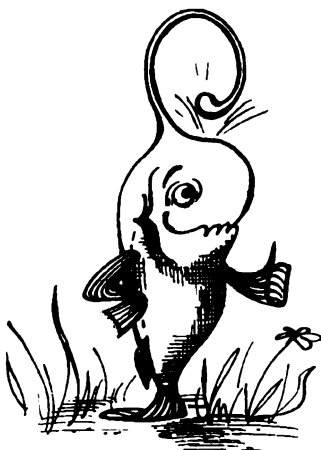
КОАПП, КОАПП!

ствие, — ваша идея насчет послания потомкам, с какой стороны ее ни рассматривай, оказалась несостоятельной, особенно в качестве уникального мероприятия. Но не огорчайтесь, — поспешил он утешить ее с великодушием победителя, видя, что Мартышка вот-вот расплачется. — Небрежно брошенное вами зерно упало на благодатную почву! — при этих словах Удильщик выразительно постучал концом удочки по своей голове, недвусмысленно указав, что именно он подразумевает под благодатной почвой. — И проросло, без преувеличения можно сказать, гениальнейшим проектом!

Удильщик победоносно взглянул на коллег и громко объявил:

— Мы отправим к потомкам не послание, а посланца!

Последовавшая за этим неожиданным заявлением минута молчания, во время которой коапповцы как бы переваривали его, усваивая смысл, сменилась радостными возгласами. Все кинулись поздравлять Удильщика с оригинальным, нестандартным решением проблемы

уникального мероприятия, а председатель во всеуслышание признал:

— Действительно — такого еще не было даже у людей!

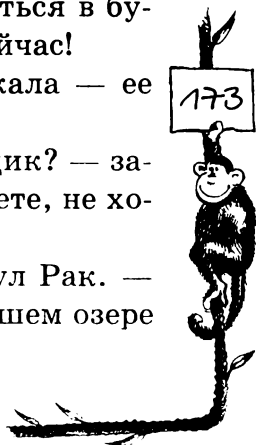
— Более того, — заявил Удильщик, насладившись всеобщим признанием его творческого подвига, — я готов отправиться в будущее сам! Хоть сегодня, хоть сейчас!

Тут уж Мартышка не выдержала — ее задело за живое:

— Почему именно вы, Удильщик? — запротестовала она. — А мне, думаете, не хочется заглянуть в будущее?

— И я бы не прочь, — буркнул Рак. — Может, через тыщу лет вода в нашем озере станет чище.

КОАПП, КОАПП!

— Обязательно станет, Рак, — убежденно пропищала Стрекоза, — и не только вода — поля, леса, воздух... Ах, как бы мне хотелось полетать в прозрачном, благоуханном, очищенном от дыма и пыли воздухе!

— Всем бы хотелось, Стрекоза, — молвила Сова, но по ее тону чувствовалось, что она не слишком верит в возможность этого даже в будущем...

Коапповцы громко заспорили, кому из них отправляться в тридцатый век. Спор разгорался и стал принимать угрожающий характер...

— Я имею такое же право! — кричала Мартышка.

— А я больше подхожу по физическим данным! — ворчливо настаивал Рак.

Удильщик же тыкал всем в глаза свой приоритет и непрерывно бубнил, возмущенно размахивая удочкой:

— А проект? Чей проект? Может, ваш? — и он указывал концом удочки на Мартышку. — Или ваш? — Конец удочки перемещался к Раку...

Перепалка достигла такого накала, что, возможно, завершилась бы потасовкой, но страсти

несколько охладил председательский колокольчик, сопровождаемый властным окриком Кашалота:

— Тихо! Прекратите немедленно!

Как только спорщики замолкли, он воззвал к их благоразумию:

— И с такими замашками вы собираетесь явиться к потомкам? Нет, так дело не пойдет! И потом, если все отправятся в будущее, кто же останется в настоящем? Кто будет работать в КОАППе? Я и птица-Секретарь?

Пристыженные претенденты на путешествие в тридцатый век опустили головы.

В этот момент Гепард напомнил, что существует чрезвычайно простой, эффективный и, главное, справедливый способ определить, кому суждено стать посланцем в будущее: жребий.

Все вздохнули с облегчением, особенно спорщики — они даже удивились, что этот цивилизованный путь решения проблемы никому не пришел в голову.

Председатель КОАППа немедленно распорядился организовать жеребьевку. Мар-

КОАПП, КОАПП!

тышка быстренько нарезала восемь бумажных квадратиков — по числу присутствовавших коапповцев, включая председателя и птицу-Секретаря. (Человек всё еще отсутствовал). Однако по здравом размышлении Мартышка сообразила, что участие в жеребьевке птицы-Секретаря — чистейший абсурд: что она сможет рассказать коапповцам тридцатого века, если кроме своих криков “Коапп, коапп!” не в состоянии произнести ни одного членораздельного звука?

Так что один квадратик был изъят, а из оставшихся семи на одном Мартышка поставила крестик, на всех прочих нолики. Квадратики-билетики она свернула в трубочки, положила в большое дупло, что в основании председатель-

ского пня, и тщательно перемешала, после чего объявила:

— Всё готово!

И первой полезла было в дупло рукой, за ней потянулись столпившиеся у пня коллеги, но их остановил окрик Удильщика:

— Минутку! Что за спешка? Я полагаю,

что право тянуть первым мы должны предоставить нашему обожаемому председателю!

Смущенные участники жеребьевки мигом отдернули протянутые конечности и с преувеличенной любезностью стали наперебой приглашать Кашалота испытать судьбу первым.

Запустив в дупло ласт, Кашалот долго ворошил там бумажные трубочки, бормоча:

— Хм... Какую же взять? Попробую эту... нет, лучше, пожалуй ту, что развернулась, хотя...

Наконец, он решился:

— Всё — беру первую попавшуюся!

Мартышка приняла у него из ласта трубочку, развернула и, едва глянув, объявила:

— Крестик!!! Ох, и везучий же вы! Что ж, поздравляю.

Окружив Кашалота, все также стали его поздравлять и жать ему ласт — тот самый,

КОАПП, КОАПП!

которым он вытянул счастливый билетик в будущее...

— Спасибо, друзья, я очень тронут, — растроганно благодарил председатель. — А как же вы?

— А нам, стало быть, не судьба, — Сова развела крыльями: дескать, что поделаешь, придется остаться в настоящем...

Гепард расставил всё на свои места:

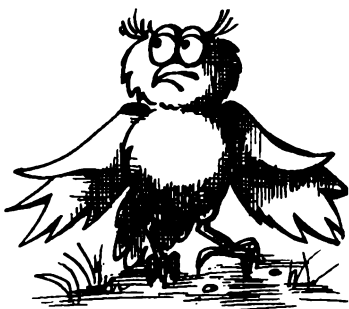
— Не будем сетовать на судьбу, коллеги, — она распорядилась мудро: честь отправиться в будущее выпала самому представительному представителю КОАППа. Остается пустяк — осуществить это практически.

— С помощью машины времени, Гепард? — Стрекоза, как всегда, была неподражаема в своей воистину детской наивности.

Многих ее простодушие умиляло, но Рака оно раздражало.

— Где это вы видели такую машину? — проскрипел он сердито. — По телевизору, наверное? Ансамбль “Машина времени”? Так с помощью той “машины” скорее не в будущее попадешь, а в прошлое.

Мартышка, давняя поклонница ансамбля, решила за него вступить:

— Вы намекаете, Рак, что они исполняют старые песни? Так, во-первых, не только старые, во-вторых, песни ретро часто слушать несравненно приятнее, чем иные суперновейшие хиты, в которых нет ни музыки, ни смысла...

— А, в-третьих, — подхватил Удильщик, — ансамбль тут, я думаю, вообще ни при чем, просто Стрекоза начиталась фантастики — с кем не бывает... А между тем существует вполне реальный способ перемещения во времени — анабиоз!

— Вы хотите погрузить меня в анабиоз, Удильщик? — спросил Кашалот.

— Мало сказать хочу — жажду! Я уже продумал всё до мелочей, даже обращение сочинил — мы его напишем белой краской на вашем черном хвосте, будет очень эффектно... Вот послушайте, — и он прочел:

*Потомки! Здесь в непринужденной позе
Наш Кашалот лежит в анабиозе,
Чтоб через десять сотен лет
Вам передать от нас привет!*

Ну как?

— Гениально! — воскликнул Гепард. — Дорогой Кашалот, вы так и скажите тому, кто через десять сотен лет подойдет к вам первым: “Я пришел к тебе с приветом...” Разумеется, после того, как оттаете.

Услышав последнюю фразу, Кашалот забеспокоился:

КОАПП, КОАПП!

— Оттаю? Значит, меня заморозят?

— Естественно, — подтвердила Мартышка, — какой же анабиоз без замораживания!

— Милый Кашалот, как я вам завидую!

— Стрекоза вся прямо-таки трепетала, показывая, как сильно она завидует. — Вы доберетесь до тридцатого века в свежемороженом виде и предстанете перед потомками свеженьким, как огурчик!

— Только замораживать надо умеючи, — ввернул Рак. — А то ведь, чего доброго, вместо потомков можно отправить к предкам.

— Типун тебе на язык! — Сова с укором взглянула на Рака.

— Вот именно! — поддержал ее Удильщик. — Да будет вам известно, Рак, что к сегодняшнему заседанию я приготовил сюрприз: еще вчера лично мною на нашу поляну доставлен опытейший специалист по замораживанию! Вернее, специалистка.

Рак, как обычно, воспринял это сообщение с недоверием.

— Ну и где же она? — спросил он, оглядев поляну. — Кроме нас тут вроде бы никого нет.

Вместо ответа Удильщик молча распахнул дверцу холодильника и показал удочкой: вот, мол, смотрите.

Естественно, Мартышка заглянула внутрь первой и, никого не обнаружив, вопросительно посмотрела на Удильщика.

— Да вы не там ищете! — Он открыл морозильную камеру. — Она не на полках, а здесь.

Но и в морозилке Мартышка не увидела ничего, кроме бруска льда...

— Хотя постойте, — сказала она, вглядевшись, — внутри что-то чернеет... То есть кто-то — голову можно различить, туловище, темные плавники с оранжевой каемкой... Да это рыба!

— Обколите вокруг нее лед, — распорядился Удильщик, когда Мартышка вынула брусок из морозильной камеры.

— Готово! — отрапортовала она, проделав эту операцию.

— Теперь опустите в таз с теплой водой. Мартышка выполнила и это указание.

— Перед вами абсолютная чемпионка мира среди рыб по устойчивости к холоду — Черная рыба! — торжественно, словно шпехсталмейстер в цирке, объявляющий

смертельный номер, возвестил Удильщик.

— Это ее прозвище, а имя...

— Гляди-кась, — перебила его Сова, — плавниками зашевелила, сердешная.

— Ка-а-а-жется, кто-о-о-ото-то здесь соби-и-и-рался назвать мое имя? — заговорила вдруг рыба, растягивая гласные, как при замедленном воспроизведении звука — видимо, она не совсем еще оттаяла. — Про-о-и-изнесите же его скорей!

— С удовольствием, — откликнулся Удильщик. — Да...

Но рыба не дала ему договорить:

— Хотя нет, подождите! — сказала она уже почти нормально. — Я сама попытаюсь вспомнить.

— Вы забыли свое имя? — поразилась Стрекоза.

— Наверное, отморозила память, — предположил Гепард.

— Но надеюсь, она оттает, — сказала рыба и начала вспоминать:

— Так, первый слог "Да"... а как же дальше? Сейчас-сейчас-сейчас. .. ммм... нет, ни в какую! Попробовать иначе? Что, если вспом-

нить сначала, где я живу — тогда имя всплывет в памяти само собой... Как же называется наша местность? Чи... че... ча... Ча-ча-ча... — она сокрушенно вздохнула: — Вот вертится где-то рядом — и тут же ускользает. Зацепку тьбы какую-нибудь, ниточку...

— Мелко плавает ваша специалистка, — поддел Удильщика Рак, ухмыльнувшись. — Даже имени своего не помнит и местожительства. Она нам такого насоветует...

Рыба внезапно встрепелась:

— Как вы сказали — “мелко плавает”? — Она вся напряглась, мучительно что-то вспоминая... — Мелко... мелко... так-так-так... я плаваю в мелкой реке... Вот она, ниточка — мелкая река! Да это же слова из наших стишков!

На вопрос Кашалота, что это за стишки, она пояснила:

— Вспоминательные! Вы знаете, когда осенью вмерзаешь в лед, сразу погружаешься в небытие — словно проваливаешься куда-то. Спустя восемь месяцев оттаешь — полная пустота в голове, ничего не помню — кто я, что я, откуда?

КОАПП, КОАПП!

— Немудрено, — сочувственно промолвила Сова.

— Так вот, чтоб легче вспомнить, у нас есть специальные стишки — ведь рифмованные строчки прочнее сидят в памяти:

*Наша родина Чукотка,
Там отличная погодка —
Ветер, стужа и пурга!
Дом наш — мелкая река.
И поскольку она
Промерзает до дна,
Провожу я во льду
Восемь месяцев в году.
А приходит пора,
Наступает лето —
Ем личинок комара...
Спасибо им за это!*

— То есть за то, что они позволяют себя съесть? — уточнил Гепард.

— Да, — подтвердила Рыба. — И вам спасибо, Рак, — за то, что дали мне ниточку.

— Но имя-то свое вы так и не вспомнили, — настаивал Рак. — И стишки не помогли.

Ну что вы к ней привязались? — напустилась Мартышка. —

“Имя, имя”... Не всё сразу!

— Память-то штука капризная, — поддержала ее Сова. — Ей не прикажешь — мол, пощучьему веленью, по моему хотенью, подскажи мне то, да напомни это...

— “Пощучьему веленью”... — задумчиво повторила рыба. — О, еще одна ниточка! — и она продекламировала новый вспоминательный стишок:

*Моя родственница Щука —
Утверждает так наука,
Мое имя — Даллия!
И так далее...*

— Даллия! — восторженно повторила Стрекоза: ей это имя показалось необыкновенно аристократическим.

Понравилось оно и Кашалоту:

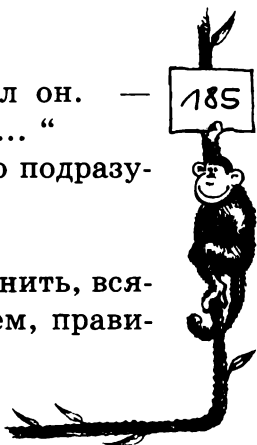
— Прелестно, — пробормотал он. — “Мое имя Даллия — и так далее...”

Гепард любопытствовал, что подразумевается под “и так далее...”

Даллия охотно объяснила:

— Всё, что не обязательно помнить, всякая лишняя информация. Скажем, правила безопасного замораживания.

КОАПП, КОАПП!

— Хорошенькое дело! — воскликнула Мартышка. — Да ведь именно ради этих правил Удильщик и доставил вас сюда!

Удильщик даже растерялся, что случилось с ним нечасто.

— Мне и в голову не могло прийти, — стал оправдываться он, — что рыба, которая бóльшую часть года проводит в ледовом плену, может не знать правил, от соблюдения которых зависит ее жизнь...

— А зачем мне их знать? — возразила Даллия. — Мой организм сам принимает необходимые меры безопасности — какой же смысл перегружать память? Правда, кое-что мне известно, но понаслышке и в самых общих чертах.

— Что делать, — произнес Кашалот со вздохом, — расскажите хотя бы в общих...

— Ну, — начала Даллия, — всё это вам, наверное, и без меня знакомо — очевидные вещи. Скажем, то, что в нашем организме полно воды — мое тело, например, состоит из нее примерно на две трети.

— Мое тоже, — сообщил Кашалот.

— Неудивительно, — заметила Мартышка, — ведь вода содержится в каждой клеточке, не говоря уже о крови и прочих жидкостях.

— Так вот, — продолжила Даллия, — главное — не допустить, чтобы вода в организме превратилась в лед.

— Легко сказать... — буркнул Рак. — А как этого не допустить, если вода начинает превращаться в лед уже при нуле градусов?

— Пресная вода, — поправила Даллия. — Соленая замерзает при более низкой температуре. А у рыб в крови и прочих жидкостях растворено больше соли, чем у зверей и птиц.

— И мороз, стало быть, отступает от них, не солоно хлебавши, так, что ли? — рассудила Сова вполне логично.

— Так вот в чем соль! — воскликнул Гепард.

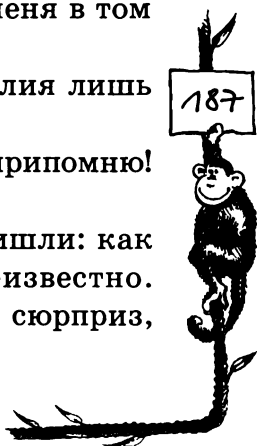
Однако Даллия вынуждена была его разочаровать:

— Нет, у полярных рыб, и у меня в том числе, дело не только в этом...

На вопрос, в чем же еще, Даллия лишь развела плавниками:

— Вот тут я пас: убейте — не припомню! Рак подвел печальный итог:

— С чего начали, к тому и пришли: как правильно замораживать — неизвестно. Славный вы нам приготовили сюрприз, Удильщик, нечего сказать.

— Сюрприз... сюрприз... — повторила Даллия. — Подождите — кажется, у нас есть стишок и с этим словом... Вспомнила! — и она прочла:

*Для полярных рыб природа
Приготовила сюрприз:
Организм в нашу воду
Добавляет антифриз!*

— Антифриз? — переспросила Мартышка. — Я слышала, что люди заливают его зимой в радиаторы автомобилей... Выходит, вы тоже пользуетесь антифризом?

Даллия даже обиделась:

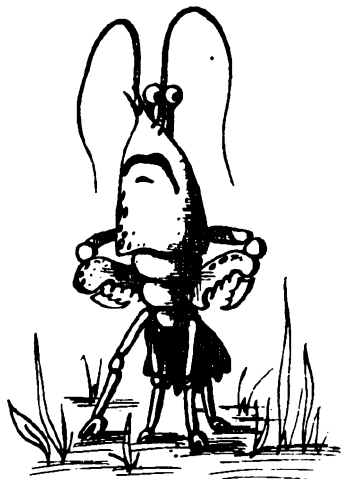
— Что значит “вы тоже”? Это они “тоже” — мы начали применять антифриз за миллионы лет до людей, их еще и на свете-то не было!

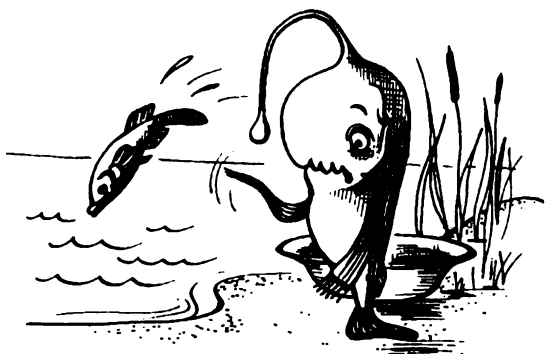
— А состав, — настаивал Кашалот, — какой его состав?

— Понятия не имею — в нужный момент что-то у меня внутри синтезируется, какое-то вещество, но какое? — увы, в химии я не сильна. Как, впрочем, и в физике.

— И так далее... — дополнил Гепард.

— Если я вам больше не нужна, вы позволите мне уплыть домой?

— Пожалуйста. — В голосе Удильщика звучала грусть. — Извините, что зря вас побеспокоил.

— Это вы меня извините — не сумела удовлетворить ваш интерес к замораживанию. Счастливо оставаться! — и Даллия уплыла...

— Мне бы следовало ее проводить, — пробормотал Кашалот, глядя ей вслед.

— До Чукотки, что ли? — Сова махнула крылом. — Не кручинься, тебе болезному, надо таперича думать, как до будущего добраться.

— Что ж, будем думать, — безнадежным тоном произнес Кашалот и тяжело вздохнул.

В этот момент на поляну влетел невзрачного вида Мотылек.

— Вы собираетесь в будущее? — закричал он еще издали. — Счастливец!

Кашалот по близорукости не сразу разглядел посетителя, и на его вопрос, кто к

ним пожаловал, Стрекоза ответила, что какой-то Мотылек.

— Не какой-то, а Кукурузный Мотылек, — уточнил гость. — Кстати, в будущем вы это имя не услышите — нас наверняка станут называть как-нибудь иначе.

Коапповцев это высказанное столь уверенно предвидение заинтересовало, и они спросили, почему он так думает.

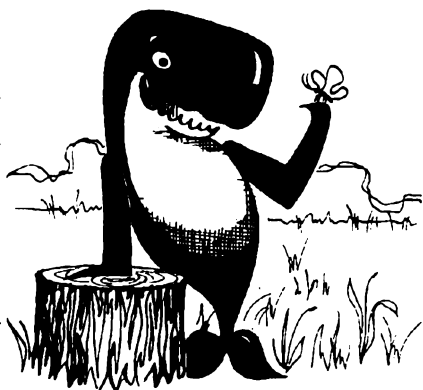
— Потому что гусеницы Кукурузного Мотылька, которые будут жить в ту далекую и прекрасную эпоху, к кукурузе даже не притронутся!

На вопрос Сова, что ж они тогда станут есть, посетитель убежденно заявил:

— Сорняки — только сорняки! И их гордые родители услышат от людей не проклятья, а слова признательности. Но будущее надо готовить уже сегодня, поэтому я не устаю твердить своей жене:

“Зачем нам обострять отношения с людьми?!” Ну, у нее естественно, всегда готов ответ...

— Не сомневаюсь, — сказал Кашалот, хорошо знавший это по личному опыту.

— Она тут же делает невинные глаза, — продолжал Кукурузный Мотылек, и передал в лицах, причем с юмором, свой разговор с женой:

— “Не понимаю, какие у них могут быть к нам претензии? Живем по средствам, честно трудимся на благо природе... Разве мы не опыляем цветы? Получая за это, между прочим, более чем скромное вознаграждение — немножечко нектара... И вообще, здесь какое-то недоразумение — мы с тобой даже попробовать не смогли бы эту их кукурузу, при всем нашем желании — с нашим-то хоботком!”

Я повышаю голос: — “А твои драгоценные отпрыски, вечно что-то грызущие и не перестающие жевать, даже когда к ним обращается отец?”

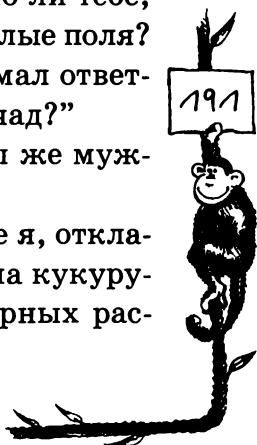
— “Между прочим, они такие же твои, как мои”, — парирует жена.

— “Хорошо, — наши. Известно ли тебе, что наши оболтусы опустошают целые поля? Кажется, с нас еще никто не снимал ответственности за поведение наших чад?”

— “Вот и воспитывай их — ты же мужчина”.

— “Но ведь именно ты, ты, а не я, откладываешь яички не где-нибудь, а на кукурузе и на полусотне других культурных растений!”

КОАПП, КОАПП!

— “Я хочу, чтобы наши дети приобщились к культуре. Ты что-нибудь имеешь против?”

— “Имею! — кричу я. — Ты отлично знаешь, что наши гусеницы способны питаться ста видами сорных растений! А мы с тобой на чем выросли? Забыла? Я напому: на чертополохе! И были счастливы...”

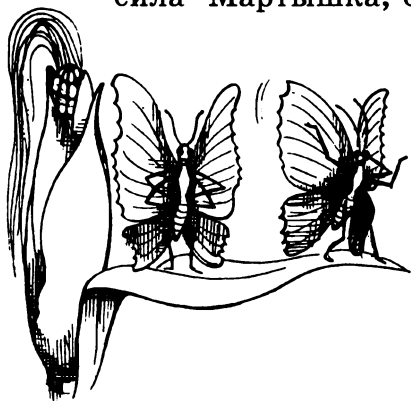
— “Ах, вот чего ты добиваешься! — восклицает она с трагическими модуляциями в голосе. — Ты хочешь, чтобы наши гусенички тоже росли на чертополохе? Через мой труп!” — и удаляется, гневно хлопнув крылышками. Спектакль! И такие сцены происходят у нас чуть ли не ежедневно.

— Если бы только у вас... — произнес Кашалот со вздохом.

— И вы надеетесь, Кукурузный Мотылек, что в будущем что-нибудь изменится? — спросила Мартышка, отсмеявшись.

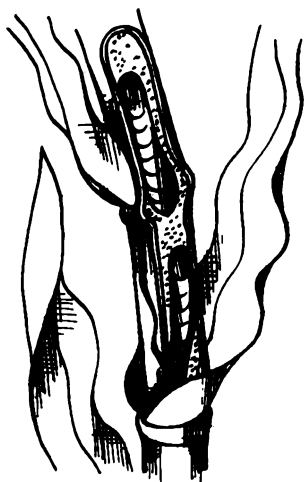
— Надеюсь? Да я в этом убежден на сто процентов! Со временем общество научится ограждать детей от опеки таких неистовых мамаш.

— Что, несомненно, пойдет на

пользу как обществу, так и детям, — поддержал председатель КОАППа.

— Особенно детям. Кстати, наши деточки, — тут он стал сюсюкать, передразнивая жену, — наши гусюсю-гусенички, — Мотылек вернулся к нормальному тону, — вовсе не такие неженки, как думает жена. Знала бы она, как они проводят зиму — с ума бы сошла!

— А как они проводят зиму? — немедленно спросила Мартышка.

— Внутри стебля — фактически все равно что на улице. А у нас, между прочим, нередко морозы за двадцать градусов. Бывает, правда изредка, и под сорок.

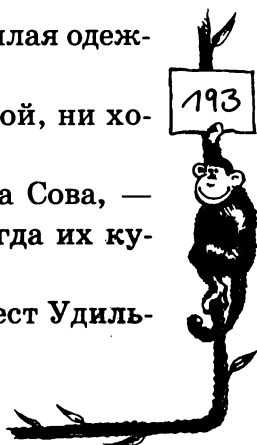
— На гусеничках, наверное, теплая одежда? — предположила Стрекоза.

— Вообще никакой — ни теплой, ни холодной.

— Известное дело, — ввернула Сова, — детишки-то страсть не любят, когда их кушают.

Замечание Совы вызвало протест Удильщика:

КОАПП, КОАПП!

— Ну, знаете ли, Сова... Противиться укутыванию — это еще можно понять, но провести всю зиму в чистом поле голышом...

— Да! — в голосе Кукурузного Мотылька зазвучала гордость. — Чтобы выдержать такое испытание, нужно проявить твердость, и в этом отношении я своими детьми доволен: они затвердевают настолько, что, если постучать по ним, звенят, как стеклянные — хоть подвески делай для люстры!

Рак выслушал эту реплику с большим сомнением:

— А потом? Что с ними происходит, когда приходит тепло?

— Они оживают! Я сам через это прошел, когда был гусеницей. В ту зиму стояли небывалые холода, и вода в моем теле стала твердой. А весной я ожил, как ни в чем не бывало!

— Вы слышали, дорогой Кашалот? — затараторила Мартышка. — Выходит, рыба Далия зря нас запугивала — ничего страшного не произойдет, если при замораживании вода в вашем теле превратится в лед!

Мотылек протестующе захлопал крылышками и вскричал:

— Ни в коем случае — это же верная гибель!

— Ничего не понимаю...
— обескураженно произнес Кашалот. — Вы ведь только что сказали, что сами через это прошли.

— Я не говорил, что вода в моем теле превратилась в лед, я сказал, что она стала твердой, а это не одно и то же.

— Не улавливаю разницы... — вставил Удильщик.

— Попробую объяснить. Сам я понял это еще в детстве. Услышал как-то разговор родителей — речь шла о честности. Отец возмущался, что у всех гусениц кроме трех пар настоящих ножек есть и несколько пар ложных. “Сначала ложные ножки, — ворчал он, — потом ложные шаги... а я хочу, чтобы каждый шаг моих детей был кристально честным!” А мама тихо так ответила: “Тогда они не переживут первую же зиму. Пусть уж будут просто честными. И прошу тебя: пожалуйста, никогда больше не произноси этого ужасного слова — “кристально”. Я ее спросил: “Мама, а что в нем ужасного?” Оказалось, что при замораживании самое опасное — кристаллы льда: если вода в организме превратится в лед, его кристаллы разрывают клетки, и животное гибнет.

КОАПП, КОАПП!

— Значит, вся хитрость в том, — резюмировал Удильщик, — чтобы вода стала твердой, но без кристаллов?

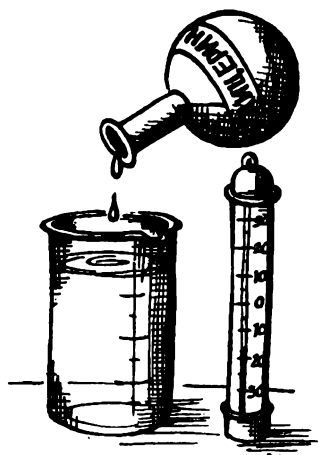
— Правильно — наподобие стекла: в стекле ведь тоже нет кристаллов, хотя оно и твердое. Кстати, про затвердевшую без кристаллов воду так и говорят: вода застекловалась.

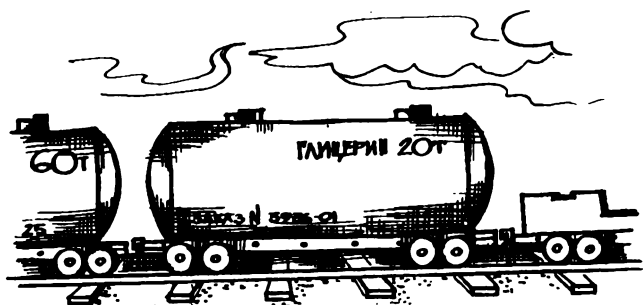
— Но как заставить ее застекловаться?!

Этот вопрос, который коапповцы задали хором, был не просто вопросом, а, можно сказать, криком души — ведь от ответа на него зависело, удастся ли заморозить Кашалота без риска для его драгоценной жизни...

— Элементарно, — сказал Мотылек. — Надо добавить в воду глицерин. Очень популярное

средство, его многие насекомые применяют — из тех, кому приходится переносить морозы: гусеницы, — и не только наши, — кое-кто из муравьев, личинки некоторых жуков, мух, ос... кстати, личинка одной осы — ее зовут Бракон Цефи — запасает к зиме столько глицерина, что он составляет четверть ее веса.

— Батюшки, — запричитала Сова, — сколько ж тогда нашему Кашалоту этого глицерину понадобится?

Гепард быстро подсчитал в уме и сообщил результат:

— Тонн двадцать, дорогая Сова.

— Но мой организм его не вырабатывает, — пожаловался Кашалот, — во всяком случае, в таком количестве...

— Одолжите у людей, — посоветовал Мотылек. — У нас прошел слух, что они иногда используют глицерин в качестве антифриза.

Стрекоза высказала было опасение, сумеют ли коапповцы вернуть такой огромный долг, но Мотылек успокоил:

— Об этом пусть у вас голова не болит: я поговорю со своими детьми — вместо того, чтобы разорять поля, пусть займутся настоящим делом! — и он удалился со словами: — Сейчас же лечу к ним!

— Спасибо! — закричали все ему вслед.

КОАПП, КОАПП!

Мартышка тут же заявила, что достать глицерин она попросит Человека. На ворчливое замечание Рака, что его, как назло нет, Удильщик заверил, что Человек непременно будет: он обещал привести на сегодняшнее заседание какого-то интересного гостя.

Удильщик еще не успел договорить, как на поляну — легок на помине! — вошел Человек, в руках у него была банка с водой, в которой кто-то плавал.

— Уже привел, Удильщик, — весело сообщил Человек, подходя. — Вернее, принес: вот он! — и Человек показал всем банку.

— Тритон! — воскликнула Мартышка, приглядевшись.

— Четырехпалый Тритон, с вашего позволения, — представился гость, вылезая из банки. — Или, если угодно, Сибирский Углозуб, ваш покорный слуга. Аншантё, господа, рад познакомиться!

Затем, подойдя к Мартышке со словами: — Мадемуазель, позвольте ручку-с... — гость встал на задние лапки и поцеловал ей руку.

Мартышка была на седьмом небе: ей целовали руку впервые в жизни!

Кашалот же поведением Углозуба был, мягко говоря, весьма озадачен и даже заподозрил, что гость, как говорится, того...

Однако когда он поделился своим опасением с Человеком, тот стал заверять, что Углозуб вполне нормален, только...

Но он не успел сообщить, что имел в виду под этим "только", так как Углозуб его перебил:

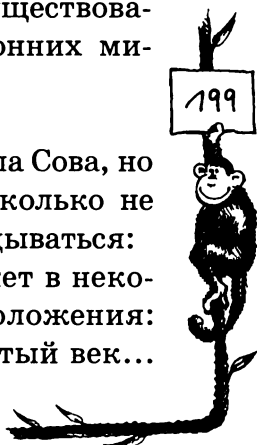
— Господа, я хочу задать вам деликатный вопрос, но... — тут он перешел на французский: — Же ву при... — однако видя, что никто не понял, тут же перевел: — прошу вас, не улыбайтесь, это слишком серьезно... Скажите, только откровенно, антр ну, между нами: допускаете ли вы существование оккультных сил и потусторонних миров?

Коапповцы переглянулись.

— Эх, темнота... — пробормотала Сова, но Углозуб ее услышал. Однако нисколько не обиделся — напротив, стал оправдываться:

— Сударыня, я отдаю себе отчет в некоторой двусмысленности своего положения: в наш просвещенный девятнадцатый век...

КОАПП, КОАПП!

— Что он говорит, что он говорит! — в смятении воскликнул Кашалот и на всякий случай отодвинулся.

— Я говорю, что в наш век разума нет места суевериям. Я сам не чужд наукам и не верю во всякую чертовщину — са ва де суа...

— Чего ты про меня сказал? — переспросила Сова.

— Са ва де суа, — повторил Углозуб четко и раздельно и тут же перевел:

— Само собой разумеется. И всё же, всё же... Вообразите, мадам, — со мной приключилась престранная история, и когда — в день моего бракосочетания! Свадьбу сыграли в очаровательном озере, в моем

поместье на Колыме — оно раскинулось в живописном уголке тундры. Ах, господа, что это за зрелище — свадьба тритонов! Невеста танцует на месте, извиваясь всем телом, жених плавает рядом кругами... А пропó — моя невеста, как и я, принадлежит к знатному, хотя и обедневшему роду Хинобиус, из древнего клана Хвостатых амфибий. А может, принадлежала?

— Вы что, не знаете, жива она или нет? — поразила Стрекоза.

Углозуб развел лапками:

— Господа, я в смятении... Просыпаюсь я через сутки, — и какое же потрясение ожидает меня. Юная Тритоночка, как две капли воды похожая на мою молодую жену, говорит мне: “Здравствуй, дорогой пра-пра-пра-прадедушка!” До сих пор не могу прийти в себя... Кес кё се, господа? Что это такое? Переселение душ? Повторяю: я в здравом уме и твердой памяти. Пока вы обдумываете услышанное, я посижу в тени вон той березки, — не выношу яркого света... — и он удалился.

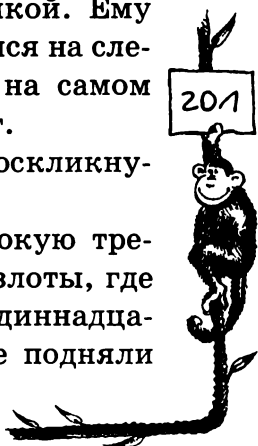
— Теперь моя очередь спросить, — обратился к Человеку председатель КОАППа: — Что это такое? Кес кё се? Что означает этот бред?

— Самое забавное, дорогой Кашалот, — сказал Человек, смеясь, — что это не бред: наш далеко не старый гость вполне мог встретиться со своей пра-пра-пра-правнучкой. Ему ведь только кажется, что он очнулся на следующий день после свадьбы, а на самом деле это произошло через сто лет.

— Через сто лет?! — хором воскликнули коапповцы.

— Да. Он провалился в глубокую трещину и попал в слой вечной мерзлоты, где и пролежал целое столетие на одиннадцатиметровой глубине, пока его не подняли

КОАПП, КОАПП!

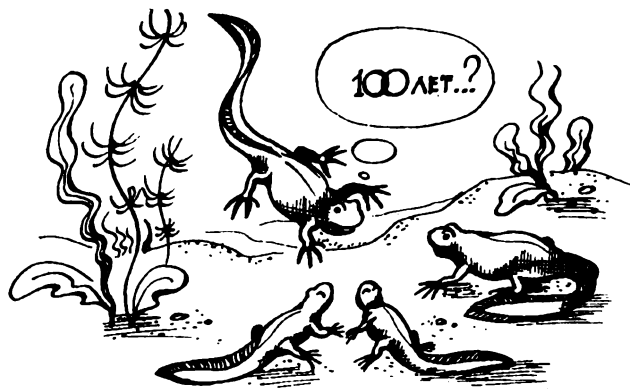

оттуда рабочие золотых приисков. Путешественника во времени доставили в Киев, и украинские ученые с помощью радиоуглеродного метода определили его возраст: около ста лет. А обычно сибирские углозубы живут не более пятнадцати, так что пока наш гость прохлаждался в своей расщелине, наверху сменилось по меньшей мере шесть поколений его сородичей.

— Подумаешь, — презрительно бросила Мартышка, — шесть поколений... За тысячу лет, пока наш Кашалот будет лежать в анабиозе, в океане сменится тридцать поколений его сородичей!

— Что-о? — Человек не смог скрыть изумление. — Я не ослышался? Вы собираетесь погрузить в анабиоз Кашалота?

— Его, родимого, его сердешного, — подтвердила Сова, — только для этого нужен глицерин.

— Всего двадцать тонн. — Удильщик написал это число в воздухе концом своей удочки. — Вы не могли бы их где-нибудь занять, дорогой Человек?

— Мы отдадим... — заверила Стрекоза.

— После того, как его наработают для нас гусеницы Кукурузного Мотылька, — дополнил Рак.

— Боюсь, что придется огорчить вас, друзья, — сказал Человек, — надежного и безопасного для жизни способа погружать в анабиоз теплокровных животных пока не существует — тут и глицерин не поможет. Даже с холоднокровными дело обстоит не так просто — если иметь в виду истинный анабиоз.

— А что, бывает и не истинный? — удивленно спросил Кашалот.

— Сколько угодно. За примером далеко ходить не надо — наш гость, Сибирский Углозуб: в продолжение всего столетия, которое он провел в вечной мерзлоте, жизнь в нем едва теплилась, но все-таки полностью не прекращалась. Мало того — какие-то жизненные процессы, хотя и в невероятно замедленном темпе, происходили даже

в гусеницах кукурузного мотылька, которых замечательный наш биолог Лозина-Лозинский охлаждал до минус восьмидесяти градусов. А вот у того, кто находится в состоянии истинного анабиоза, жизнь останавливается полностью, но при подходящих условиях может возобновиться, так что и мертвым его нельзя назвать.

— Он, так сказать, ни жив, ни мертв, — охарактеризовал это состояние Гепард.

— Очень точное определение, Гепард! — одобрил Человек.

— А знаете, — заявила Мартышка, — я даже рада, что Кашалот останется с нами: какой же КОАПП без нашего любимого председателя?

— Никакой! — убежденно воскликнул Кашалот. Он изо всех сил старался скрыть радость по поводу того, что может теперь, не теряя достоинства, отказаться от сомнительного путешествия во времени, но это ему плохо удавалось.

Однако Удильщик, автор идеи об отправке коапповского посланца в тридцатый век, вовсе не собирался от нее отказываться. Но теперь, с уче-

том новых данных, он предложил направить в будущее того, кто способен впасть в истинный анабиоз, и поинтересовался у Человека, есть ли у него подходящая кандидатура. Ответ был положительным.

— Только мой вам совет, — добавил Человек, — не связывайтесь с холодом. Тысячу лет поддерживать температуру вблизи абсолютно нуля, — а именно такая температура требуется для истинного анабиоза, — необычайно хлопотно! Гораздо проще погрузить посланца в это состояние с помощью не замораживания, а...

— Высушите меня, пожалуйста! — перебил его тоненький голосок. Он как будто доносился из лужицы, возле которой стояла Мартышка, и она, конечно, не преминула в нее заглянуть.

— Ой, тут какое-то малюсенькое-премалюсенькое существо, похожее на миниатюрный желудь, — сообщила она коллегам.

— Высушите меня! — настойчиво повторил голосок.

— Говорите, мы вас слушаем, — сказал Кашалот.

Но голосок не унимался:

КОАПП, КОАПП!

— Я прошу не выслушать меня, а высушить.

— Высушить? — просьба показалась Кашалоту очень странной. — Зачем? Да, прежде всего скажите: кто вы?

И тут голосок неожиданно спел на опереточный мотив:

*Отвечу кратко —
Я — Коловратка,
Меня открыл Антоний Левенгук,
Но очень скоро
Возникли споры
Среди ученых всех наук!*

А затем Коловратка поведала удивительную историю своего племени:

— Кто такой Левенгук, надеюсь, объяснять не нужно — достаточно напомнить, что он первым увидел в микроскоп крошечные существа, о которых не подозревал до него ни один человек. И этими существами были мы, коловратки! Что тут началось! Все кинулись приоб-

ретать микроскопы и рассматривать нас — ученые и священники, врачи и музыканты, придворные дамы и даже короли... Это был оглушительный успех! Правда,

немножко скандальный, но скандал, как известно, лишь подогревает всеобщий интерес.

Обожавшая скандалы Мартышка немедленно потребовала, чтобы Коловратка

рассказала подробнее, и та охотно откликнулась на просьбу:

— Ну, вокруг коловраток, как я уже сказала, вернее спела, сразу возникли споры. У нас о том времени, — это было около трехсот лет назад, — хранятся семейные предания, и когда знакомишься с ними, просто диву даешься — о чем только не спорили. О том, например, есть ли у нас колеса, и если есть, то возвращаются они или нет.

— А на самом деле? — спросил Гепард.

Коловратка вместо ответа предложила ему взять лупу и посмотреть самому.

Последовав ее совету, Гепард увидел два диска, отороченных ресничками.

Когда Коловратка взмахнула ими, у него создалось полное впечатление, что это колеса с мелькающими спицами...

Вслед за Гепардом на Коловратку посмотрели в лупу и его коллеги — и тоже увидели “колеса”.

— Нам даже дали второе имя, — прокомментировала Коловратка, — “ротатории”, что по-латыни значит: “те, кто носят

КОАПП, КОАПП!

колеса". Это верно лишь в том смысле, что у артистов, — а я артистка, — жизнь на колесах, — и буквально, и фигурально. — И она стала напевать: "Колеса тоже не стоят, колеса"... затем продолжила: — А вообще-то на гастролях я предпочитаю летать: и быстрее, и никаких расходов.

— Летать — и никаких расходов?! — тут уж ей не поверил не только Рак, но она повторила:

— Абсолютно никаких! Поэтому я и вас прошу меня высушить — когда путешествуешь в высушенном виде, тебя подхватывает и переносит любой ветерок!

Это во-первых, а во-вторых, не надо думать о питании в дороге. Правда, и в обычном, невысушенном состоянии я, как и большинство артистов, привыкла довольствоваться малым: помашешь ресничками — получается маленький водоворотик, который втягивает ко мне в рот какого-нибудь зазевавшегося микробчика... — и Коловратка опять запела песню Шуберта из цикла "Прекрасная мельничиха":

*Прощай, хозяин дорогой,
Я в путь иду вслед за водой,
Всё следом, всё следом,
Всё следом, всё следом...*

— Между прочим, больше всего споров возникло как раз вокруг этой нашей способности сохраняться в высушенном виде сколько угодно времени. У меня есть сольный номер, где я читаю слова Левенгука, изумленного этим открытием: “Не должно ли нам казаться удивительным, что эти крохотные существа могут двадцать один месяц лежать сухими и всё же жить, и как только будут помещены в воду, начинают плавать”... И заключаю я этот монолог словами: “Так коловратки познакомили людей с анабиозом!”

— С анабиозом?! — чувства коапповцев в комментариях не нуждались.

— Значит, анабиоза можно добиться и высушиванием? — сделал вывод Удильщик, придя в себя после заявления Коловратки.

— Это я и хотел сказать, Удильщик, — подтвердил Человек, — но не успел.

— А кандидатура посланца, которую вы тоже не успели назвать — Коловратка? — уточнила Мартышка.

— Вы угадали.

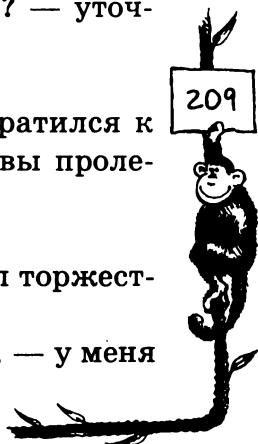
— Дорогая Коловратка, — обратился к ней Кашалот, — а способны ли вы пролежать сухой тысячу лет?

— Хоть десять тысяч!

Председатель КОАППа принял торжественный и официальный вид.

— В таком случае, — изрек он, — у меня

КОАПП, КОАПП!

есть для вас заманчивое предложение: отправиться на гастроли в будущее. Если вы согласны — подготовьте программу, в которой вы расскажете потомкам о первых шагах КОАППа, о том как жили и трудились его основатели.

Артистка поймала мысль Кашалота на лету:

— Если надо будет показать, как вам пришлось крутиться, то я сделаю это артистически, — заверила она. — Само мое имя говорит о том, что я всю жизнь кручусь волчком. Иначе не проживешь... Ну, а высушить меня совсем несложно, потому что из всех многоклеточных животных я самая малоклеточная: меньше тысячи клеток — девятьсот тридцать девять, если точно.

— Как ты живешь, бедолага? — почувствовала Сова.

— Выкручиваюсь как-то, экономлю, считаю каждую клеточку, комбинирую... Но ничего, я не жалуюсь, у меня есть всё, что нужно для нормального существования: мозг, нервы, рот, глотка, челюсти, желудок, два глаза — даже с

линзочками. Только на сердце клеток не хватило.

— Тем лучше, — заметил Гепард, — не так тяжело сохнуть.

— Да, а как же мы будем ее сушить? — спохватился Удильщик.

Все задумались, но спустя минуту Мартышку осенило:

— Мы ее высушим феном! Дорогой Человек, вы феномен?

— В каком смысле, Мартышка?

— “Мен” по-английски “человек”, — объяснила она, — значит, феномен — человек, у которого есть фен.

— В этом смысле моя жена — феномен, — сказал Человек.

Кашалот вздохнул с облегчением и обратился к нему:

— Если вам нетрудно, дорогой Человек, попросите вашу жену дать нам на время фен. Закрываю заседание КОАППа!

Так плодотворно и, главное, результативно прошло обсуждение мероприятий по подготовке к встрече славной годовщины со дня образования КОАППа.

ЗАСЕДАНИЕ.

ПОСТАВИВШЕЕ ПОД СОМНЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ, УТВЕРЖДАЮЩЕГО, ЧТО ОВКУСАХ НЕ СПОРЯТ, ПОСКОЛЬКУ ИМЕННО ВКУСОВЫЕ ПРИСТРАСТИЯ СВОИХ СОБРАТЬЕВ ВО ПРИРОДЕ И ДАНЕ СВОИ СОБСТВЕННЫЕ ПОСТАРАЛИСЬ, И НЕ БЕЗ УСПЕХА, ОСПОРИТЬ КОАППОВЦЫ, ПОДТВЕРДИВ ПРИ ЭТОМ ПРАВОТУ НЕ МЕНЕЕ ДРЕВНЕЙ МУДРОСТИ: В СПОРЕ РОЖДАЕТСЯ ИСТИНА...

ПОМИДОРНАЯ ДИЕТА

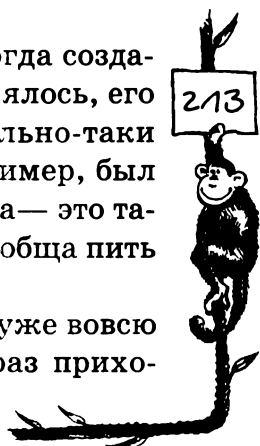
Этот день был богат событиями, которые надолго запомнились председателю, действительным членам и членам-корреспондентам КООППа, потому что заставили их испытать немало тревожных — как счастливых, так и тревожных. И трудно определить однозначно, какие из них преобладали...

И радостные, и горестные переживания были связаны с торжественным открытием первого не только в КООППе, но и во всём животном мире предприятия общественного питания (в дальнейшем для краткости будем употреблять аббревиатуру “ПОП”).

Надо сказать, что в период, когда создание КООППа только ещё замышлялось, его основатель имел о ПОПах довольно-таки смутное представление. Он, например, был убеждён, что общепитовская точка — это такое место, где желающие могут сообща пить “до точки”...

В дальнейшем, когда КООПП уже всюду функционировал, Кашалоту не раз прихо-

КООПП, КООПП!

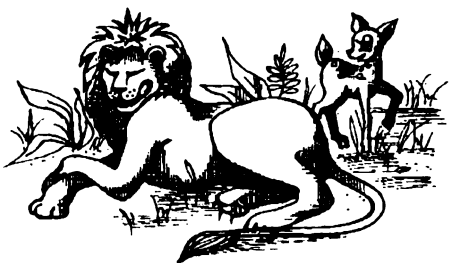
дила в голову мысль, что неплохо бы оборудовать на Большой Коапповской Поляне некое заведение, где посетители, да и сами хозяева поляны, могли бы перекусить. Но до воплощения этой идеи у него всё как-то не доходили лапы — быть может, потому, что особой необходимости в подобном заведении ни коапповцы, ни их гости, по правде говоря, не ощущали...

В самом деле, посетители, принадлежащие к растительноядным, почувствовав голод, имели полную возможность в любую минуту утолить его в изобилии растущими на поляне и в окружающем лесу травами, листьями деревьев и кустарников, их ветками и корой, ягодами, плодами и орехами, а в озере — подводными растениями и прибрежным тростником.

И в лесу, и на поляне полно было грибов, а местные пчёлы по первой же просьбе охотно делились мёдом...

С плотоядными тем более не было никаких проблем: они привыкли по долгу обходиться без пищи — сама жизнь, протекав-

шая по принципу “то густо, то пусто”, их к этому приучила, так что в течение нескольких часов, проведённых в КОАППе без обеда, никаких мук голода они не испытывали. Что же касается коапповцев, то большинство их — Кашалот, Сова, Стрекоза, Гепард, Удильщик и птица-Секретарь, — плотоядные, и сказанное выше об этой категории животных полностью относится и к ним; Рак, хотя и не откажется при случае от скоромного, вполне может ограничиться водной растительностью; Мартышка с удовольствием уплетает плоды, орехи и прочие дары леса; Человек же приносит с собой бутерброды, и если заседание затягивается, у него есть чем “заморить червячка”...

Правда, познакомившись на одном из первых заседаний с Землеройкой, председатель обнаружил, что на свете имеются и существа, которым, чтобы выжить, необходимо есть почти непрерывно. Однако и тут был найден простейший выход: для подобных посетителей в холодильнике всегда

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАППИ

держали молоко, творог и икру тех рыб, которые выметывают её в несметных количествах (что никак нельзя рассматривать как нарушение действующего на территории КОАППа запрета на съедение живых существ — к такому выводу пришли коапповцы, специально обсудив этот деликатный вопрос: во-первых, икринка — еще не живое существо, во-вторых, если бы из всех таких икринок выклёвывались мальки, да еще и вырастали, становясь взрослыми рыбами, это привело бы к экологической катастрофе).

Почему же Кашалот, даже убедившись, что никакой насущной потребности в собственном пищеблоке руководимое им учреждение не имеет, продолжал тем не менее лелеять мечту о ПОПе в КОАППе? Потому, что, изучив опыт людей, он ясно понял: любые деловые вопросы ре-

шаются гораздо быстрее и успешнее при затрапезных переговорах, то есть если переговоры проходят за трапезой, ибо давно замечено, что в неофициальной, непринуждённой атмосфере дружеского

застолья партнёры по переговорам становятся значительно покладистее. Кроме того, в ПОПе очень удобно проводить различные мероприятия, сближающие сотрудников — например, устраивать банкеты и

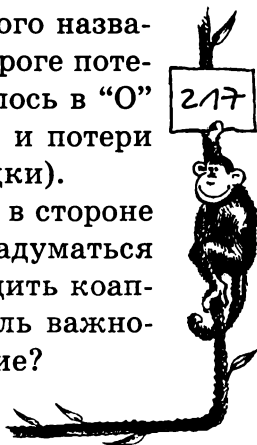

различного рода чествования. Наконец, это идеальное место для демократичного общения с рядовыми гражданами...

Решающим толчком для реализации этих замыслов послужило известие о том, что у людей началась кампания по развитию кооперативного движения. Новость взволновала председателя КОАППа и его коллег — ведь, по их глубокому убеждению, само слово “кооперация” произошло от сокращенного названия их учреждения, просто по дороге потерялось одно “П” и “А” превратилось в “О” (подобные превращения гласных и потери согласных в языке, кстати, нередки).

Могли ли коапповцы остаться в стороне от этой кампании, могли ли не задуматься о том, что бы такое срочно учредить кооперативное — вернув заодно столь важному слову первоначальное звучание?

КОАПП, КОАПП!

Так родился план организации при КОАППе кооперативного предприятия общественного питания. Но какого именно? Ведь их множество разновидностей: буфет, столовая, ресторан, закусочная, бистро, трактир, кабак, забегаловка, пиццерия, пирожковая, чайная, пивная, пельменная, сосисочная, бутербродная, шашлычная, чебуречная, фабрика-кухня, кулинария, кафе...

Решено было остановить выбор на кафе как наиболее нейтральном — в смысле, наименее, так сказать, пахнущем мясом и мясопродуктами (по этой причине, видимо, и возможны такие словосочетания, как кафе-кондитерская и кафе-мороженое). Ведь в силу запрета на съедение живых существ меню должно состоять из блюд исключительно вегетарианских...

Здесь следует коснуться щекотливого и, можно сказать, драматического вопроса, который встал перед организаторами кафе с самого начала: как быть с хищниками? Как отнесутся они к такому меню?

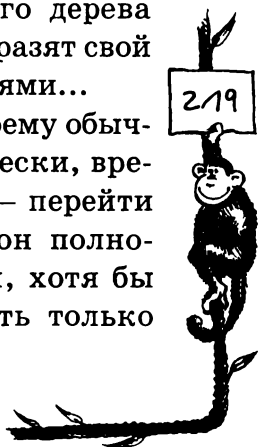
Вся надежда была на поставленную должным образом разъяснительную работу. Некоторый оптимизм — правда, довольно слабый, — внушали полученные приватным образом сведения о кое-каких не совсем обычных пристрастиях отдельных представителей хищного племени... О том, например, что волки наве-

дываются на бахчи, чтобы отведать арбуза, лисы уплетают за обе щёки не только виноград (на что недвусмысленно намекает басня), но и бруснику, эту же ягоду обожают соболи, кошки с удовольствием едят перья дикого лука, листья пырея, а уж если отыщут валериану, съедают ее целиком, вместе с корнем, за что в некоторых странах это растение прозвали кошачьей травой... Тигры в Малайских джунглях — кто бы мог подумать! — совершают дальние переходы, чтобы полакомиться большущими, килограммов до пяти, плодами экзотического дерева дуриана... Белые медведи разнообразят свой тюлене-рыбный рацион водорослями...

Но одно дело — “изменять” своему обычному мясному рациону эпизодически, время от времени, и совсем другое — перейти на растительно-молочный рацион полностью. Удастся ли этого добиться, хотя бы в кафе КОАППа, могла показать только практика...

КОАПП, КОАПП!

И вот настал день, когда состоялось его торжественное открытие. По предложению Удильщика, единодушно поддержанному всеми его коллегами, кафе назвали: “У Кашалота”. Он и перекусил натянутую перед входом ленточку, после чего собравшиеся на открытие животные проследовали в кафе и расселись по столикам, сделанным из пней. Каждый пенёк был срезан горизонтально, поверхность среза отполировали и покрыли прозрачным лаком, чтобы видна была текстура. А что может быть красивее натуральной текстуры дерева, этого изумительного рисунка, созданного самым искусным художником — Природой! На каждом пне-столике стояли цветы и лежало красочно оформленное меню. Четвероногие, пернатые и прочие гости погрузились в его изучение...

Тем временем Кашалот занял свое обычное место за председательским пнем, на котором рядом с табличкой “Председатель **КОАППа**” появилась еще одна: “Директор Кафе”. Он, естественно, тотчас обратился к гостям с прочувствованной речью, которая, однако, по независящим от Кашалота обстоятельствам, оказалась на удивление краткой.

Вот что он успел сказать:

— Друзья мои! Только что на ваших глазах и при вашем непосредственном участии произошло событие, которого с одинаковым не-

терпением ждали как окрестное население, так и обитатели самых отдаленных уголков Земли...

— И океана, дорогой Кашалот, — подхватил Удильщик, — даже в

океанской глубинке, где я живу, мне буквально проходу не давали: “Когда же, наконец, откроется ваше кооперативное кафе?” И вот свершилось: оно функционирует!

— Иначе и быть не могло! — воскликнул Кашалот. — Имели ли мы моральное право не откликнуться на...

Но на что коапповцы не имели морального права не откликнуться, Кашалот договорить не успел, так как его заглушило радио. Мартышка, которая должна была выключить или хотя бы приглушить его на время речи своего обожаемого председателя, забыла это сделать, и оно зазвучало в полную силу. Однако в итоге получилось очень удачно: радио, перебив Кашалота, начало передавать, — бывают же такие совпадения! — рекламу коапповского кафе, заказанную накануне как раз самим Кашалотом!

— Уважаемые звери, птицы, рыбы, насекомые, моллюски... словом, все-все оби-

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАП!

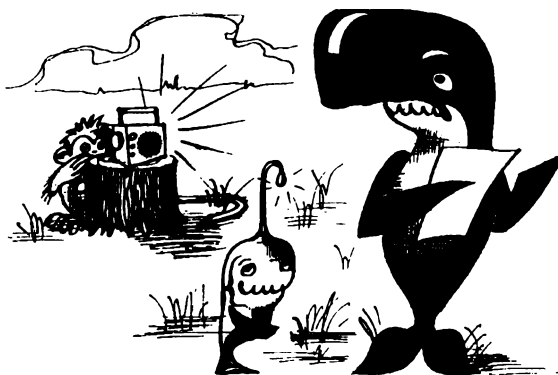
татели нашей чудесной планеты! — произнес на фоне музыки приятный женский голос. — С радостью сообщаем вам, что на поляне КОАППа открылось кафе “У Кашалота”. Здесь в уютной обстановке и, что не менее важно, в полной безопасности вы сможете не только вкусно и сытно поесть, но и приятно провести время, а также отпраздновать День рождения, встретить Новый год, отметить юбилей, сыграть свадьбу...

Женский голос сменился мужским:

— Заказать столик или банкетную лужайку можно лично либо по телефону: коммутатор КОАППа, добавочный семь-сорок.

Прозвучал популярный танец “Семь-сорок”, — видимо, для того, чтобы этот номер лучше запомнился, — и под его звуки оба голоса сказали в унисон:

— Приятного аппетита!

— С удовольствием присоединяюсь к этому пожеланию! — вторил радиоголосам Гепард и повернулся к Кашалоту: — Теперь, наш красноречивейший из председателей, мы жаждем услышать продолжение вашей вдохновенной речи.

— Она стала излишней, — отвечал председатель, — к сказанному по радио мне добавить нечего.

— Тогда давайте споём для наших гостей, — предложил Удильщик. — Я тут набросал песенку — надеюсь, она прибавит им аппетита...

Он роздал текст и ноты, и все коапповцы, включая Кашалота, запели, а Удильщик дирижировал удочкой:

*Все, кто живёт в лесах, полях, болотах,
В пустыне, в тундре, в глубине морей,*

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАП!

*Услышав про кафе "У Кашалота",
Мечтают посетить его скорей...*

*За столиками нашими из пней
Они сидеть готовы много дней
И поглощать десятки раз на дню
Все блюда нашего обширного меню!*

Сидевшие за столиками зааплодировали. Гепард сбегал к птице-Секретарю — ему не терпелось узнать, заказывают ли столики. У птицы-Секретаря непрерывно звонил телефон — очевидно, радиореклама сделала свое дело. Не отрываясь от трубки, секретарь **КОАППа** указала Гепарду на толстый журнал, где она фиксировала заказы. Гепард глянул, ахнул и побежал обратно к коллегам с приятной вестью: кафе только-только открылось, а в него уже не так-то просто попасть — столики заказаны на месяц вперед!

Все, кроме Совы, стали выражать по этому поводу вполне естественную радость. Сова же молвила задумчиво:

— Так-то оно так, да только... — и замолкла.

— Что "только", уважаемая Сова? — подбодрил ее заинтригованный Кашалот. — Договаривайте, не смущайтесь.

Сова кивнула и досказала свою оборванную на полуслове реплику:

— ...Только иной не чаёт, как попасть, да не кладет ни крошки в пасть.

На вопрос, высказывает ли она общие соображения или имеет в виду кого-нибудь конкретно, Сова протянула крыло:

— Да хошь бы во-он того посетителя.

Все взглянули в указанном Со-
вой направлении и увидели Бело-
го Медведя. За
столиком он был

один. Вальяжно развалившись на сидении, гость из Арктики водил лапой по меню и о чем-то спрашивал Стрекозу, которая неподвижно зависла над столиком с маленьким блокнотиком в лапках, очевидно, ожидая, когда посетитель сделает заказ. Она что-то вежливо ему отвечала, но вид у нее был унылый...

— Я давно уж заметила: Мартышка, почитай, без малого дюжину столиков обслужить успела, а этот всё никак блюдо по вкусу выбрать не может.

— Зато как разительно отличается стиль обслуживания в нашем кафе от порядков,

КОАП, КОАП!

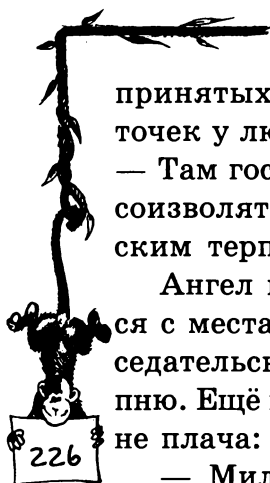
принятых в большинстве общепитовских точек у людей! — гордо заявил Удильщик. — Там гости ждут до одурения, пока у них соизволят принять заказ, а у нас с ангельским терпением заказа ждет официантка!

Ангел в облике Стрекозы вдруг сорвался с места и стремительно полетел к председательскому, а теперь и директорскому пню. Ещё издали Стрекоза прокричала, едва не плача:

— Милый Кашалот, я больше не могу — этот косолапый мучитель доведет меня до истерики!

— А в чем дело, Стрекоза? Только сначала успокойтесь...

Председатель КОАППа, заранее готовясь к посту директора кафе, хорошо изучил обязанности занимающего эту многотрудную должность. Главная из них, как он выяснил, состояла в том, чтобы разрешать к обоюдному удовольствию конфликты между официантами и посетителями — в тех случаях, конечно, когда это не удастся сделать метрдотелю. В данном случае он решил сразу заняться этим сам, так как метрдотель, — в этой должности пребывал Рак, — был очень занят: он ползал от столика к столику и по просьбе сидящих за ними гостей вручал им для очередной записи “Книгу отзывов и предложений”. Спрос на нее, надо заметить, был большой...

— Ну что, успокоились? — обратился к Стрекозе Кашалот, дав ей на это некоторое время. Сам он сохранял приличествующую директору невозмутимость.

— Успокоиться?! — голос её дрожал. — Легко сказать! Я его обслужила по высшему разряду: встретила у входа, проводила к столу, усадила, вручила меню, подождала, пока он прочтет... “Что желаете заказать?” — спрашиваю. — “Тюленью вырезку по-арктически. Ничего, что ее нет в меню?”

— А вы предупредили его, — поинтересовался Гепард, — что в нашем кафе только растительные и молочные блюда... ну, ещё мёд?

— Разумеется, предупредила и тактично объяснила причину.

— Ему еще нужно что-то объяснять! — возмутился Удильщик.

КОАПП, КОАПП!

— Сам должен понимать, чай, не слепой, — поддержала его Сова. — Таблички-то у нас всюду развешаны...

Здесь необходимо, прервав Сову, дать небольшое разъяснение. Когда коапповцы водрузили у входа на свою поляну уникальную, единственную в своем роде вывеску, на которой ни словом не упоминалось о КОАППе, зато красовался пламенный призыв “Люби меня, как я тебя!”, они сочли излишними установленные повсеместно на поляне, в лесу и в озере таблички, запрещающие на коапповской территории кусать и съедать друг друга. Однако вскоре Мартышка сообразила, что многие посетители вполне могут воспринять призыв любить ближнего совсем не в том смысле, какой вкладывали в него коапповцы — ведь понятие “любовь” исключительно многопланово и необъятно, оно допускает множество толкований...

Чтобы наглядно показать Кашалоту, насколько обоснованы ее опасения, Мартышка задала ему провокационный вопрос: любит ли он кальмаров.

— Обожаю! — был ответ.

После чего председатель сам имел мужество признать, что поторопился с распоряжением убрать таблички — в них запрет на съедение ближнего выражен прямо и недвусмысленно. Таблички вернулись на прежние места...

Теперь можно вернуться к прерванной реплике Совы:

— Растолковала ты ему, стало быть, причину, — обратилась она к Стрекозе, — а он что?

— Выслушал, кивнул и говорит: “Ну, тогда принесите филе трески”. Всё понял, называется! — Стрекоза даже содрогнулась, вспоминая

свой разговор с Белым Медведем. Она картинно воздела крылья к небу и пропищала со всей страстью, на какую была способна:

— Милый Кашалот, умоляю — пусть заказ у Белого Медведя примет кто-нибудь другой! У меня нервы не выдерживают — видите, уже появился нервный тик...

И действительно, голова у нее начала как-то странно дергаться. В этот момент Белый Медведь оторвался от созерцания меня, которое он продолжал изучать с пристрастием, и ласково позвал:

— Официанточка! Стрекозка! Упорхнула куда-то... Заказ-то приняла, или как?

Стрекоза в ужасе спряталась за председательско-директорский пенёк...

Кашалот, сопровождаемый коапповца-

ми, решительно направился к любителю тюленьей вырезки и трескового филе, а подойдя к его столику, оповестил:

— Заказ у вас приму лично я, Кашалот, — председатель КОАППа и по совместительству директор кафе.

Белый Медведь даже привстал. На физиономии его появилось блаженное выражение...

— Ух ты! Ну прям... Рассказать кому — не поверят: сам Кашалот принесет мне филе трески!

Голос директора кафе был доброжелателен, но в то же время тверд и исполнен достоинства:

— Вынужден вас разочаровать, Белый Медведь. Видите вон ту табличку? Прочтите, пожалуйста, вслух, что на ней написано.

Белый Медведь охотно прочел этот текст зычным голосом. Весь его вид говорил о том, что выполнить просьбу самого Кашалота ему доставляет огромное удовольствие:

— “На территории КОАППа и его окрестностей кусать и съедать друг друга категорически запрещается!”

Свое отношение к прочитанному он выразил замечанием:

— Всё правильно. Должно же быть на свете хоть одно такое место?

— Но увы, — попытался вразумить его Гепард, — в этом благословенном месте о филе и прочих лакомых кусочках придется забыть...

— Понятно, — сказал Белый Медведь. — Значит, филе у вас тоже нет. Ладно, я не в обиде — первый день работы, трудности начального периода... Сочувствую. Ну, на нет и суда нет — принесите тогда всю рыбину целиком, я сам ее разделаю.

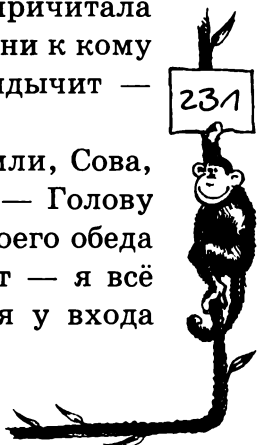
Кашалот застонал, как от зубной боли, но тут же взял себя в ласты и стал считать про себя: он где-то слышал, что счет помогает обрести душевное равновесие.

— Что ты будешь с им делать, а?
— запричитала Сова, ни к кому

не обращаясь. — Знай, свое талдычит — хошь кол ему на голове теши.

— О, хорошо, что вы напомнили, Сова, — спохватился Белый Медведь. — Голову рыбью, ну и всё прочее, что от моего обеда останется, пусть не выбрасывают — я всё это потом Песцу отдам, он меня у входа дожидается...

КОАПП, КОАПП!

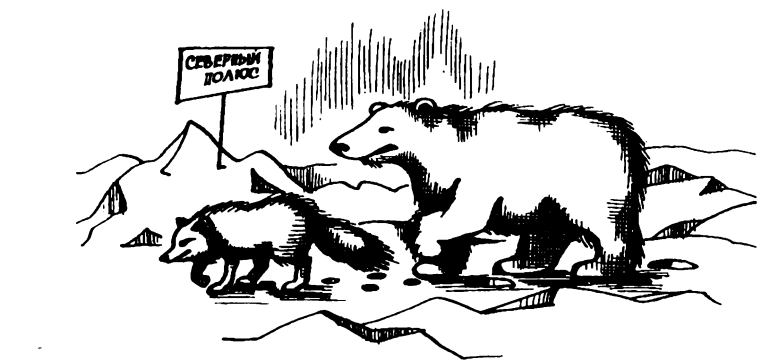

И действительно — издали, от входа на поляну, донесся лай Песца.

— Да не забыл я, не бойся! — крикнул Белый Медведь в ту сторону и, повернувшись к коапповцам, пояснил: — Как о нём забудешь? Верный спутник. В путешествиях по Арктике меня сопровождает, одиночество мое скрашивает. У них, у песцов, это в обычае — белых медведей повсюду сопровождать. Бывает, до Северного полюса вместе с нами доходят! Во турпоход, а? — бездна удовольствия плюс бесплатное довольствие...

— Под которым, очевидно, подразумеваются остатки с вашего, так сказать, стола? — ввернул Гепард.

— А что — остатки сладки. Ничего зазорного для песцов тут нет, наоборот — почетно! Без них и таких, как они, вся Арктика оказалась бы заваленной объедками. Правда, то, что

оставляют после себя в наших краях люди, даже таким непривередливым едокам, как песцы, не по зубам и не по желудкам... Да что песцы — такую дрянь, как пластиковые пакеты, например, даже микробы не едят — отворачиваются... — и он запел, аккомпанируя себе на гитаре:

*Плывут среди льдов пароходы
Курсом норд-ост и зюйд-вест,
На льду оставляя такие отходы,
Каких и голодный не ест,
И в море бросая такие отходы,
Какие никто там не съест...*

Вот чему, по-вашему, людям следует прежде всего у Природы поучиться? Я считаю, — тому, как делать все отходы съедобными! Неважно, для кого — для песцов, птенцов, рыб тунцов, жуков плавунцов, для рачков, червячков, паучков — главное, чтоб на любые отходы нашлись желающие и съели их без остатка. Об этом и песня есть, называется “Отходная”... да вы ее наверняка знаете... — и он снова запел под гитару:

*У Природы нет плохих отходов,
Всякие отходы благодать!
Их зверью в любое время года
Надо благодарно принимать...*

— Ну, что ж вы — подпевайте! Да, а чего вы стоите? — Белый Медведь сделал радуш-

КОАПП, КОАПП!

ный приглашающий жест. — Подсаживайтесь! Споем, потравим о том, о сем, а там, глядишь, и рыбку принесут, — вместе и перекусим...

У Кашалота начался нервный тик — стала подергиваться нижняя челюсть.

— У... у... уйдемте отсюда поскорее, — с трудом, запинаясь, проговорил он вполголоса, — иначе отходную придется петь мне...

По дороге обратно, к директорскому пню, Удильщик попытался утешить потерпевшего полное фиаско председателя, заверяя его, что такого твердолобого типа, как Белый Медведь, не сумел бы прошибить даже самый выдающийся психолог.

— Всем этим хищникам, что собрались здесь сегодня, психиатр нужен, а не психолог, — проворчал, подползая Рак. В клешнях он держал “Книгу отзывов и предложений”, уже изрядно потрепанную.

— Никак им не растолкуешь, что свои плотоядные замашки лучше оставить у входа. Главное, еще и претензии предъявляют! Такого тут понаписали... Прямо не знаю, что и делать: не выдавать “Книгу” не имеем права, выдавать — с такими записями могут запрос-

то лишить лицензии... Вот, полюбуйте! — и Рак протянул коллегам “Книгу отзывов и предложений”.

Коапповцы стали листать её и читать вслух записи. Первый отзыв был такой:

Ваш перечень блюд изучал свыше часа.

Весьма озадачен: ни рыбы, ни мяса.

Под этим опусом стояла подпись: **Морской Леопард.**

— Личность известная, — сказал Кашалот. — Хищный тюлень из Антарктики, гроза рыб, пингвинов и даже своих сородичей, мирных тюленей.

Следующая запись принадлежала перу, точнее, перьям (в буквальном смысле, если они писали собственными перьями) двух ястребов: Тетеревятника и Перепелятника:

Тот, кто вашу харчевню курирует,

Явно нас, ястребов, игнорирует.

Сову очень возмутило слово “харчевня”.

— Слыхали, как заведение-то наше называют? Да и прочие слова, небось, ругательные — мудрёные все какие-то, ничего не понять.

Гепарду же, напротив, всё было предельно ясно. Он объяснил Сове, что “игнориру-

КОАПП, КОАПП!

вать” значит “умышленно не замечать, не принимать во внимание”, что же касается другого мудрёного слова, то авторы записи явно имеют в виду, что в меню кафе отсутствуют куры: очевидно, ястребы убеждены, что слово “курировать” означает “снабжать курами” и другими представителями отряда куриных — тетеревами, перепелами, фазанами, куропатками...

Удильщика, конечно, заинтересовал отзыв “одноклассника”, то есть представителя одного с ним класса рыб.

— Взгляните-ка, — показал он его всем по очереди, начиная, естественно, со своего любимого председателя, — вот автограф, за которым так и видится хищный оскал!

Текст гласил:

Спасибо за “шикарное” меню.

Я рацион свой им не заменю!

Под отзывом вместо подписи был оттиск зубов — явно акульих.

Еще одна подпись, прочитанная вслух Стрекозой, звучала так:

Меню листали мы со смехом и слезами...

Благодарим покорно — ешьте сами!

Запись эта была не то чтобы анонимной — подпись стояла, но какая-то расплывчатая: “Группа возмущенных зоофагов”.

Гепарду, как наиболее эрудированному из коапповцев, снова пришлось объяснять, и на этот раз не только Сове, что зоофаги — это те, кто питается животной пищей — в отличие от фитофагов, предпочитающих пищу растительную.

Кашалот немедленно воспользовался услышанными научными терминами, чтобы сформулировать для своих сотрудников ближайшие цели их работы на научной основе.

— Все мы, работники нашего кафе, от директора до посудомоек... — начал он, но Стрекоза напомнила, что посудомоек в кафе нет, их не включили даже в штатное расписание:

— Мы ведь рассчитывали, милый Кашалот, что мыть посуду не потребуется, потому что посетители вылижут ее до блеска.

КОАПП, КОАПП!

— Гости-вегетарианцы так и делают, — сообщил Рак. — Ну а хищники, как вы уже знаете, ничего не заказали.

— Так вот, все мы, от директора кафе до официанток, — начал снова Кашалот, — кровно заинтересованы в том, чтобы подобные записи — он потряс “Книгой отзывов и предложений” — остались лишь достоянием коапповской истории, которая, как известно, состоит не только из светлых страниц. А этого можно добиться единственным способом: трансформировать отпетых зоофагов в убежденных фитофагов! Такова наша первоочередная задача на текущий период, — задача, не скрою, архисложная!

Гепард, выразив искреннее восхищение ясностью и точностью формулировки и даже поаплодировав ей, счел полезным закрепить основную мысль в памяти слушателей с помощью тут же сочиненной песенки, которую он исполнил — опять-таки для лучшей запоминаемости — на известный “лагерный” мотив:

*Задача для волшебников и магов —
Чтоб зоофаги, посетив кафе,*

*Мгновенно превратились в фитофагов
И, закусив, нам не сказали "фе"...*

Однако Удильщик, дослушав песенку, твердо заявил, что мгновенно не получится, ибо такое и магам не под силу! Для вящей убедительности он предложил коапповцам-зоофагам

вообразить, что они сами внезапно, без какой-либо психологической подготовки, превратились в фитофагов..

Отказаться от этого тяжкого испытания никто не решился из-за боязни быть обвиненным в малодушии.

Гепард пусть и с величайшим трудом, но всё же заставил себя нарисовать в воображении жуткую картину: вместо эскалопа из антилопы и прочих вкусных вещей он ест, преодолевая отвращение, рагу из овощей. Его передернуло...

Сова стала мысленно глотать вместо мыши кашу, а вместо жирной полевки — постную похлебку. По страдальческому выражению ее лица было видно, чего это ей стоило...

Стрекоза представила, как вместо мух жует мох, и несказанно удивилась, что замена одной-единственной буквы делает

КОАПП, КОАПП!

полноценную пищу совершенно несъедобной...

Птице-Секретарю очень явственно привидилось, как совсем рядом, на расстоянии вытянутой лапки застыли, словно дразнясь, аппетитные пресмыкающиеся — ящерица и змея. Секретарь КОАППа уже изготовилась схватить правой лапкой одну, а левой другую, как вдруг некий трубный глас прогремел повелительно откуда-то сверху:

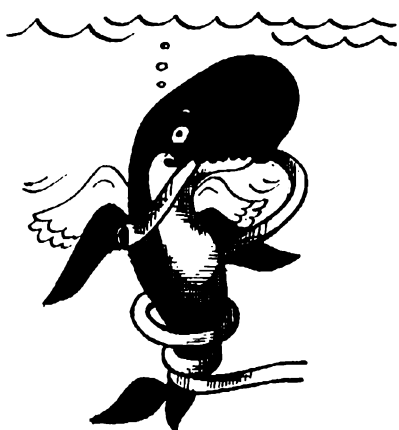
*Ящериц и змей
Трогать ты не смей!*

Она в ужасе отпрянула — и наткнулась на куст, который, изогнув ветви, стал настойчиво совать ей в клюв какие-то зеленые стручки. “Ко-апп!” — жалобно крикнула птица-Секретарь, но никто её не услышал, — все были поглощены своими переживаниями. В том числе и председатель...

Кашалот внутренним взором как бы увидел себя со стороны. Вот он нырнул на двухкилометровую глубину и в царящем там вечном мраке нащупал лучом своего ультразвукового гидролокатора что-то длинное, круглое, змеящееся по дну и очень похожее на щупальце

гигантского кальмара. Но он знает, что это не щупальце и даже не подводный кабель, который иные его сородичи принимают порой за вожделенное щупальце — с роковыми для себя последствиями; ему известно, что это громад-

ная макаронина или спагетти, которую Кашалот во что бы то ни стало обязан скушать, дабы подать пример всем другим зоофагам. И он хватает ее и начинает заглатывать, а эта проклятая спагеттина какая-то бесконечная, она всё не кончается, и Кашалот

трясет ее, желая разорвать, и запутывается в ней, и не может всплыть на поверхность, чтобы вдохнуть новую порцию воздуха... Очнувшись, председатель замотал головой, стряхивая наваждение.

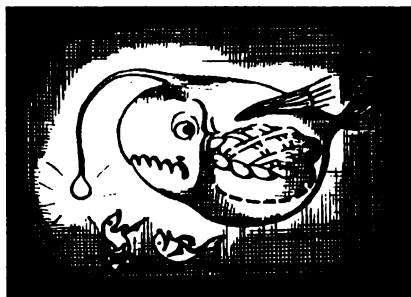
А как же сам инициатор этого жестокого эксперимента? Удильщик испытал не менее сильное потрясение. Ему пригрезилось, что он в своей глубинке закинул по обыкновению подальше удочку с фонариком на конце, а когда почувствовал, что кто-то плывет к световой приманке, стал подтягивать

КОАПП, КОАПП!

ее всё ближе к пасти. Приблизившееся почти вплотную и тянущееся к свету существо — то ли рыба, то ли креветка, в крошечной тьме не разобрать, а свет фонарика слишком слаб, чтобы разглядеть подробности. Для креветки, пожалуй, добыча великовата — возможно, это лангуст... Объект ловли вдвое больше Удильщика, но это его не смущает, ибо желудок у него — понятие растяжимое, как и глотка с пищеводом. И вот он делает молниеносный бросок — и добыча уже в его пасти... И вдруг он почувствовал, что у существа какой-то непривычный и притом отвратительный вкус! Однако выплюнуть его невозможно, поскольку зубы Удильщика направлены так, что назад добыче ходу нет — только вперед, в желудок. А в довершение всего проглоченное существо неожиданно начинает петь ужасно противным голосом и с явной издёвкой:

*Доказал ты всем, что есть
В море мужество и честь!
Побороть себя сумел —
Хоть давясь, но всё же съел
Ты не рыбу, не лангуста,*

*А пирог с морской капустой.
Ты и впредь, вот мой совет,
Пироги лови на свет!*

Прошло несколько минут, пока Удильщик, пребывавший в неподвижности с раскрытой пастью и застывшей на физиономии гримасой отвращения, сообразил, что все эти ужасные

ощущения — всего лишь плод самовнушения.

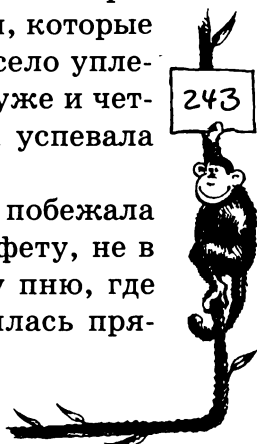
— Ну как, впечатляет? — обратился он к коллегам.

— Мда-а... что-то мы тут недоучли, — Кашалот задумчиво оглядел кафе, останавливая сочувственный взор на сидевших здесь и там с унылым видом зоофагах.

Они являли разительный контраст с фитофагами, которые оживленно переговаривались, весело уплетая кто второе, кто третье, а кто уже и четвертое блюдо — Мартышка едва успевала их обслуживать.

Приняв очередной заказ, она побежала на этот раз не на кухню, не к буфету, не в кладовку, а к председательскому пню, где собрались коапповцы, и направилась напрямиком к Стрекозе.

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАП!

— Вот это мне нравится! — напустилась на нее Мартышка. — Я сбилась с ног, а она тут прохлаждается! Держите заказ, а я передохну, — и она уселась на пенек.

— Лечу, лечу! — поспешно пропищала Стрекоза и полетела к столикам.

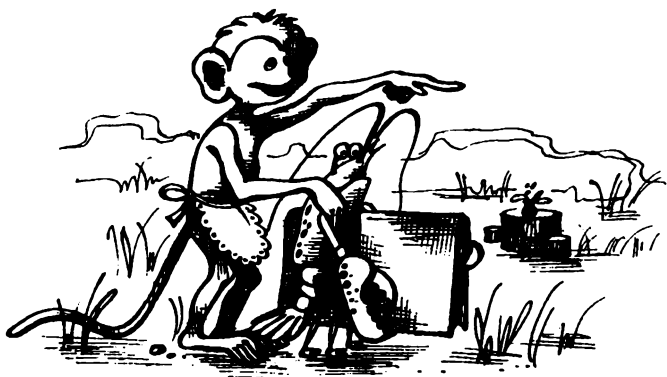
Мартышка повернулась к Раку:

— Вы тоже пожалуйста туда, с “Книгой отзывов” — не меньше десятка гостей хотят написать нам благодарность: вон за тем столиком, и слева от него, и через один... да они сами вас окликнут. Ползите скорее, пока они не раздумали...

Рак тотчас пополз к указанным столикам, прихватив упомянутую “Книгу”.

Тут Мартышка обратила внимание на удрученные физиономии коллег и встревоженно спросила:

— А что это у вас у всех такой похоронный вид?

— Хороним надежду заслужить благодарность и от плотоядных гостей, — отвечал Гепард. — Во всяком случае в ближайшее время. Особенно от хищников...

И он поведал Мартышке о мысленном эксперименте, которому самоотверженно подвергли себя коапповцы-зоофаги и который позволил им в полной мере прочувствовать, как говорится, на собственной шкуре, каково посетителям-мясоедам в одночасье ломать устоявшиеся тысячелетиями вкусовые пристрастия и привычки.

Мартышка всплеснула руками:

— Вы что, только сейчас это сообразили? Тоже мне, открыли Америку! А вот я давно предвидела, что мы столкнемся с подобной проблемой, еще до открытия кафе, и, кажется, кое-что придумала, мало того — предприняла некоторые шаги.

— Какие? — быстро спросил Кашалот, но Мартышка, прежде чем самой “раскрыть карты”, потребовала, чтобы сначала это сделали ее коллеги, поделившись своими идеями и планами.

Таковые оказались только у Удильщика. Его идея заключалась в том, что коль скоро моментальное перевоплощение зоо-

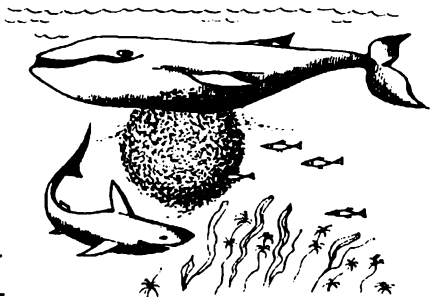

КОАПП, КОАПП!

фагов в фитофагов сталкивается с непреодолимыми трудностями, этот процесс надо растянуть во времени и проводить поэтапно, что сделает его значительно менее болезненным. А конкретный план касался реализации первого этапа: Удильщик предлагал оборудовать при кафе “У Кашалота” криль-бар. Собственно, вся работа по его оборудованию должна состоять лишь в том, что в коапповское озеро будет запущен криль. По глубочайшему убеждению Удильщика, криль — идеальная пища для переходного периода, то есть для периода перестройки из зоо- в фитофагов. Ведь, с одной стороны, это полноценная животная пища, на ней успешно откармливаются такие колоссы, как Синий Кит — самое большое животное, когда-либо существовавшее на нашей планете, достигающее в длину тридцати трёх метров и весящее свыше ста пятидесяти тонн; самая большая в мире рыба — Китовая Акула, — длиной до двадцати метров и весом до пятнадцати тонн; ее родственница Гигантская Акула — длиной до пятнадцати метров и весом до семи тонн... А с другой стороны, за крилем не охотятся — на заселенных им акваториях морские животные пасутся, словно копытные на полях, и это, по мнению Удильщика, позволяет психологически воспринимать криль как некое подобие пищи растительной. В качестве криль-

барменов Удильщик рекомендовал пригласить анчоусов из Калифорнийского залива: эти рыбы овладели редким искусством собирать криль, рассеянный на большой площади, в плотный шар. Между прочим, полакомиться крилем из этого шара специально приплывают даже такие закоренелые хищницы, как шестиметровые синие акулы, так что прецедент включения хищниками криля в свой рацион, можно считать создан!

Этот неординарный план был заслушан в молчании, в котором чувствовалось осуждение, но увлеченный своей идеей Удильщик ничего не замечал.

Молчание нарушила Сова, спросившая:

— Это что же за криль такой? Отродясь не слыхивала.

Удильщик пренебрежительно махнул удочкой:

— Да так, мелочь всякая. Кстати, по-голландски, слово “криль” и значит “мелочь”. Одним словом, мелкие рачки.

— Мелкие, стало быть, — повторила Сова, сверля Удильщика негодующим взглядом своих огромных глаз. — Ишь ты. Слава

КОАПП, КОАПП!

богу, Рак наш не слышал — рачки-то эти ему, чай, сродственники.

— Да их в океане триллионы! — небрежно бросил Удильщик. — Подумаешь, сотней тысяч больше, сотней тысяч меньше — никто и не заметит...

— А наши принципы? Плюнуть и растереть? — Мартышка для пущей наглядности в самом деле плюнула и растерла.

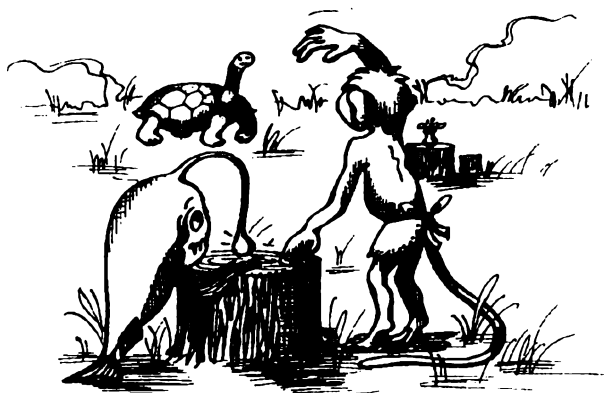
— Да что вы заладили: “принцип, принцип”... Ради благой цели принципом можно и поступиться, — упорствовал Удильщик. — Надо уметь идти на компромиссы!

— На компромиссы с совестью?! — загремел Кашалот. — Ну, Удильщик, от вас я этого никак не ожидал!

— А как же иначе можно решить нашу проблему, имея дело с хищниками? — не сдавался Удильщик.

— Я знаю, как решить, не поступаясь принципами! — твердо заявила Мартышка. — Хотя и не утверждаю, что это просто. Надо создать у хищников мощный стимул — настолько мощный, чтобы он пересилил даже их хищнические привычки. Так вот, если намеченное мною получится...

Оборвав себя на полуслове, она устремила взор ко входу на поляну и радостно воскликнула:

— Начало уже положено — она явилась! Признаться, я была в этом уверена не на все сто процентов...

Все посмотрели в ту же сторону и увидели величаво вползавшую на поляну огромную Черепаху.

— Галочка, ползите сюда! — крикнула ей Мартышка.

— Вот это Галочка! — Гепард даже присвистнул. — Сколько же она весит?

— Пустяки, — Мартышка засмеялась, — всего три центнера. Для Слоновой Черепахи не так уж и много — мужчины у них еще крупнее, правда, Галочка? Вы бы лучше спросили, сколько Галочке лет!

Черепаха застеснялась:

КОАПП, КОАПП!

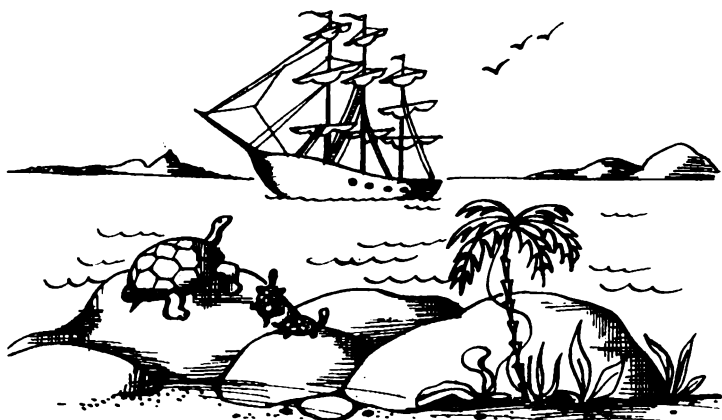

— Ну сто́ит ли заострять внимание...

— Сто́ит, сто́ит, — настаивала Мартышка, — хоть вы и дама, но здесь как раз тот случай, когда возраст нужно не скрывать, а наоборот — всячески рекламировать! И потом, интересно, как вы думаете обойти этот щекотливый момент в своих воспоминаниях о Дарвине? — и, наклонившись к самому уху Галочки, прошептала: — Я же обещала вам благодарных слушателей.

— Что-о?! — вскричал Кашалот. — Я не ослышался? Наша гостья встречалась с великим натуралистом Чарлзом Дарвиным?! Но ведь он...

— Он посетил наши Галапагосы в 1835 году, — подхватила Галочка, — во время своего знаменитого путешествия на корабле “Бигл”. Но знаменитым оно стало потом, и сам Дар-

вин тоже, а тогда это был очень молодой человек — веселый, я бы даже сказала, озорной — без малейшей чопорности...

— Всё, — тихо сказала Мартышка, — теперь она села на своего любимого конька — что нам и требуется!

— А встретились мы так, — продолжила Черепаха. — В то прекрасное свежее утро я, совсем еще юная, по сегодняшним моим понятиям, Галапаго...

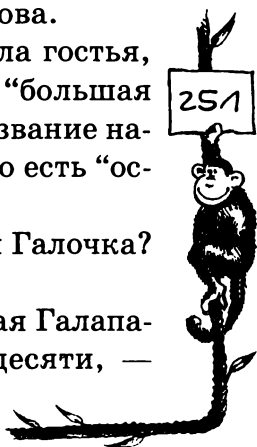
— Кто-кто? — переспросила Сова.

— Галапаго, — четко повторила гостя, — по-испански это слово значит “большая черепаха” — отсюда, кстати, и название наших островов: “Галапагосские”, то есть “острова Больших Черепаш”.

— Отсюда же, надо полагать, и Галочка? — вставил Гепард.

— Естественно. Так вот, я, юная Галапаго, — мне не было еще и пятидесяти, —

КОАПП, КОАПП!

вместе со своими многочисленными соседями направлялась, как обычно, к источнику... Вы никогда не видели этого зрелища — слоновые черепахи, ползущие на водопой? О, на это стоит посмотреть! Десятки, а в былые времена тысячи громадных панцирей, методично движущихся вверх по склону по широкой ровной тропе, утоптанной бесчисленными поколениями наших предков... И вот я ползу, и вдруг замечаю боковым зрением, что меня нагоняет какой-то человек. Я на всякий случай быстро втягиваю в панцирь голову и ноги — неизвестно ведь, чего от него можно ждать... Но всё равно страшно.

— Да что он мог сделать вам, окруженной прочнейшей броней? — удивился Удильщик.

— Что угодно. Мог перевернуть на спину — а перевернуться обратно без посторонней по-

мощи я уже не в состоянии. Мог позвать товарищей, чтобы сообща доставить меня на корабль и поместить в трюм — и тогда мне была бы уготована участь миллионов моих предшественниц, которых мореплаватели использовали в качестве живых консервов... Можно, конечно, утешаться мыслью, что благодаря нам, слоновым черепахам, в эпоху, когда еще не были изобретены консервы и холодильники, моряки могли отправляться в далёкие плавания без страха умереть голодной смертью, и, значит, во многих великих географических открытиях есть и наша лепта, но...

На этом месте Мартышка вынуждена была ее прервать и попросила не отвлекаться, напомнив:

— Вы остановились на том, что когда вас догнал незнакомец, вы быстро втянули в панцирь голову и ноги.

Галочка нисколько не обиделась и охотно вернулась к истории с Дарвиным:

— Панцирь, естественно, плюхнулся на землю. Молодой человек забрался на него и несколько раз постучал: тук-тук-тук. И так доверительно он стучал, столько в этом звуке ощущалось доброжелательности и участия, что я успокоилась, поднялась на ноги и поползла дальше. А незнакомец, проехав на моем щите несколько метров, спрыгнул, быстро пошел вперед и вскоре

КОАПП, КОАПП!

исчез с глаз. Каково же было мое изумление, когда много лет спустя в брошенной кем-то газете я увидела портрет выдающегося ученого Дарвина и узнала в нем того самого молодого незнакомца, которого когда-то прокатила на спине!

— И это всё? — спросил Удильщик.

— А тебе мало? — Сова укоризненно покачала головой. — Ну и привереда ты,

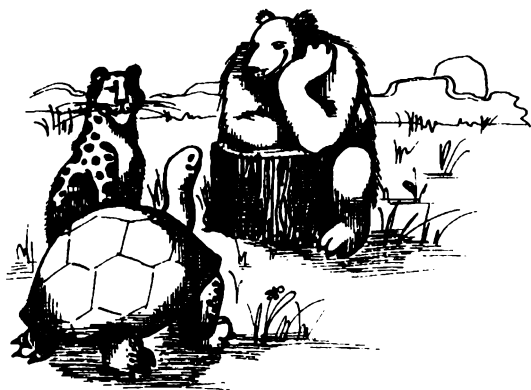
Удильщик, — не приведи господь.

— Действительно, — поддержал Гепард, — у людей, бывает, иные кормятся всю жизнь и даже делают карьеру на значительно более скромных воспоминаниях — уж во всяком случае без катания исторической личности на собственной спине.

Мартышка высказала надежду, что на Галочкиных воспоминаниях карьеру сделает коапповское кафе, а значит, и все коапповцы. Никто не понимал, какая тут связь, куда она клонит

и в чем состоит ее замысел, а Мартышка не торопилась его раскрывать — “чтоб не сглазить”, пояснила она — и поинтересовалась, нет ли среди посетителей-хищников какого-нибудь особенно бестолкового и упрямого — из тех, кому никак не удастся втолковать, что кафе “У Кашалота”...

— Чисто вегетарианское? — закончил за неё Кашалот. — Есть один такой, вон он сидит, — директор кафе указал на Белого Медведя и пожаловался: — Стрекозу довел до истерики, меня — до полуобморочного состояния...

— Как раз то, что нужно! — обрадовалась Мартышка. — На нём-то мы и проверим, насколько эффективна моя идея...

Затем она обратилась к Черепахе:

— Видите, Галочка, вон за тем столиком солидного мужчину в поношенной белой шубе? Это Белый Медведь, зверь очень общительный. Он давно уже мается в одиночестве и будет, безусловно, счастлив выслушать ваши воспоминания о встрече с Дарвиным.

— О, я с удовольствием их повторю! — и Галочка с неожиданным для ее комплекции проворством поползла к столику, за ко-

торым сидел Белый Медведь, все еще ожидавший, когда ему принесут рыбу.

Галантный Гепард вызвался ее сопровождать.

Когда оба они были уже на полпути к столу, Мартышка спохватилась и крикнула вслед:

— Да, а что вам подать? То, к чему вы привыкли на своих Галапагосах — кактусы в собственном соку с гарниром из ягод, листьев и лишайников?

— Если можно, — крикнула в ответ Галочка, — принесите, пожалуйста, помидоры. Их мы, галапагосские слоновые черепахи, обожаем больше всего на свете и готовы есть бесконечно!

— Вам принесут отборнейшие помидоры, — пообещал Кашалот. — Причем в неограниченном количестве! — и сразу отдал соответствующее распоряжение птице-Секретарю.

— Ради свежих слушателей эта почтенная дама готова отправиться хоть на край света, как ни тяжела на подъём, — сказала Мартышка со смешком. — И это нам на руку. Ну, половина дела сделана! — и она довольно потерла руки.

В этот момент до коапповцев донеслись несколько приглушенные расстоянием, но тем не менее вполне отчетливые крики “Горько!”.

Кашалот оживился:

— Свадьба на банкетной лужайке! Первая в нашем кафе!

Удильщик полюбопытствовал, кто женится. Сова сообщила, что Ежика выходит замуж за Ежа, и тут же предложила председателю КОАППа поздравить молодых.

— Непременно поздравим, уважаемая Сова! — твердо пообещал Кашалот, после чего озабоченно добавил: — Надеюсь на этой свадьбе...

Мартышка, понявшая его с полуслова, замала руками:

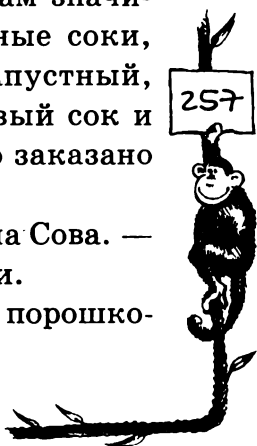
— Что вы, что вы, дорогой Кашалот — ни-ни! У нас с этим строго! Допускаются только... да вот меню, смотрите сами.

Кашалот перелистал меню и внимательно просмотрел раздел “Напитки”. Там значились нектар, фруктовые и ягодные соки, овощные соки — томатный, капустный, морковный, свекольный, берёзовый сок и молоко. Он поинтересовался, что заказано для свадьбы.

— Молоко, вестимо, — отвечала Сова. — Ежи-то до него страсть как охочи.

— Молоко у нас, надеюсь, не порошковое?

КОАПП, КОАПП!

Вопрос Кашалота очень обидел Мартышку. Поджав губы, она подчеркнуто сухо отчеканила:

— Уж об этом-то, господин директор кафе, могли бы и не спрашивать! За кого вы нас принимаете? За людей?

Смутившийся Кашалот стал оправдываться, клятвенно заверяя, что, мол, вопрос задан просто так, для порядка — на самом же деле он ведь отлично знает, что репутация КООППа вообще и кафе в частности для рядовых сотрудников не менее дорога, чем для него, председателя и директора, и они никогда не рискнут предпринять что-либо, могущее безупречность оной репутации поколебать — у него и в мыслях не было усомниться в этом...

— Нет, вы усомнились! — не унималась Мартышка. — Это же надо такое сказать, — и она передразнила: — “Молоко у нас, надеюсь, не порошковое?” Да я того, кто посмел бы его нам предложить, самого бы стерла в порошок! К вашему сведению, мы не то что суррогатов — натуральных продуктов не признаем, если они импортные или даже местные, но привозные — только

свои, с нашего подсобного хозяйства — проверенные, гарантированного качества, экологически чистые — безо всяких там нитратов, пестицидов и прочей химии! И на свадьбу я выдала молоко, полученное прямо здесь, свежее, только что надоенное! Сейчас и для вас на-

дою, а то ведь вы пока сами не попробуете и не убедитесь, всё равно не поверите — заразились, наверное, от Рака, он никогда никому и ничему не верит... так, беру кувшин.. где нож? Ага, вот!

Не успел Кашалот удивиться, зачем Мартышке для дойки понадобился нож, как она подбежала к довольно высокому дереву с крупными продолговатыми кожистыми листьями, явно не местной породы (Кашалоту даже показалось, что там, где оно росло, еще неделю назад никакого дерева вообще не было), надрезала кору и подставила кувшин. Из надреза полилась тонкая струйка густой белой жидкости, которую в обиходе называют млечным соком, а в науке латексом. Пока кувшин наполнялся, Мартышка дала своим действиям исчерпывающее объяснение:

КОАПП, КОАПП!

— Это чудо-дерево доставили сюда из Бразилии по моему спецзаказу. Его зовут “Сорвейра”, что в переводе значит “соска”. За одну дойку Сорвейра дает четыре литра млечного сока, который полностью оправдывает название “млечный”: он напоминает молоко не только чисто внешне, как у подавляющего большинства других растений, но и по химическому составу, и по вкусу! И никто не мычит, не телится! А как просто это молоко получать, вы сами видите — не то, что корову доить. А ведь ее еще надо кормить, чистить, убирать за ней, мыть вымя, лечить, если заболит — а болезни у коров бывают ужасные, притом опасные не только для них, но и для окружающих: бруцеллез, коровье бешенство...

— А коровник? — вставил Удильщик. — Вы забыли упомянуть о коровнике: ведь нам пришлось бы его построить, отапливать, периодически ремонтировать... Сколько возни!

Сова тоже оценила возможности и преимущества древесной молочной фермы:

— Корову-то хошь не хошь, нужно тебе молоко али нет, изволь подоить, да чтобы в срок

— иначе беда! А дерево это с того дня, как посадили, и до нынешнего утра неделю почти стояло недоенное — и ничего.

— В том-то и дело, — подхватила Мартышка, — с какой стороны ни возьми — никаких с

ним хлопот! Ни с одним, как сейчас, ни с целой рощицей — мы ее потом обязательно вырастим.

Тем временем кувшин наполнился до краев. Бережно залепив надрез пластырем,

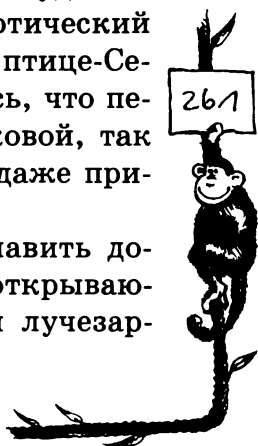
Мартышка вернулась с кувшином к председательско-директорскому пню, налила молоко в кружку и протянула ее Кашалоту.

— Налей-ка и мне, — попросила Сова. — Как не попробовать — уж больно чудно.

Мартышка охотно налила экзотический напиток и Сове, и Удильщику, и птице-Секретарю, и себе — она призналась, что перед открытием кафе, в предпусковой, так сказать, суматохе не успела его даже пригубить...

Разливая, она продолжала славить достоинства Сорвейры и рисовать открывающиеся перед молочным деревом лучезарные перспективы:

КОАПП, КОАПП!

— Я убеждена на все сто процентов, что когда-нибудь всех коров заменят молочными деревьями! Выведут высокоудойные породы, а затем и морозоустойчивые, способные расти даже на Крайнем Севере... И тогда можно будет с полным правом, обращаясь к Корове, повторить вслед за классиком его пророческие слова: “Что в вымени мне твоём?”

Окончание этого панегирика в честь древесного молока совпало с новыми криками “Горько!”, донесшимися с банкетной лужайки.

— Опять требуют, чтобы новобрачные поцеловались, — прокомментировал Удильщик. — Всё никак не угомонятся.

— Ну что за варварский обычай? — возмутился Кашалот, поднося кружку с молоком ко рту. — А если молодожены стесняются?

— Молодожены тут не при чем, — произнёс чей-то сердитый голос.

Коапповцы обернулись на голос и увидели семенящего к ним пожилого Ежа.

— Гости кричат “Горько!”, потому что им и вправду горько, — продолжал сердито бубнить, приближаясь, колючий визитёр. — Молоко-то ваше горчит!

По иронии судьбы именно в этот момент Кашалот отхлебнул из кружки... Физиономия его скривилась. — Кошмар... — только и смог вымолвить он.

Сова тотчас попробовала молоко из своей кружки и в замешательстве подтвердила:

— Батюшки — и впрямь горчит!

Пригубили и Удильщик с птицей-Секретарем. Удильщик поперхнулся, а птица-Секретарь вскрикнула: “Коапп!” каким-то хриплым неузнаваемым, полным горечи голосом...

— Главное, обидно, — сказал Ёж, — весь свадебный стол уставлен пол-литрами, и вроде бы с молоком — а пить невозможно. Хину в него добавили, что-ли?

Директор кафе, несколько оправившись от потрясения (хотя, конечно, далеко не полностью), попытался как-то смягчить впечатление от прискорбного инцидента:

— Уважаемый Ёж, — заговорил он проникновенно, приложив правый ласт к сердцу, — это досадное недоразумение, и я, то

КОАПП, КОАПП!

есть, мы немедленно... э-э... — несчастный не знал, как продолжить, поскольку понятия не имел, что тут можно сделать, тем более немедленно, он “мекал” и “бекал”, пока, наконец не нашелся: — Передайте, пожалуйста, наши извинения гостям и, разумеется, в первую очередь — новобрачным... кем вы им приходитеесь? Тестем? Свёкром?

— Никем, — отрезал посланец свадьбы с вызовом. — Я с ними и незнаком совсем, как и большинство гостей. На свадьбах кто обычно гуляет? Ежу понятно: в основном посторонние. Я, к примеру, просто мимо шел, вижу — свадьба. Грех не зайти. Однако если мы новобрачным сбобу припёка, это вовсе не значит, что нам можно подсунуть напиток, порочащий наше честное имя.

Коапповцы переглянулись с недоумением, а в глазах Мартышки загорелось любопытство.

— Интересно, причем тут ваше честное имя?

— А притом, — мрачно буркнул Ёж, — что после вашего горького молока о нас наверняка пойдет молва: дескать, слыхали новость? Ежи-

то, оказывается, пьют горькую! Иди потом доказывай... В общем, что говорить — от этой свадьбы у меня остался горький осадок. И во рту, и в душе... — и он засеменил обратно на банкетную лужайку.

Кашалот схватился за голову:

— Какой позор!

— Да уж, теперича сраму не оберешься, — подтвердила прямодушная Сова, тем самым посыпав ему на рану соль, но тут же спохватилась и попыталась утешить: — Да не кручинься ты так, Кашалотушка, авось обойдется.

— Нет, не обойдется, дорогая Сова, — репутация КОАППа, нашего кафе и моя лично погублена навеки! — председатель едва не рыдал. Но вот он обратил полный укора взор на виновницу происшествия, и голос его посурился: — Однако в любом случае, Мартышка, я выскажу вам в лицо горькую правду: вы самое безответственное существо на свете! В день открытия кафе затеять сомнительный эксперимент с заменой коровьего молока древесным соком — эксперимент на живых посетителях! Как это называется?!

КОАПП, КОАПП!

Мартышка и глазом не моргнула:

— Это называется небольшой накладкой, дорогой Кашалот, — затараторила она, — ведь горечь ничего не стоило убрать, надо было только разбавить молоко Сорвейры водой и прокипятить, бразильцы всегда так делают, и я бы сделала, но в этой дикой спешке перед открытием кафе всё из головы вылетело... Только я тоже могу спросить: кто призывал к его досрочному вводу в строй? Как это называется?!

Мартышка, как видно, хорошо усвоила правило: “Нападение — лучший вид обороны”. И успешно применяла его на практике.

Неизвестно, в чью пользу окончилось бы выяснение отношений между директором кафе и официанткой, если бы оно не было прервано появлением на поляне Человека. Выйдя из машины и поздоровавшись, он первым делом

извинился за свое отсутствие на открытии кафе и объяснил опоздание тем, что добывал как раз для кафе нечто чрезвычайно, на его взгляд, полезное, и это заняло больше времени, чем он рассчитывал.

Кашалот, в свою очередь, поведал Человеку во всех подробностях о приключившейся по вине забывчивой Мартышки неприятности с древесным молоком и поделился опасениями насчет возможного вследствие этого урона престижу кафе, КОАППа и, главное, его лично.

Больше всего Человека удивило в этой истории то, что поборница замены молочных стад молочными рощами выбрала для культивирования на поляне КОАППа именно Сорвейру — есть ведь и другие молочные деревья, млечный сок которых можно пить сразу, без предварительной обработки...

— Вы что, не знали о них, Мартышка? — спросил он.

— Отлично знала! — и она стала перечислять, словно отвечая урок: Галактодендрон из Венесуэлы — кстати, по-гречески, “галактодендрон” и значит “молочное дерево”; целая семейка бросимумов из Центральной Америки: Бросимум полезный, Бросимум напитокковый и Бросимум питьевой — местные жители зовут всех троих

КОАПП, КОАПП!

“пало де вака” — “дерево-корова”, но молоко у них гораздо гуще, чем у коров.

Удильщик выразил общее недоумение коапповцев, задав логичный вопрос:

— Так почему же вы не бросились сажать бросимумы, а вместо этого...

Но Мартышка не дала ему договорить:

— “Почему-почему”, — передразнила она, — да потому, что мы сможем убить сразу двух зайцев: кипяченым молоком будем поить посетителей с нормальным вкусом, некипяченым — любителей горечи.

— Разве такие бывают? — усомнился Кашалот.

— Кабы не было их, председатель, — назидательно сказала Сова, — никто бы кору у молодых осин не обгрызал: горечь несусветная!

— Вот-вот, — подхватила Мартышка, — а для некоторых — любимое лакомство: для бобров, лосей, зайцев...

Директор кафе горестно вздохнул:

— Сколько раз я повторял вам, Мартышка: за двумя зайцами погонишься... И вот результат... — он безнадежно махнул ластом.

— Ну что ж, попробую его исправить, — бодро сказал Человек.

— Неужели это возможно? — Кашалот и хотел, и боялся верить собственным ушам.

— Подождите меня здесь и ничего не принимайте, — предупредил Человек и направился на банкетную лужайку.

Потянулись томительные минуты ожидания. Собственно, их было не так уж много, этих минут, но коапповцам они показались вечностью...

С банкетной лужайки еще раз донеслись крики “Горько!”, ставшие уже привычными, но вдруг кричавшие, выдав очередное: “Горь...”, осеклись и замолкли. После паузы, длившейся не более секунды, те же голоса, но уже радостные, прокричали нечто противоположное: “Сладко!!!”

Вскоре появился Человек и доложил будничным тоном, как будто ничего особенного не произошло:

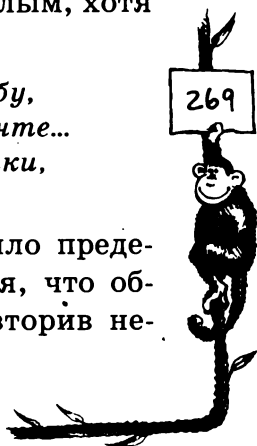
— Ну вот, всё улажено, инцидент исчерпан.

И словно в подтверждение его слов гости на банкетной лужайке затаили веселым, хотя и нестройным хором:

*Сходились ежи все на свадьбу,
Там стол был, подобный мечте...
Жених был одет весь с иголки,
Невеста в колючей фате!*

Ликованию коапповцев не было предела. Кашалот так расчувствовался, что обнял Человека и расцеловал, повторив несколько раз:

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАППИ

— Наша репутация спасена! Какое счастье!

Мартышка потребовала, чтобы Человек немедленно раскрыл секрет своего успеха.

— Как вам это удалось? — тормошила она его. — Что вы сделали?

— Подсластил пиллюлю, — заулыбался Человек. — В самом прямом смысле.

— Нет, я серьезно! Прямо фокус какой-то...

— А хотите, я покажу его и вам?

Желание увидеть фокус было единодушным, но как раз увидеть ничего не пришлось, потому что Человек попросил всех закрыть глаза и открыть рот. В раскрытые рты он что-то положил, а на вопрос, что это, ответил с лукавым видом:

— Волшебное зелье...
— и произнес тоном циркового мага-иллюзиониста:

— *Внимание, внимание! —
Читаю заклинание!*

После чего продекламировал “чародейным” голосом:

*Положил вам прямо в рот
Не конфеты и не торт,
А загадочное зелье —
Принесёт оно веселье!
С ним приятно и легко
Пить любое молоко —
Даже горькое, как хина,
Вот из этого кувшина.
Вмиг почувствует ваш рот
Вкус совсем наоборот!*

— А теперь откройте глаза и попробуйте молоко еще раз.

Все, хотя и с опаской, последовали этому указанию — и тут же уставились друг на друга в полнейшем недоумении.

— Невероятно! — воскликнул Удильщик. — Только что

было горькое — и вдруг стало сладким до приторности!

— Чудеса, да и только, — вторила ему Сова.

— Дорогой Человек, если вы сию же секунду не скажете, в чем тут секрет, я умру! — от нетерпения Мартышка дернула его несколько раз за рукав.

— Нет-нет, пожалуйста, живите, — засмеялся Человек, — я открою секрет: я по-

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАП!

ложил вам всем в рот мякоть вот этих плодов! — Он разжал кулак и протянул коллегам ладонь, на которой лежали плоды, очень похожие по форме на оливки, только не зеленые, а красные.

— Это плоды небольшого деревца, — пояснил он, — которое растет в Западной Африке и называется “Синсепалум дульцификум”. По-латыни “дульцификум” значит “делающий сладким”. Стоит подержать этот плод во рту — и всё кажется сладким, даже лимон. А для чего я принес сюда эти плоды, вы, друзья, надеюсь, догадались...

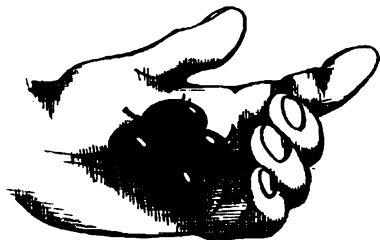
— Чтобы показывать фокусы?
— предположила Мартышка.

— Главный фокус, Мартышка, — сказал Кашалот, — будет заключаться в том, что с помощью этих плодов мы устроим нашим посетителям сладкую жизнь без единого грамма сахара...

— Чрезмерное потребление которого вредно для здоровья, — подхватил Удильщик.

Мартышке эта идея очень понравилась.

— Как здорово! — воскликнула она. — Закажет какой-нибудь

сластёна, допустим, “картошку” — есть такое пирожное, внешне действительно напоминающее картофелину, — обмазываю ее мякотью чудодейственных плодов и подаю со сладкой улыбкой! Только... только не вызовет ли такое подслащивание нежелательных последствий для организма? — засомневалась она вдруг.

— Абсолютно никаких, это твёрдо установлено... хотя, надо признать, механизм странного действия этих плодов на органы чувств пока остается загадкой..

— Еще одна загадка — как это замечательно! — слышался вдруг звонкий детский голосок, и на поляну вбежала очаровательная маленькая Свинка.

— Глядите-ка — поросёночек, — умилилась Сова. — Да какой же хорошенький!

— Ты любишь загадки, девочка? — Удильщик погладил свинку удочкой по го-

273

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАППИ

ловке. — Да, прежде всего скажи, как тебя зовут.

— Так же, как звали первую в мире сви-
ню-парашютистку: Чушка-Финтифлю-
шка.

— Она что, прыгала с самолета? — заин-
тересовалась Мартышка.

— Из-под купола цирка: моя тёзка вы-
ступала в труппе великого дрессировщика
Владимира Леонидовича Дурова.

— Значит, тебя, детка, нарекли в ее честь?
— сделал вывод Кашалот.

— Да. Только я далеко не детка, у меня са-
мой детки — два мальчика и девочка.

Все рассмеялись, но смех умолк, когда Чуш-
ка-Финтифлюшка показала снимок, пояснив:

— Здесь мы сфотографировались вместе —
я и мои малышки.

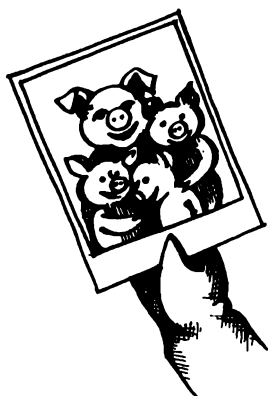
Коапповцы не верили своим глазам.

— Силы небесные! — вос-
кликнула обычно сдержанная
Сова. — Вот уж не ведала, не
гадала, что такие поросяточ-
ки-крохотулечки бывают...

— Прямо как из страны
лилипотов! — вторила ей Мар-
тышка.

Удильщик смог произне-
сти одно лишь слово:

— Фантастика!

У Кашалота же вообще не нашлось слов, и он лишь молча развел лапами — мол, что тут скажешь...

Чушка воспринимала все эти восторги со скромной гордостью:

— Когда меня спрашивают, богата ли я, я отвечаю: “Очень! У меня огромное состояние — целых три пяточка”. И показываю снимок.

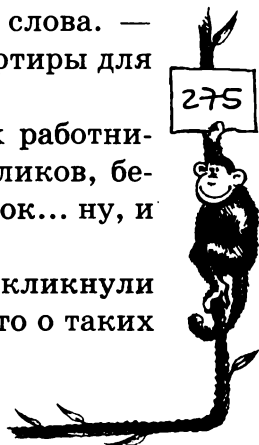
— Жаль, что вы не привели с собой обладателей этих симпатичных пяточков, — заулыбался Человек.

— Я хотела привести, но они, как нарочно, заболели свинкой — пришлось оставить их дома, в виварии.

— Виварий... — повторил Кашалот, пытаясь вспомнить значение этого слова. — А-а, так, кажется, называют квартиры для научных работников...

— Для четвероногих научных работников, — уточнила Чушка, — кроликов, белых мышей, собак, морских свинок... ну, и для нас, карликовых свиней.

— Карликовых свиней? — воскликнули все в один голос, потому что никто о таких и не слышал.

КОАПП, КОАПП!

— Так называется наша порода. Ее вывели специально для лабораторий — там ощущалась острая нехватка талантливых, оригинально мыслящих исследователей, а свиньи входят в первую десятку самых умных животных — нам удастся решать даже такие задачи на сообразительность, с которыми не справляются собаки — люди вынуждены были это признать, несмотря на то, что Собака — друг Человека.

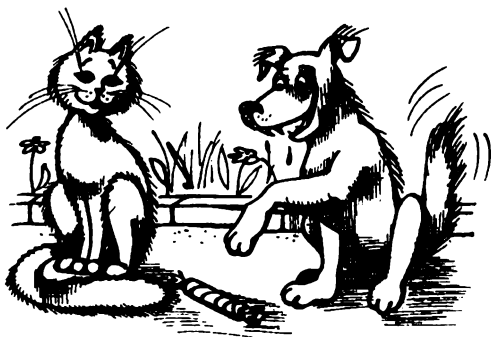
— Как говорили древние, Полкан мне друг, но истина дороже, — ввернул Удильщик.

— Были и другие, еще более веские причины, так сказать, подложить биологическим и медицинским лабораториям свинью — в прямом, а не переносном смысле, — заметил Человек. — Дело в том, что по ряду признаков — биохимическому составу и формуле крови, всеядности, составу и усвоению пищи — свиньи ближе к людям, чем другие животные — если не считать обезьян. Свиньи болеют теми же бо-

лезнями, им помогают те же лекарства...

— Мой брат как раз работает в НИИ, где разрабатывают новые лекарства, — сказала Чушка. — Но область моих науч-

ных интересов совсем иная: я занимаюсь изучением вкуса!

Видимо, она была этим необычайно увлечена, потому что тут же прочла коапповцам целую лекцию:

— По-моему, из всех чувств вкус самое таинственное. Сколько здесь увлекательнейших загадок! Почему, например, наши органы вкуса чувствительнее всего к горькому? Кислое мы воспринимаем слабее в десятки раз, солёное — в сотни раз, а сладкое — в тысячу раз! Или возьмем вкусовые сосочки, которые, собственно, и воспринимают вкус: казалось бы, чем их больше, тем тоньше вкус... Действительно, у рыб очень тонкий вкус — и вкусовых сосочков у них много, особенно у карпов и сомов — сотни тысяч: во рту, на губах, на жабрах, усиках, плавниках, на всем теле... Но сравните млекопитающих и птиц... ну, для определенности, скажем, людей и голубей. У взрослых людей вку-

КОАПП, КОАПП!

совых сосочков примерно десять тысяч, у детей еще больше, а у голубей всего-навсего три-четыре десятка. Однако голуби, беря в рот зерно, прекрасно отличают на вкус крахмал от белка, а люди не отличают... А чем объяснить, что лошади и собаки обожают сладости, а кошки к ним равнодушны? Говорят, о вкусах не спорят. И правильно — о них не надо спорить, их надо изучать! Ваше кафе дает для этого уникальную возможность! Когда я услышала о его открытии, я сразу же подумала: вот где поприще для исследования вкусов! Ведь это так интересно — понять, почему они такие разные и почему у одних вкусы консервативны...

— Классический пример — Коала, — вставил Человек. — Всю жизнь ест только листья эвкалиптов, причем строго определенных видов.

— ... А другие меняют их с легкостью необыкновенной, — продолжала Чушка, — как, скажем, новозеландские попугаи кеа: вегетарианцы, которые вдруг прибрались к баранине, а некоторые даже превратились в настоящих хищников — нападают на живых овец!

— У нас, дорогая Чушка-Финтифлюшка, — поделилился своей “головной болью” Кашалот, — прямо противоположная задача: хищников превратить в вегетарианцев, и если ваши исследования смогут помочь в ее решении...

— Никакой помощи не потребуется, дорогой Кашалот! — раздался голос Гепарда. Выдающийся спринтер приближался огромными прыжками, сообщая на ходу сенсационную новость:

— Задача уже решена, блестяще решена, и заслуга в этом принадлежит Галочке!

— Какой Галочке? — Кашалот ошалело уставился на Гепарда. За разыгравшимися в кафе драматическими событиями он успел забыть, кто это такая...

— Ну как же, Слоновая Черепаха, — напомнил Удильщик, — которую...

— Ах, да, вспомнил, — перебил Кашалот, — которую пригласила Мартышка. Она с Галапагосских островов, верно?

— Абсолютно точно! — подтвердила Мартышка. — У вас отличная память, дорогой наш директор кафе! И вы вспомнили так-

КОАПП, КОАПП!

же, надеюсь, что Гепард пошел проводить её к столу Белого Медведя — того самого непрошибаемого посетителя, который довел вас до полуобморочного состояния.

— Так-так-так... — Кашалот повернулся к Гепарду. — И что же там произошло?

Остальные коапповцы также жаждали услышать всё в подробностях, и Гепард, едва отдышавшись, поведал коллегам следующее.

Когда он подвел Галочку к столику, за которым томился в одиночестве Белый Медведь, она, едва усевшись, начала свой рассказ о встрече с Дарвиным. Другие посетители стали прислушиваться, а потом и подсаживаться... Постепенно за столиком собралась тепленькая компания отпетых хищников. Они заставили Галочку повторить свою историю восемь раз, и кто-то тут же подсчитал, что в этом году ей исполнится ровно двести лет. А так как, рассказывая, она непрерывно уплета-

ла помидоры, то все решили, что ее завидному долголетию способствовала помидорная диета. А кому не хочется прожить два века? Словом, все присутствующие в кафе хищники решили...

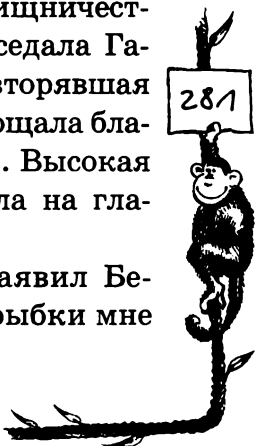
— Можете не продолжать, — прервала его Мартышка, — я знаю, что вы скажете, потому что именно такова и была моя задумка! Значит, мой замысел удался: прельщенные Галочкиным долголетьем, все присутствующие в кафе хищники решили перейти на...

— Официанточка! — донесся до коапповцев зычный голос Белого Медведя. — Или кто там — директор!

— Я вас слушаю, — откликнулся Кашалот и направился в сопровождении своих верных соратников к его столику. Но они увидели уже не столик, а множество столиков, составленных вместе. За ними сидели любители мясных блюд — звери, птицы, рыбы, змеи, крокодилы, и прочие... словом, цвет мирового хищничества. А в центре величественно восседала Галочка, неизвестно который раз повторявшая рассказ о встрече с Дарвиным, и угощала благодарных слушателей помидорами. Высокая горка их на огромном блюде таяла на глазах...

— Заказ хочу изменить, — заявил Белый медведь. — Можно? Вместо рыбки мне бы помидорчиков...

КОАПП, КОАПП!

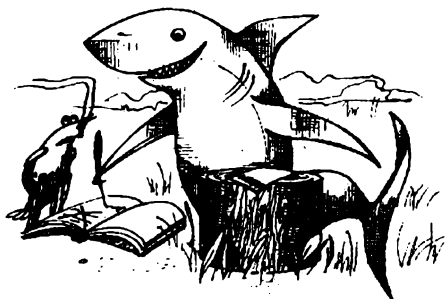
КОАП, КОАП!

— И мне! — Мне тоже! — несло со всех сторон.

— Хм... — задумчиво произнес председатель. — Два века... А обычно Кашалоты едва доживают до шестидесяти... Пожалуй, и я бы от помидорчиков не отказался... — и уже через несколько минут он звонил на овощную базу. Гепард, Удильщик, Сова и подлетевшая Стрекоза, поддавшиеся всеобщему поветрию, попросили при заказе учить и их. Птица-Секретарь выразила ту же просьбу лаконичнее — криком “Коап!” — и Кашалот ее отлично понял.

Пока он дозванивался, произошел еще один примечательный эпизод, как нельзя лучше характеризующий изменившиеся настроения зоофагов. Среди собравшихся вокруг Галочки хищников были и авторы гневных записей в “Книге отзывов и предложений” — Морской Леопард, ястребы, Акула, и прочие. Они стали снова ее требовать. Подползший с “Книгой” Рак с тяжелым сердцем протянул ее, полагая,

что уж по второму разу они такого напишут... А они вместо этого перечеркнули прежние свои жалобы! И написали благодарности!

Председатель КО-АППа, он же директор кафе, дозвонился тем временем до овощной базы. По мере того, как он выслушивал кого-то, говорившего на другом конце провода, физиономия его вытягивалась. Положив трубку, он с обескураженным видом

обрисовал перед коллегами непростую ситуацию: хотел заказать сто тонн помидоров, и они есть в наличии, но их некому перебирать...

Мгновение Кашалот пребывал в растерянности, затем физиономия его приняла волевое выражение.

— Внимание, — объявил он твердым голосом, — принимаю волевое решение! Объявляется аврал: птица-Секретарь остается в кафе, остальные — за мной, на овощную базу!

— А у людей, между прочим, — едко заметила Мартышка, — перебирать овощи давно уже не посылают даже академиков.

— Вы правы, — согласился Кашалот, — в этом деле, как, впрочем, и во многих других, назрели реформы.

КОАПП, КОАПП!

— Но если они будут у нас проводиться такими же черепашьими темпами, как у людей...

— Несравненно быстрее, Гепард! — заверил Кашалот. Затем он отдал несколько распоряжений оставшейся в кафе за всех коапповцев птице-Секретарю. Два из них заслуживают особого внимания.

Во-первых, он поручил ей заключить с композитором Скворцом договор на сочинение в ознаменование успешного обращения зоофагов в фитофагов торжественной фитофуги.

— Сами и фуганём, — предложил Удильщик.

— В сопровождении ансамбля фуганков, — добавила Мартышка, убежденная, что фуганок — это музыкальный инструмент для исполнения фуг.

Второе распоряжение
явилось логическим раз-
витием мысли, мелькнув-
шей у председателя КО-
• АППа при знакомстве с
Карликовой Свиньей.

Мысль была простой,
как всё гениальное: поче-
му бы не устроить при
кафе “У Кашалота” дет-
скую кафеюшечку “У Ка-
шалотика”? Весь персонал там состоял бы из
карликовых животных: директором был бы, ко-
нечно, Малый Карликовый Кашалот, он же Ка-
шалот-малютка, метрдотелем — просто Кар-
ликовый Кашалот, он же Когия, остальными
работниками — Карликовый Слон, Карлико-
вый Бегемот, Карликовый Шимпанзе Бонобо,
Карликовая Игрунка — крошечная обезьянка
из Южной Америки, выведенная в Аргентине
Карликовая Лошадь ростом со среднюю соба-
ку, и так далее...

Так вот, директор кафе дал указание птице-
Секретарю связаться с упомянутыми животны-
ми и переговорить с ними на предмет их же-
лания и возможности работать в подобном
заведении.

После чего Кашалот и его верные соратни-
ки отправились свершать трудовой подвиг на
овощной базе...

ЗАСЕДАНИЕ.

ПОСВЯЩЕННОЕ ОБСУЖДЕНИЮ И ОСУЖДЕНИЮ
ПОДЛИННЫХ ИНЦИДЕНТОВ, В КОТОРЫХ КОАП-
ПОВЦЫ, В ОТЛИЧИЕ ОТ МНОГИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО, НЕ УВИДЕЛИ НИЧЕГО
ЗАБАВНОГО, ПОСКОЛЬКУ РЕЧЬ ШЛА О КРИМИНА-
ЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПОРОЙ ПРИ
ВЕСЬМА УЧАСТИВШИХСЯ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯ-
ТИЛЕТИЯ КОНТАКТАХ И КОНФЛИКТАХ ЛЮДЕЙ
С ЖИВОТНЫМИ, И ОСВЯЩАНОМ С ЭТИМ
БУРНЫМ РОСТОМ ПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ
ПОСЛЕДНИХ...

КТО ПОХИТИЛ ПОЛДУБЛЕНКИ?

Когда коапповцы в очередной раз собрались на своей Большой поляне (хотя и в неполном составе: Гепард отправился в командировку в город Ржев), вид почти у всех был чрезвычайно суровый и решительный, можно даже сказать, воинственный, какой бывает у тех, кто по старой традиции настроен на решительную и бескомпромиссную борьбу с чем-то или кем-то. Почти у всех, а не у всех, потому что Человек являл собой исключение (впрочем, единственное) — происходящее его, по-видимому, лишь забавляло...

Как только все расселись, Стрекоза от имени коллег и от своего имени доложила руководителю КОАППа:

— Милый Кашалот, мы собрали сведения, которые Вас интересуют.

— Не только меня, — поправил Кашалот, — всю общественность! Сейчас мы предадим эти сведения огласке. Открываю оче-

редное заседание Комитета Охраны Авторских Прав Природы!

— Коапп, коапп, коапп! — прокричала птица-Секретарь, и Кашалот приступил к своему излюбленному занятию: он начал вдохновенную речь. А уж в произнесении пламенных речей, зажигающих и мобилизующих массы, председателю КОАППа не было равных во всем обитаемом мире!

— Друзья мои! — воскликнул он патетически и обвел своих верных соратников взором, в котором читалась великая скорбь.

— Вы знаете, что к нам в КОАПП приходит немало писем, авторы которых справедливо возмущаются безобразным поведением некоторых людей в лесу, в поле, на берегах рек, озер, морей, в самих реках, озерах, морях, океанах и в других местах общего пользования.

Сова энергично закивала, подтверждая сказанное.

— Житья от них не стало, Кашалот: мусор за собой не убирают, деревца молодые ломают, живность распугивают, костры не гасют как следует —

далеко ли до пожара, а уж с водой что творят — не приведи господь: после этих супостатов клюв обмакнуть боязно, не то что пить...

— Подобных субъектов, уважаемая Сова, — повернулся к ней Кашалот, — мы, как известно, выводим на чистую воду. Совершенно очевидно, однако, что, требуя от своих двуногих соседей по планете безупречного поведения на природе, животные и сами, в свою очередь, не должны совершать по отношению к людям действий, чреватых конфликтными ситуациями.

— Не говоря уже о конфликте с Законом, — вставил Удильщик.

— Что значит “не говоря”? — Кашалот резко рубанул ластом воздух. — Как раз об этом мы и поговорим, причем серьезнейшим образом, поскольку сегодняшнее заседание будет целиком посвящено усилению борьбы с правонарушениями среди животных.

— Давно пора! У меня такие факты — шерсть дыбом встает! — затараторила Мартышка. — До чего докатились: в Красноводске средь бела дня Воробей залез в карман! Стрекозу вдруг осенило:

— Выходит, не случайно ему дали такое имя?

— Конечно, не случайно — этот пернатый воришка собирался стащить у потерпевшего...

— Простите, Мартышка, — перебил Человек, — но вы излагаете факты, мягко говоря, не совсем точно.

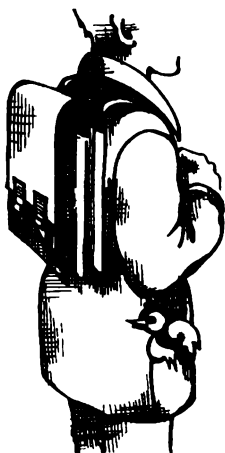
Кашалот нахмурился:

— Что вы хотите этим сказать, уважаемый Человек?

— Что в происшествии, о котором упомянула Мартышка, потерпевшим был... вернее, чуть не стал сам Воробей. Его преследовал Кобчик.

— А-а, — протянул Рак, — знаем: некий Кобчик — хищная птица без определенных занятий.

— Нет, занятия у Кобчика вполне определенные, — возразил Человек. — Обычно он охотится за грызунами. Но в данном случае Кобчик изменил своему правилу и напал на Воробья. К счастью, поблизости

гулял красноводский школьник Игорь Кадин. Воробей юркнул в карман и тем спас свою жизнь.

Сова торжественно заявила:

— Слышала, Мартышка? То-то! Негоже каждую мелкую птаху подозревать, а тем паче на-
праслину возводить.

Кашалот полностью согласился с Совой, заметив, что подозрительность к мелким, случайно оступившимся птахам лишь отвлечет внимание от настоящих, крупных преступников, представляющих особую общественную опасность — таких, скажем, как... — здесь он слегка запнулся.

— Как двухметровый Сом из реки Оскол, — подсказал Удильщик. — Этот матерый рецидивист в течение длительного времени крал у местного населения гусей и уток.

Рак, как всегда, не поверил:

— А это случайно не “утка”, Удильщик? Вы проверили достоверность сведений?

Удильщик был до крайности возмущен:

— Уж не намекаете ли вы на ответственность за дачу ложных показаний? Так вот, к вашему сведению: есть многочисленные свидетели! Это жители районного цен-

тра Двуречная Харьковской области, они подтвердят каждое мое слово!

Председатель тут же отдал распоряжение птице-Секретарю срочно послать Сому из реки Оскол повестку с вызовом в КОАП.

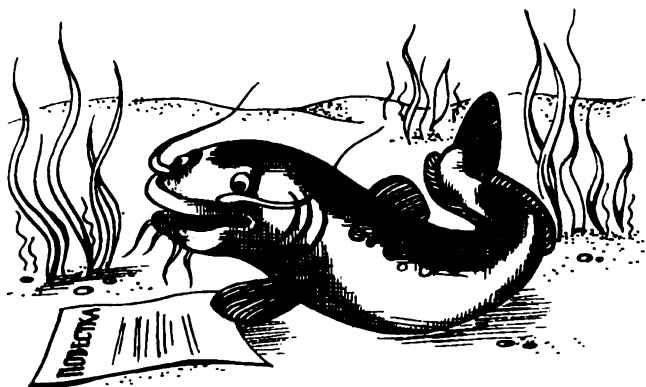
— Так пропесочим — осколки останутся, — пообещала Сова.

— Да-да, — выкрикнула Мартышка, — мы ему устроим показательный сомосуд!

— То есть суд над Сомом? — уточнил Человек. — Он уже состоялся: Сом был пойман с поличным и...

— И приговорен к наваристой ухе, — закончил за него Удильщик.

...Никто не увидел, как и откуда на поле появился среднего роста Попугай, ярко-красный хвост которого резко контрастировал со скромным серым оперением головы и туло-

вища. Прилет его остался незамеченным не только потому, что все были поглощены обсуждением актуальнейшей проблемы борьбы с преступностью: Попугай

подлетел к коапповцам настолько бесшумно, что когда он заговорил, они от неожиданности вздрогнули.

— Итак, правосудие свершилось, — произнес гость. — Но подходящий ли это повод для того, чтобы почувствовать удовлетворение? Ведь преступник был бы изобличен значительно раньше, если бы сразу, после первой же кражи, обратились ко мне.

— К вам, милый Попугай? — удивленно переспросила Стрекоза.

— Зовите меня Ксюшей, — попросил посетитель, понизив голос почти до шепота.

— Но ведь это женское имя, — возразил Рак, высказав тем самым общее недоумение.

И тут произошло то, чего никто ожидал — Попугай вдруг заговорил вполне натуральным женским голосом:

— В случае необходимости я могу выдать себя за особу женского пола — для

КОАПП, КОАПП!

конспирации. — И совсем уж едва слышно разъяснил причину такой предосторожности: — Никто не должен догадываться, что я частный детектив.

Услышав это, Кашалот несказанно обрадовался.

— Какая удача! — воскликнул он. — Нам как раз позарез нужен детектив!

— Тсс... не так громко, — предупредил Попугай. — Для непосвященных я всего лишь обыкновенный Жако, он же африканский Серый Попугай, проживающий в обыкновенной квартире и развлекающий обыкновенных хозяев и их гостей: “Добрый вечерр. Дайте Ксюше сахарру. Ксюша хоррошая”. А тем временем я приглядываюсь, прислушиваюсь, сопоставляю и запоминаю...

— А память у попугаев феноменальная! — заметил Человек. — У немецкого орнитолога

Лукануса вместе с серым попугаем жил, причем очень недолго, удода по имени Хопфхен. Спустя девять лет Луканус принес в дом нового удода. Как только жако его увидел, он тотчас закричал: “Хопфхен, Хопфхен!”

— Да, — подтвердил пернатый детектив, — мои

сородичи, в отличие от людей, надежные свидетели, память никогда их не подводит: никаких домыслов, вымыслов и всяких там “кажется”, “вроде бы”, “может быть” — повторяют только то,

что слышали. В американском городке Байтаун, например, попугай навел полицию на след двух преступников, повторив слово в слово, причем их голосами, разговор во время ограбления квартиры: “Эй, Роберт, иди-ка сюда!” — “Рони, скорее!”

— Неужели оказалось, что преступников действительно звали Рони и Роберт? — изумилась Стрекоза.

— Иначе и быть не могло. Это не единственный прецедент такого рода: в бразильском городе Порту-Алегри попугай тоже помог разоблачить уголовника, назвав его кличку: “Бабао”! А вот совсем свежий эпизод: в Саранске опергруппа попугаев...

— Опергруппа? — недоверчиво переспросил Рак.

— Хорошо, пусть будет так: несколько попугаев, живущих у одной женщины, помогли в ее отсутствие задержать квартир-

КОАПП, КОАПП!

ного вора: когда он забрался в квартиру, они вызвали милицию.

— Сами вызвали? — любопытствовал Удильщик.

— Ну... не совсем — милицию вызвали соседи, но тревогу-то подняли попугаи: они так истошно вопили, что привлекли внимание соседей. Но всех превзошел заокеанский супермен... то есть, прошу прощения — суперпёрот, что значит “сверхпопугай”, по имени Берт, из американского города Кериса, штат Юта. Защищая жизнь и честь девушки, он не побоялся вступить в схватку с вооруженным бандитом!

— Один на один?!! — коапповцы переглядывались, не зная, верить ли своим ушам...

— Именно! — с гордостью сказал Ксюша. — Громила вломился в дом, зная, видимо, что семнадцатилетняя Таня Сазерленд находится там одна. Он кинулся к перепуганной насмерть бедняжке, но в этот момент, услышав крик девушки, из соседней комнаты стремительно влетел Берт. Не раздумывая ни секунды, он бросился на мерзавца, вонзил в его спину клюв и выдрал лоскут кожи. Бандит взвыл от боли и выпустил Таню из своих ручищ. Пока он пытался схватить попугая, чтобы свернуть ему шею, девушка выскочила из комнаты, мгновенно заперла за собой дверь и позвонила в полицию...

Коапповцы, слушавшие Ксюшу с напряженным вниманием, вздохнули с облегчением, особенно председатель КОАППа, который во время Ксюшиного рассказа так переживал, что, прижав ласты к сердцу, подался вперед, словно сам готов был броситься на защиту далекой Тани.

Дождавшись благополучного финала, он несколько раз повторил:

— Какое благородство, какая преданность дому, какой, не побоюсь этого слова, героизм!

Удильщик же высказался в том смысле, что из подобных историй следует непреложный вывод: люди совершают большую ошибку, не приглашая попугаев на работу в правоохранительные ор-

ганы, в том числе и на руководящие должности.

Мартышка, однако, с горячностью стала всех убеждать, что если бы их даже пригласили, попугаи сами бы не пошли: поминутно рисковать жизнью и здоровьем — а что взамен?

Стрекоза присоединилась к ее мнению, напомнив, что у сотрудников этих органов даже страховки порядочной нет, чтобы в

КОАПП, КОАПП!

случае чего хотя бы семья была прилично обеспечена.

Человек заметил по этому поводу, что не везде дела обстоят столь плачевно в отношении как людей, так и попугаев. В Швеции, например, было возбуждено дело о взыскании с преступника компенсации за ущерб, причиненный им здоровью попугая Фрассе: от стресса, перенесенного им при попытке ограбления от- ветчиком дома, где он живет, Фрассе потерял дар речи, аппетит...

— И, надо полагать, веру в человечество? — предположил Кашалот.

Но Человек выразил надежду, что после решения суда он вновь обрел и то, и другое, и третье: суд, где Фрассе выступал в роли истца, а хозяин дома Николас Остлунд представлял его интересы, постановил взыскать с арестованного грабителя в пользу попугая шестьсот пятьдесят крон.

— Да он же теперь настоящий кронпринц! — воскликнула Мартышка.

— Гораздо существеннее, — назидательно подчеркнул председатель, — что восторжест-

вовала справедливость. Когда это происходит, мое сердце весом в полтонны переполняется ликованием! Но так хочется, чтобы порок был наказан и во всех других случаях... Дорогая... то есть, дорогой Ксюша, я надеюсь, вы не откажетесь помочь нам в разоблачении злоумышленников? Мы так нуждаемся в помощи опытного детектива! К сожалению, еще нередки уголовные дела, когда противозаконные действия животных остаются безнаказанными. Взять хотя бы этих наглых угонщиков из... мм...

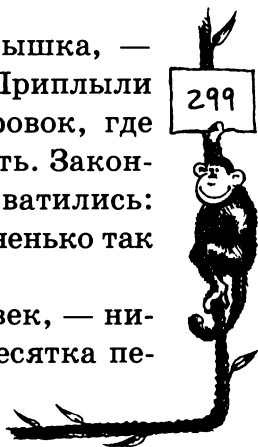
— Из Кызыл-Агачского заповедника, — напомнил Удильщик. — Это в Азербайджане, на берегу Каспия.

Сова оживилась:

— Знаменитое место! Птиц там не счесть: одни зимуют, другим до зимовки еще лететь и лететь — так они по пути остановку в Кызыл-Агаче делают, чтоб, значит, отдохнуть да сил набраться перед дальней дорогой, третьи гнездятся — утки, к примеру...

— Вот-вот, — закивала Мартышка, — из-за уток-то всё и случилось! Приплыли сотрудники заповедника на островок, где утки гнездятся, — утят кольцевать. Закончили работу, и тут только спохватились: где лодка? Смотрят — она спокойненько так удаляется вглубь залива...

— А в ней, — подхватил Человек, — ничуть не таясь, расселось около десятка пе-

ликанов. Видимо, лодку отнесло от берега из-за того, что забравшиеся в нее пеликаны раскинули крылья, отряхивая воду.

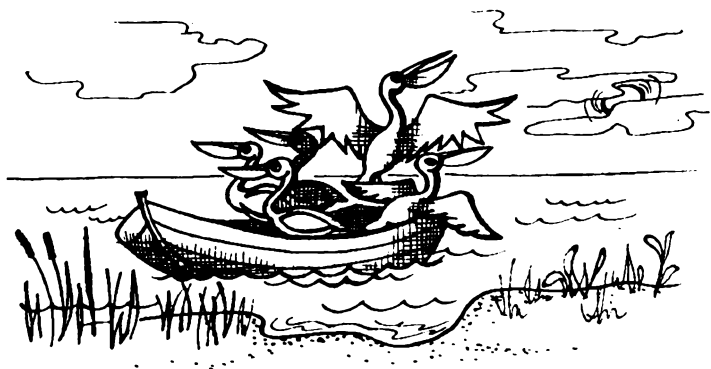
Сова заулыбалась:

— А крылья-то у них ой-ёй-ёй — паруса, да и только!

— “Ой-ёй-ёй”, — передразнила Мартышка. — А вы подумали, каково пришлось людям? Тоже, между прочим, ой-ёй-ёй! До позднего вечера сидели на островке, пока за ними не прислали баркас!

— Самое неприятное в этой истории то, — заключил Кашалот, — что виновные ушли от ответственности... точнее, уплыли в лодке. Тем самым был нарушен один из основополагающих принципов правопорядка: неотвратимость наказания...

— Главное, известно, что лодку угнали пеликаны, но кто конкретно? — Удильщик прикусил конец своей удочки, что выражало у него

крайнюю степень досады.
— В заповеднике их ты-
сячи!

— И, конечно, ни одно-
го очевидца? — не спросил,
а скорее констатировал
Попугай.

— Это уж само собой,
— буркнул Рак. — Круго-
вая порука.

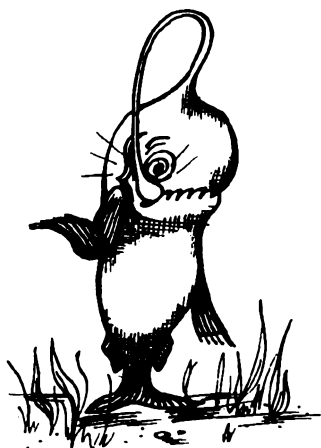
— А теперь уж тем бо-
лее ни о каких очевидцах
не может быть и речи, —
сокрушенно вздохнул Кашалот. — Столько лет
прошло...

Попросив уточнить, сколько именно и вы-
яснив, что около двадцати, Ксюша проинфор-
мировал коапповцев о том, что, если ему не из-
меняет память, срок давности по подобным
преступлениям еще не истек, и к тому же попу-
гаи живут лет до семидесяти, а иные дожи-
вают и до ста. На вопрос Рака, причем тут
попугаи, пернатый сыщик отвечал, что кто-
нибудь из местных попугаев мог слышать
и запомнить какие-нибудь разговоры...

Сова вынуждена была его разочаровать:

— Не мог, Ксюшенька, потому как не
водятся они в тех краях.

— Тогда я пришлю одного из своих аген-
тов, — решил детектив. И потрясенные

коапповцы узнали, что сеть Ксюшиных агентов раскинута по всему миру! Точнее, повсюду, где живут попугаи: на всех континентах, кроме Антарктиды, на многих островах, а также в городах, поселках и на некоторых кораблях дальнего плавания.

— Неужели даже на кораблях? — засомневался Рак. Но Человек подтвердил, что моряки с давних пор любят попугаев и берут их с собой в плавание — достаточно вспомнить хотя бы попугая Робинзона Крузо...

— Неужели я стал бы сам добывать всю информацию, — заявил Ксюша, — когда на Земле свыше трехсот видов попугаев всех мыслимых и немыслимых расцветок и самых разнообразных размеров — от дятлового попугая с Новой Гвинеи, ростом с королька, до метрового попугая ара из Южной Америки. Они могут обеспечить сбор необходимой информации для самых запутанных расследований.

И детектив стал размышлять вслух...

— Итак, — начал он, — задание агенту: внедриться в колонию пеликанов, войти в доверие и осторожно вывести... Да, но кто су-

меет внедриться? — перебил он себя. — Черный Какаду с Новой Гвинеи? Чересчур горяч, а с его клювом... Нет, не годится — еще перекусит кому-нибудь палец в припадке гнева — с ним это случается. Лори с Филиппинских островов? Болтлив. Совиный попугай Какапо из

Новой Зеландии? Разучился летать. Его земляк Кеа? Вообще-то подходит по всем статьям — смел, находчив, закален — даже снежная пурга ему нипочем. Птенцов выводит среди зимы! Настоящий горец! Но, увы, — Ксюша печально вздохнул, — по-

дозревается в убийстве овец, и обвинения эти небеспочвенны...

— Хотя и сильно преувеличены, — заметил Человек.

— Безусловно, — согласился сыщик. — Насколько мне известно, этим запрещенным промыслом занимаются единицы, но подозрение-то падает на всех! И потом, овцу добывает один попугай Кеа, а на пиршество слетаются десятки — получается в некотором смысле соучастие. Нет, нельзя доверить Кеа такое задание — кто поручится, что, разоблачив угонщиков, он их не съест...

Ксюша погрузился в раздумья. Коапповцы замерли в ожидании.

— О! — воскликнул вдруг детектив после длительного молчания, — я знаю, кого послать! Да, этот справится.

— Кто? — нетерпеливо закричали все.

— Австралийский волнистый попугайчик, который значится в агентурных списках под шифром “РНД”. Условное имя “Голубой”.

— Условное? — переспросила Стрекоза.

— А на самом деле он какой?

— Светло-голубой.

— Чем же он отличился? — спросил Удильщик.

— Бежал из клетки, присоединился к стае воробьев и вскоре сделался ее вожаком.

— А что означает шифр “РНД?” — любопытствовала Мартышка.

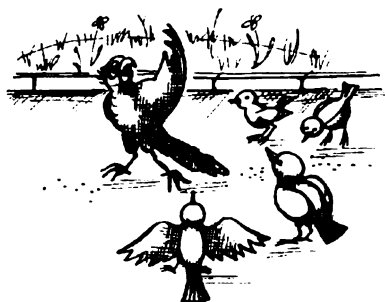
— Ростов-на-Дону, — был ответ.

— Теперь и я вспоминаю, — сказал Человек. — Многие ростовчане действительно ви-

дели стаю воробьев, которую возглавлял австралийский волнистый попугайчик светло-голубой окраски.

— Ксюша, вы правы, — изрек Кашалот.

— Я убежден, что

агент РНД с условным именем “Голубой” безусловно справится с заданием!

— Для полной гарантии, — добавил сыщик, — к нему подключусь и я, но несколько позже — после того, как закончу расследование одного загадочного преступления...

Детектив тотчас понял, что, сказав это, допустил непростительную оплошность, но было уже поздно: он немедленно был атакован Мартышкой, которая стала уговаривать Ксюшу, чтобы он рассказал о преступлении, которое расследует.

— Обожаю всё загадочное! — поминутно повторяла она. — Вы же не хотите, чтобы я умерла от любопытства?

Остальные коапповцы присоединились к ее просьбе.

Сыщику пришлось уступить...

— Ладно, — сказал он, — познакомлю вас с этим делом, но лишь в самых общих чертах. В городе Иваново при весьма странных обстоятельствах совершена неслыханная по дерзости кража.

— Кража века? — спросила Стрекоза.

— На кражу века она, пожалуй, не по-

КОАПП, КОАПП!

тянет, а на кражу десятилетия — вполне. Ни малейших следов, никаких улик. Твердый орешек. Ну, ничего, и не такие раскусывал.

— Мудрено не раскусить! — Сова подмигнула Попугаю. — С эдаким-то клювищем!

— Мне удалось, — продолжал Ксюша, — внедриться в одну маленькую стайку...

— Как, вы тоже внедрились в стайку? В какую, если не секрет? — поинтересовался Удильщик.

— Пока секрет. Больше я ничего не могу сказать: служебная тайна. Буду наблюдать, сопоставлять, запоминать, размышлять. Кое-какие версии у меня уже есть... Ждите дальнейших сообщений. Всего наилучшего! — и Попугай полетел к лесу.

— Скажите хотя бы, что похищено! — прокричала вслед Мартышка, изнывая от неутоленного любопытства.

Ксюша обернулся и, прежде чем исчезнуть среди деревьев, крикнул:

— Полдубленки.

— Час от часу не легче, — пробормотала Сова. Все ее коллеги тоже были весьма озадачены и молча обдумывали странное сообщение сыщика.

— Интересно, — произнес наконец Удильщик, — кому могла понадобиться половина дубленки?

— И, главное, зачем? — подхватил Рак.

— Непостижимо! — Стрекоза сокрушенно вздохнула. — Если бы знать хотя бы, какая половина дубленки похищена — верхняя или нижняя, правая или левая...

— Ну, допустим, узнаем мы это — а дальше что? — Кашалот безнадежно махнул ластом. — Всё это так непонятно и удивительно...

— Вы еще способны чему-то удивляться, дорогой Кашалот? — с этими словами на поляну вбежал запыхавшийся Гепард. — Что же касается меня, — продолжал он, приблизившись, — то после командировки, в которую вы меня направили, я уже ничему не удивляюсь.

— Я тоже, — сказал Удильщик. — Если не ошибаюсь, ваша командировка связана с нашумевшим ржевским делом?

Гепард подтвердил, что Удильщик не ошибся, после чего председатель КОАППа попросил командированного доложить, что ему удалось выяснить по упомянутому делу.

КОАПП, КОАПП!

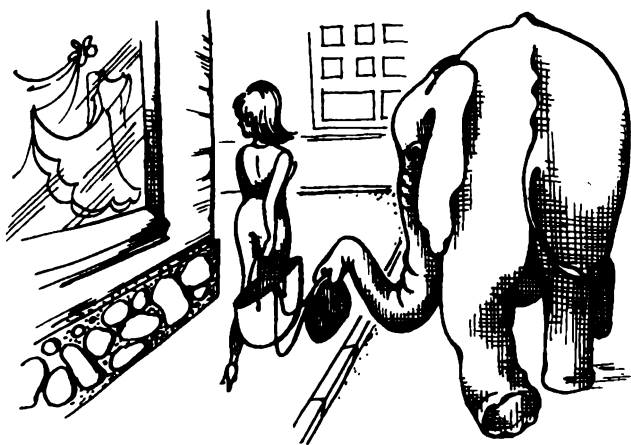

— Насчет заезжего гастролёра? — уточнил Гепард. — Можно сказать, всё — и ничего. Всё — если говорить о чисто внешней стороне дела... Действительно, на первый взгляд происшествие представляется ясным как день: погожим осенним днем по улице города Ржева, что в Тверской области, шел молодой Слон — якобы прогуливался.

— Это что же, — пробурчал Рак, — по улицам Ржева вот так запросто разгуливают слоны?

— Я же сказал, Рак, — он заезжий гастролер. Слушайте дальше. Рядом по тротуару шла девушка с кошелкой. Улучив момент, Слон запустил туда хобот, вытащил кожаную сумочку и тут же спрятал в рот. Он проделал это так быстро, что девушка ничего не заметила.

— Опытный, видеть,
— заметила Сова.

— К счастью, — продолжал Гепард, — кражу видели две свидетельницы. Пытаясь замести следы, Слон разжевал и проглотил сумочку со всем ее содержимым.

Мартышка, конечно, не могла удержаться от вопроса, что было в сумочке. Гепард с готовностью ознакомил с ее содержимым и Мартышку, и всех остальных своих коллег: в момент кражи там находились сберкнижка и триста рублей,* снятых с нее за десять минут до происшествия — это подтверждается документами сбербанка. Дело рассматривал Ржевский городской народный суд.

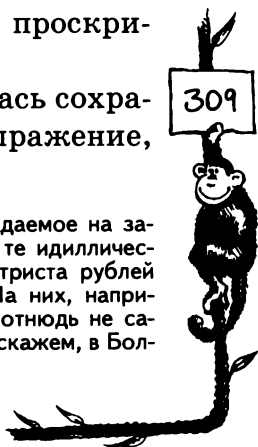
— Господи... страсти-то какие! — Сова истохо перекрестилась.

— Дожили! Какой позор... — проскрипел Рак.

Мартышка изо всех сил пыталась сохранить на физиономии серьезное выражение, но не выдержала и прыснула:

* Необходимое уточнение Человека: обсуждаемое на заседании КОАППа происшествие имело место в те идиллические, почти неправдоподобные времена, когда триста рублей представляли довольно значительную сумму. На них, например, можно было купить холодильник, притом отнюдь не самой дешевой марки, или совершить турпоездку, скажем, в Болгарию...

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАП!

— Слон под судом! Ну и цирк!

— Ах, да, цирк, — спохватился Гепард.

— Он выступил в роли ответчика и согласно приговору суда полностью возместил потерпевшей ущерб.

— Подождите... — Кашалот протестующе поднял ласт. — Я ничего не понимаю: какой цирк? Причем здесь цирк?

— Слон в нем работает, — пояснил Гепард.

— Как?! — воскликнул Удильщик, — он всё еще там работает? После всего, что натворил?

Гепард уведомил коллег, что коллектив цирка взял Слона на поруки.

— А зря! — взвалив на плечи валявшийся рядом сук, Мартышка согнулась под его будто бы непомерной тяжестью и кряхтя сделала несколько шагов... — Вот что его может исправить: изнурительный труд! Потаскал бы бревна, как его сородичи на лесоповале — в Индии, Бирме, Таиланде, Индонезии, — сразу бы понял, что красть нельзя! Я таких просто не перевариваю... Да, кстати, а как с переваренной Слоном сберкнижкой?

— Ну, это-то как раз не проблема, — успокоил Гепард. — Сбербанк выдал дубликат, вот и всё.

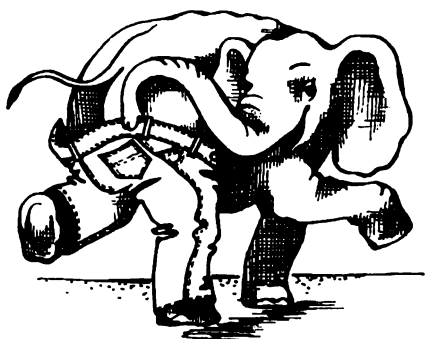
— Проблема в другом, — задумчиво произнес Кашалот, — как Слон дошел до жизни та-

кой? А если посмотреть шире: что вообще толкает нашу молодежь на скользкий путь?

Обсуждение этого наболевшего вопроса (злободневного не только в КООППе) вызвало оживленную дискуссию. Удильщик высказал ту точку зрения, что судить обо всей молодежи он не берется, но уж по крайней мере циркового Слона привела к преступлению отнюдь не нужда — ведь в цирке он на всем готовом: его кормят, поят, одевают, предоставляют бесплатное общежитие...

Стрекоза возразила: разве этого достаточно, разве любой юноша не стремится получить что-нибудь и для души? Она предположила, что, возможно, в данном случае объектом вожделения молодого артиста цирка явились фирменные джинсы.

Правда, Рак высказал сомнение в том, что их можно причислить к категории предметов, необходимых для души, но Сова легко опровергла этот притянутый за уши тезис, резонно заметив, что с одной стороны, чужая душа потемки, а с другой — джинсы слоновьего размера стоят, небось, неде-

КООПП, КООПП!

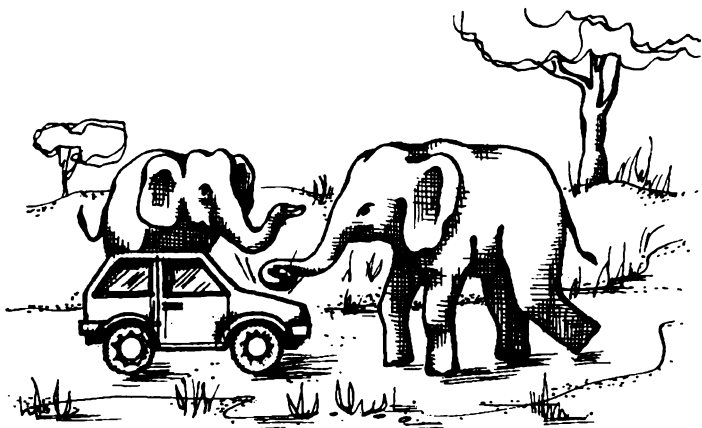
шево. “Вот и попутал нечистый”, — таков был ее вывод.

Однако Гепард, при всем уважении к Сове, с ее выводом решительно не согласился:

— Нет, здесь что-то другое, — убежденно заявил он. — Слон совсем не производит впечатление подонка, способного ради тряпок на разбой. Я его видел, говорил с ним — милый, скромный парень...

Мартышка фыркнула:

— Знаем мы таких скромников! В Зимбабве, в национальном парке Мана Пулс, слоны раньше скромненько ждали угощения, а теперь требуют! А не даст посетитель парка апельсин или плод манго — угрожают, а то и нападают! Однажды они даже разнесли палаточный городок туристов! Вымогательство, вот

как это называется. Или еще того почище: рэкет.

Но приведенные Мартышкой факты не произвели на Гепарда должного впечатления.

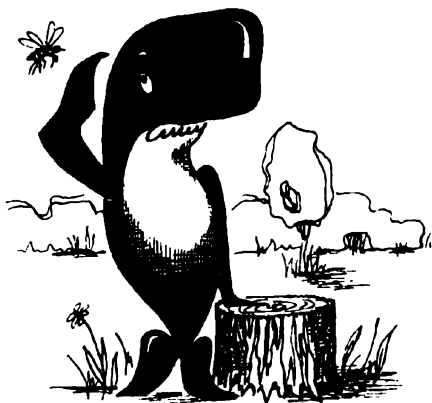
— Не тратьте зря порох, — сказал он ей. — Все

равно вы меня не убедите, что циркового парнишку можно поставить на одну доску с вымогателями, бомжами и рэкетирами. Вы, очевидно, плохо представляете, что такое артист цирка: это же вечный труженик! Что же касается истории с сумочкой... знаете, меня не оставляет ощущение, что Слон явно чего-то не договаривает...

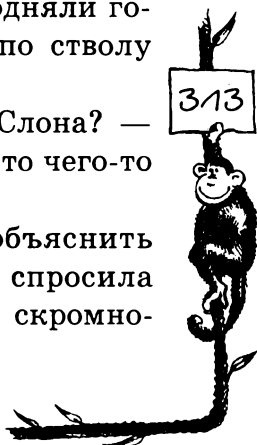
— Можно я за него договорю? — слышался голос откуда-то сверху. Все подняли головы и увидели спускавшуюся по стволу березы Пчелу.

— Вы, Пчела, договорите за Слона? — переспросил Кашалот, полагая, что чего-то недослышал или недопонял.

— Он что, стесняется сам объяснить свой поступок? — насмешливо спросила Мартышка. — Из-за чрезмерной скромности? И поручил это вам?

КОАПП, КОАПП!

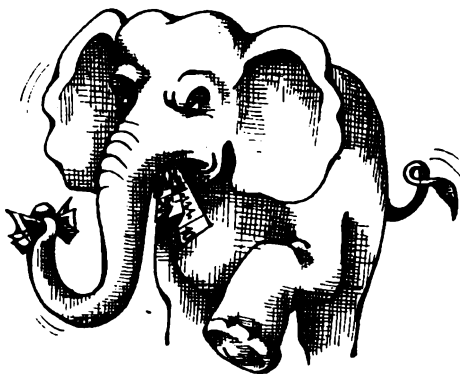
КОАП, КОАП!

Пчела спокойно и доброжелательно ответила, что со Слоном она вовсе не знакома и о его поступке только что услышала от коапповцев.

— Я уж полчаса над вами нахожусь, — сообщила она. — Смолу собираю с почек — тополиных, березовых, еловых, сосновых... Для прополиса, пчелиного клея. Ну и невольно прислушиваюсь. Так вот, мне кажется, я знаю... вернее, догадываюсь, почему Слон сумочку с деньгами сжевал.

И Пчела, — а это была, если быть точным, Медоносная Пчела, — предложила пораженным коапповцам собственную, совершенно неожиданную версию о мотивах, которыми руководствовался Слон, совершая кражу: она не исключает, что он попросту возненавидел деньги, причем до такой степени, что решил при всяком удобном случае их уничтожать.

Председатель КОАППа и его соратники сочли подобное предположение довольно-таки любопытным и заслуживающим внимания. Последовали уточняющие вопросы,

главным из которых был следующий: за что же, по мнению Пчелы, Слон исполнился такой испепеляющей ненавистью к деньгам?

— Ну, мало ли... — Пчела пошевелила усиками, размышляя. — Да вот: готовил он, допустим, новый цирковой номер — пробовал и так, и эдак, мучился, искал... А ему говорят: “Брось-ка ты это, давай, брат, чего-нибудь попроще, но побыстрее — у нас финансовый план горит, нам кассовые сборы нужны, а не твои искания”. А может, он в этот номер душу вложил! Я и сама считаю, что от денег всё зло, на собственном опыте убедилась — глаза бы мои их не видели! — и она запела на известный мотив:

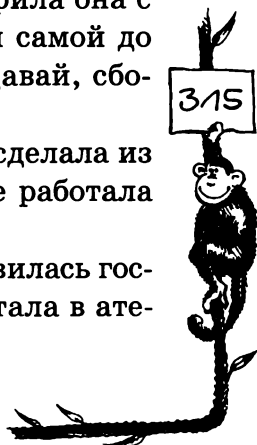
*Всюду деньги, деньги, деньги,
Всюду деньги без конца...
Из-за денег мы забыли,
Где нектар и где пыльца!*

— Ох уж эти деньги, — повторила она с гримасой отвращения. — У меня самой до сих пор в ушах звучит: “Сборы давай, сборы!”

Стрекоза, естественно, тут же сделала из этих слов вывод, что Пчела тоже работала в цирке.

— Откуда вы это взяли? — удивилась гостья. — Ничего подобного, я работала в ателье “Мёд”.

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

Решив, что Пчела оговорила, Мартышка поправила ее:

— В ателье мод, вы хотите сказать.

— Не мод, а “Мёд”, — повторила Пчела.
— Ателье наше так называлось, мёд мы делали из материала заказчика.

— Отродясь такого не слыхивала! — Сова от изумления широко открыла клюв. — Что еще за матерьял? Мёд-то, завсегда делали из нектара.

— Теперь-то и я это знаю, но в ателье мы об этом и понятия не имели. Спасибо дорогим нашим бабусям — это они нам глаза открыли...

И Пчела поведала коапповцам прекрасную и поучительную историю о трех бывших пчелах-разведчицах — из тех, кто цветы-медоносы разыскивает и, вернувшись в улей, докладывает, где они и как к ним лететь.

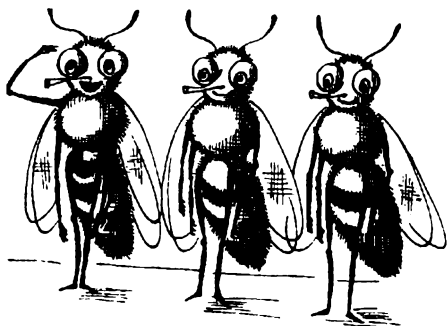
— Сестры они, Вера, Надежда и Любовь, — так начала она свой рассказ, — давно уж на пенсии, но держатся бодро: на встречи их приглашают — никогда не отказывают! Вот и к нам прилетели. Поднесли мы им, как положено, хлеб-мёд...

— Мёд — понятно. — Удильщик облизнулся. — А хлеб откуда? Сами пекли?

— Это пчелиный хлеб, — пояснила Пчела, — по-нашему, перга. Его не пекут, а просто пыльцу цветочную кладут в ячейки и мёдом

заливают. Ну вот, провели мы дорогих гостей в улей, усадили на почетное место — и пошло: “Помнишь, Люба? Помнишь, Надя? Помнишь, Вера?” — вроде не нам рассказыва-

ют, а так, между собой молодость вспоминают... Мы потом только уразумели, что все эти воспоминания для наших ушей предназначались. Хитрые оказались бабули!

— Ничего удивительного, — сказал Гепард. — Они же бывшие разведчицы, а какая же разведка без хитрости! Но хотелось бы знать, в чем заключалась их военная хитрость в данном случае...

— Сейчас поймете. — И Пчела в точности воспроизвела разговор трех бабуль, стараясь имитировать, и довольно удачно, не только их голоса, но и манеру говорить, и даже интонации:

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

— Помните, сестренки, как мы решили побить рекорд одиночной пчелы Эуглоссы?

— Это когда узнали, что она летит за нектаром за двадцать три километра от гнезда?

— Ну да, а мы только за пять километров от улья — как же мы могли такое стерпеть!

— Вот дурехи-то, а?..

— Да-а, еле дотащились обратно.

— Но все-таки

дотащились!

Мы переглядываемся

— такое для нас в диковинку: дальше двух-трех метров от улья нам летать не доводилось...

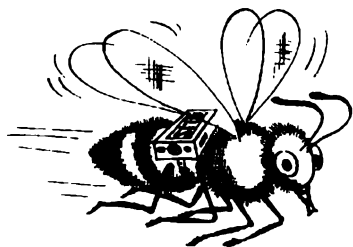
— Двух-трех метров?!

— коапповцы переглянулись. — Откуда же у вас мёд?

— Я доскажу, и всё станет ясно... — А не забыли, — спрашивает бабушка Люба, — как лихо мы отплясывали?

— Не говори: вернемся, бывало, с разведки в улей — и на танцы. После пятикилометрового полета! Потанцуем — и снова летим... Откуда только силы брались!

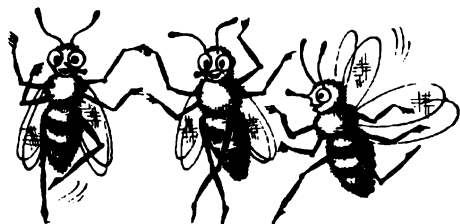
— Зато сколько у нас всегда было благодарных зрителей!

— Истинных ценителей, я бы сказала: окружают, следят за каждой пробежкой, за каждым поворотом.

— Еще бы, — кто, кроме пчел, способен по-настоящему оценить, как много можно сказать

танцем: где цветы с нектаром, под каким углом к солнцу к ним лететь, на какое расстояние... Помните нашу шуточную песенку?

— И все трое запели:

*Лети за нектаром над этим гектаром,
Гречиха стоит там стеной.
Ее опыливши и зобик набивши,
Вернешься ты в улей родной!*

Как пустились они в пляс под эту песенку! Мы глазам своим не верим: вот так бабу-си! Отдышались, и бабушка Вера говорит:

— А может, сейчас по-иному танцуют? По-современному? — и к нам обернулась: — Ну-ка, девочки, покажите!

Мы промямлили: — Как-нибудь потом... — Не признаваться же, что не умеем.

— Ну, потом так потом... — и напевают с намеком: “Танцевать я совсем разучилась и прошу вас меня извинить...”

КОАПП, КОАПП!

КОАП, КОАП!

После этого они опять за свое:

— А помните, как нас на учебу провожали?

— И не куда-нибудь — в МГУ!

— А ведь не посрамили мы пчелиное племя!

— Да, одни пятерки по всем предметам...

— Ох, нелегко они нам доставались...

Экзамен по геометрии не забуду, пока живу,

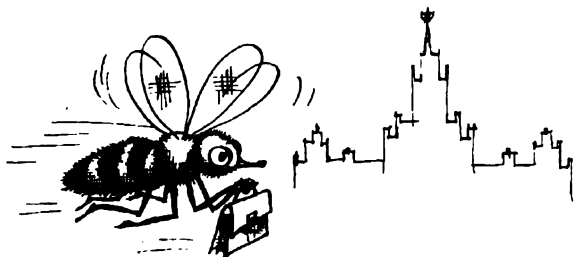
— так и вижу перед собой круглый столик, на нем фигуры разложены — квадраты, ромбы, треугольники, круги, кресты...

Ну, думаю, крест надо поставить на моем образовании — ни за что не сдам. А экзамен кто принимал, помните?

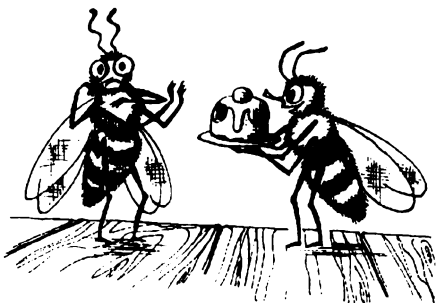
— Ну, как же — профессор Мазохин-Поршняков, Георгий Александрович.

— Точно! Уж как он старался меня запутать — и столик вращал, и фигуры переставлял, и цвет менял, размеры — всё равно я нужную фигуру узнавала. Но страху натерпелась!

— А мне больше задачи по арифметике запомнились — нужно было подсчитать число

кружочков: один, два или три. А кружочки то большие, то маленькие, то белые, то черные, то разноцветные, то с какими-то кляксами, и расположены каждый раз по-другому... Но ничего — справилась.

— А как я гордилась, когда прочла в своем дипломе: “Способна к обучению и элементарной рассудочной деятельности”. Ведь до этого считалось, что пчелы вроде автоматов: что заложено в них от рождения, то и умеют, а ничему новому научиться не могут.

— И у нас с Верой такая же запись, и подпись профессора!

Тут бабушка Надя говорит:

— Всё это хорошо, только воспоминаниями сыт не будешь, а я что-то проголодалась...

— Так вот же хлеб-мёд, который нам преподнесли!

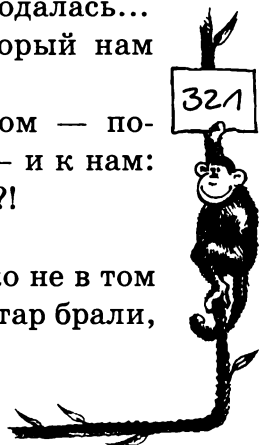
Попробовали все трое язычком — поперхнулись, язычки отвернули — и к нам:

— Так-то вы гостей потчуете?!

— А что такое?

— Липовый ваш мёд, да только не в том смысле, что с липового цвета нектар брали, а в том, что фальшивый!

КОАПП, КОАППИ

— Но у нас ателье, — объясняем, — мы делаем мёд из материала заказчика — что он дает, то и...

— Видели, что он дает, — перебивает бабушка Люба. — Думаете, если старые мы, значит, слепые? Кругом улья блюдца с сахарным сиропом понаставлены, чуть не вплотную!

— Заказчик всегда прав, — отбиваемся мы. — Хозяин — барин.

— Жулик он, а не хозяин! Вы его сироп в патоку перегоняете, а он вашу отраву за настоящий мёд выдает — на рынке его торгует и мошну свою набивает!

Мы так и ахнули: — Как отраву? Почему?

— Да потому, что мёдом люди лечатся, а сахар для многих больных яд. “Хозяин”... Для таких хозяев жала не жалко! Вы должны быть хозяевами — вы же не трутни какие-нибудь, а рабочие пчелы, вас тут сто тысяч, если не больше. А вы совесть на сладкую жизнь променяли. Скоро летать разучитесь — вон мышцы какие дряблые. Нет, мы с такими в разведку не полетели бы!

Словом, дали бабуси нам жару, особенно после того, как одна юная пчелка брякнула: “Давайте объявим медовый месячник — целый месяц будем давать настоящий качественный мёд, из нектара!” Я готова была провалиться сквозь соты и другие тоже. В тот же день мы всем роем покинули улей и подались на экскаватор.

— На экскаватор?! — даже Рак не нашелся, что сказать, лишь развел клешнями.

Коапповцы опять переглянулись, но Человек рассеял их сомнения.

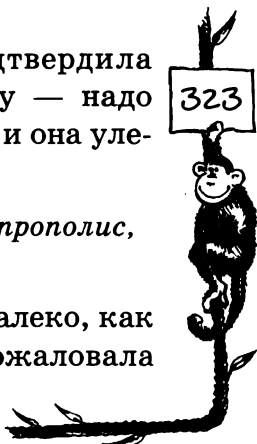
— Рой пчел на экскаваторе — я понимаю, звучит странно, — сказал он, улыбаясь, — но ничего невероятного тут нет: мне известны по меньшей мере еще два случая, когда пчелы селились в экскаваторе: на Дальнем Востоке и в Эстонии. Не знаю, чем объяснить такое совпадение, но в обоих случаях пчелы выбрали экскаватор одной и той же марки — ЭШ десять дробь шестьдесят. Чем-то он их, видимо, привлекает...

— Хорошая машина, — подтвердила Пчела. — Надежная. Ну, полечу — надо отнести смолу для прополиса... — и она улетила, напевая:

*Не такой уж горький тот прополис,
Чтоб, его не видя, умереть...*

Пчела не успела еще отлететь далеко, как на поляну, словно на смену ей, пожаловала

КОАПП, КОАПП!

новая гостя — Галка, и с ходу, вернее, с лёту обратилась к присутствующим:

— Извините, о какой машине сейчас шла речь? В ней кто-то поселился...

Узнав, что речь шла об экскаваторе, Галка разволновалась:

— А что, сейчас модно селиться в экскаваторах? Уважаемый Человек, вы не могли бы повторить марку — я недослышала.

Получив ответ, она задумчиво повторила:

— “ЭШ”... Ну, “Э”, очевидно, “экскаватор”, а “Ш” что означает?... О-о, — осенило ее, — “Шагающий”! Жить в шагающем экскаваторе и вместе с ним шагать к светлomu будущему — как это экстравагантно! Надо записать марку, пока не забыла... где моя записная книжка?

Ага, вот.

Галка стала перелистывать книжку, бормоча: — А, Б, В, Г... Та-ак, Г — гнезда, — и прочла вслух:

— Гнездо Синицы в грузовике — между рамой кузова и брызговиком, адрес: город Луцк, база Главпромтранспорта; гнездо Синицы в почтовом ящике — Калуга, второй Стекольный переулок, 15; гнездо Вороны на стреле башен-

ного крана — московский Северный речной порт; гнездо Вороны на изоляторах опоры высоковольтной линии — Благовещенск, “Амур-энерго”... Сейчас дополню список: “Эксава...” Хотя зачем писать, — спохватилась она, — когда у нас появился свой Попугай!

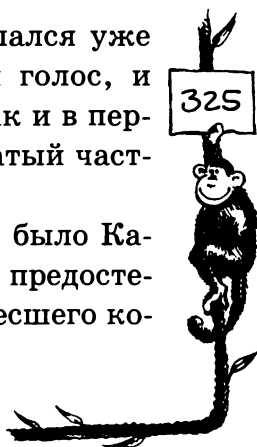
— Попугай? — переспросил Кашалот, несколько обескураженный таким поворотом.

— Ну да. В последнее время вошло в моду иметь в птичьей стае Попугая: фиксирует информацию надежней импортного магнитофона! А наша стайка завела Попугая — экстракласс, все лопаются от зависти! Вы его увидите сию же минуту, вернее, ее, — и тут же позвала: — Ксюша, где вы?

— Здесь, милочка, — слышался уже знакомый коапповцам женский голос, и на поляне столь же бесшумно, как и в первое свое появление, возник пернатый частный детектив.

— Дорогой Ксюша... — начал было Кашалот, но осекся, остановленный предостерегающим жестом сыщика, поднесшего конец крыла к клюву.

КОАПП, КОАПП!

— Тсс... — прошептал он, подлетев к председателю КОАППа почти вплотную. — Сделайте вид, что мы незнакомы.

— Ксюша, срочно зафиксируйте в своей памяти: “Экскаватор ЭШ десять дробь шестьдесят”, — распорядилась Галка тем капризным тоном, каким некоторые хозяйки отдают приказание домработнице.

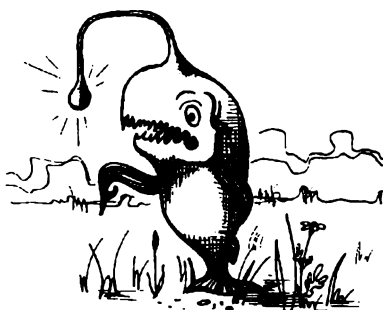
— Уже зафиксировала, — откликнулся детектив всё тем же женским голосом. — Галочка, а ведь это и есть КОАП, куда вы так стремились...

— Что-о?!! — Галка вперила в Ксюшу гневный взор. — Почему же вы сразу не сказали?! Гнездо в КОАППе — это же последний крик... да что там крик — последний вопль моды!

Хотя намерения гости были предельно ясны, Удильщик все же решил поставить точки над “i” и задал прямой вопрос:

— Вы хотите свить гнездо на нашей поляне?

— Он еще спрашивает! — Галка воздела крылья, как бы призывая небеса в свидетели того, какие ей приходится выслушивать нелепые вопросы. — Да кто же этого не хочет?!! Вот я, например, живу в Иваново...

— В Иваново! — воскликнули в один голос Кашалот и его коллеги.

— Увы... — Галка вложила в это короткое слово всю горечь, на какую была способна. — Представляю, какой ужас охватил вас при этом

известии: такая дама, как я — в Иваново! Конечно, это большой город, областной центр, центр текстильной промышленности, и всё такое... Но по сравнению с поляной КОАППа — глухая провинция! Там так легко отстать от моды... Вообразите: я ни у кого не могла получить ответ на

два простейших вопроса: по-прежнему ли в высшем свете высшим шиком считаются вельветовые гнезда...

— Наверняка! — мгновенно среагировала Мартышка. — Вельвет — это элегантно, оригинально, удобно, практично, эстетично, симпатично, гигиенично... А второй вопрос какой?

— Не вышли ли из моды дубленки? Вернее, гнездовая подстилка из дубленки?

Ксюша незаметно наклонился к уху Мартышки и прошептал:

— Скажите ей, что постараетесь выяснить.

КОАПП, КОАПП!

Мартышка тотчас пообещала выяснить насчет дубленок, и Галка, поблагодарив, начала облетать дерево за деревом в поисках подходящего места для гнезда — само собой разумеется, не спросив согласия хозяев...

Проводив ее взглядом и убедившись, что она отлетела достаточно далеко, сыщик обернулся к коапповцам:

— Ну? Поняли?

Вопрос был излишним — тут и Ежу всё было бы понятно...

— Кража десятилетия?! — в этом скорее утвердительном, нежели вопросительном возгласе

слились голоса председателя КОАППа и его сослуживцев.

— Она самая.

— Ее совершила Галка?

— И четыре соучастницы. Действовали по предварительному сговору.

Всех, естественно, интересовал ход расследования и его, так сказать, “кухня”. Ксюша твердо пообещал подробно ознакомить с ним коапповцев, но позже, — когда

дело будет передано в суд.

— Скажите хотя бы, как вы на них вышли, — попросил Удильщик.

— То есть, вылетели, — поправила Стрекоза.

— Я их вычислил. Вообще-то я сразу заподозрил, что искать надо в гнездах... На эту мысль меня натолкнуло сенсационное ограбление в Индии: из ювелирного магазина было похищено несколько сотен золоченых оправ для очков, и все они были обнаружены в вороньих гнездах.

— На ту же мысль, дорогой Ксюша, — заметил Человек, — вас могла натолкнуть и опера Россини “Сорока-воровка”...

— Ммм.. да, пожалуй, могла, — согласился детектив и просвистел несколько тактов из увертюры к знаменитой опере, затем продолжил: — Остальное было делом техники: я внедрился в стайку... хотя в данном случае уместнее сказать, в шайку галок, осмотрел их гнезда и... Кстати, криминалисты давно подметили: с появлением собственного гнезда у некоторых появляется и стремление тащить в него всё, что плохо лежит.

— Что хорошо лежит тоже, — добавил Гепард.

— А само гнездо? — подхватила Мартышка. — Так и норовят построить его из материалов, добытых путями отнюдь не праведными!

Мартышка затронула больной вопрос, волновавший всех. Коапповцы стали перечислять материалы, которые пускают в ход при индивидуальном строительстве гнезд нечистые на лапу застройщики-птицы: проволоку, болты, гайки... Стрекоза упомянула дефицитные радиодетали, Сова — пружины...

А Ксюша гордо заявил:

— Зато мы, попугаи, не поддаемся искушению!

— По той простой причине, — ухмыльнулся Гепард, — что попугаи размещают гнезда в готовых помещениях — дуплах, расщелинах скал, порой даже прямо на земле, — но сами их не вьют, верно?

— Да, — подтвердил Ксюша, — за редким исключением... Однако эти исключения, — подчеркнул он, — лишь подтверждают правило: те немногие из попугаев, кто строит гнезда, — сплошь

несуны. Особенно африканские розовощекие неразлучники: ухитряются прятать строительные материалы под перья на спине — и несут.

— Так ведь дубленка-то не веточка, не стебелек, не травинка, — возразила Сова. — Как же галки ее пронесли?

— Вы забыли, дорогая Сова, что украдена не целая дубленка, а всего лишь полдубленки, — напомнил Удильщик.

— Да хоть бы и четверть — всё одно ее не то что под перьями — под крыльями не спрячешь!

— А меня больше занимает другой вопрос, — задумчиво произнес Кашалот. — Где галки нашли половину дубленки, вот что интересно... Или они взяли целую и разрезали?

— Выщипали, — сказал Ксюша. — Люди вынесли ее в лоджию, чтобы просушить, а галки повыдергивали весь мех, до последнего волоска. Мехом они выложили свои гнезда, а верхнюю половину оставили людям.

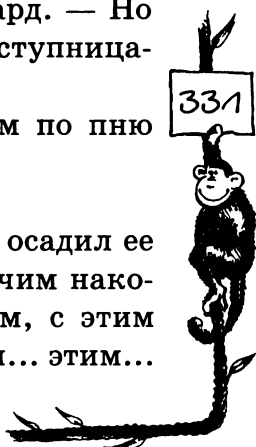
— На память, — ввернул Гепард. — Но что же нам делать с этими преступницами?

Мартышка стукнула кулачком по пню и отчеканила:

— По-моему, надо брать!

— Без санкции прокурора? — осадил ее Кашалот. — Когда же мы покончим наконец с этим правовым произволом, с этим юридическим беспределом, с этим... этим...

КОАПП, КОАПП!

КОАПП, КОАПП!

— председатель не находил слов от возмущения.

Немного успокоившись, он объявил свое решение:

— Братья подождем. Главное — кража десятилетия раскрыта, и я со спокойной совестью закрываю заседание КОАППа.

Крик птицы-Секретаря “Коапп, коапп, коапп!” поставил точку в этом более чем своевременном заседании, внесшим весомый вклад в борьбу с зоологической преступностью...

С о д е р ж а н и е

КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА	5
“ЛЮБИ МЕНЯ, КАК Я ТЕБЯ”	9
В ПОИСКАХ ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ	85
ПОСЛАНЕЦ В ТРИДЦАТЫЙ ВЕК	149
ПОМИДОРНАЯ ДИЕТА	213
КТО ПОХИТИЛ ПОЛДУБЛЕНКИ?	287

Константиновский Майлен

КТО ПОХИТИЛ ПОЛДУБЛЕНКИ?

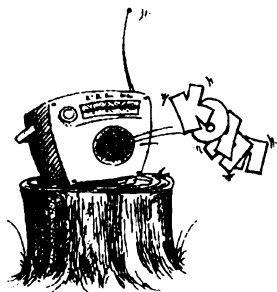
***Издание осуществлено при содействии
литературного агентства "VADEMECUM"***

Редактор *Е.Р. Бычкова*
Технический редактор *И.С. Воробей*
Художник *А.В. Мушкаева*
Оформление обложки *А.Н. Перевозчиков*
Верстка *Л.В.Спичковой*

Подписано к печати 09.04.98. Формат 84х108¹/32.
Бумага типографская. Печать офсетная.
Гарнитура "SchoolBook". Усл- печ. л. 17,64.
Тираж 15000 экз. Заказ № 151.

Издательско-книготорговая фирма "Сталкер"
340048, Украина, г. Донецк, ул. Артема, 147а.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии издательства «Таврида»
333700, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.

Внимание!

Внимание!

Дорогой читатель!

33 года по радио передавались прямые репортажи с заседаний КОАППа. А с декабря 1997 года они снова звучат в эфире каждую субботу в 16.05 по московскому времени на волнах "Радио-1" (171 кгц, 1305 кгц и от 7 до 15 мгц). Так что вы имеете возможность не только прочесть о коапповцах, но и услышать их живые голоса.

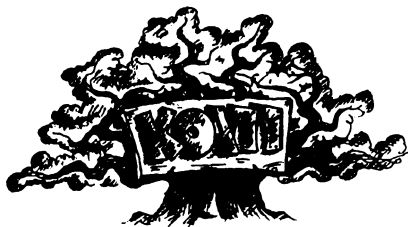
Мало того — вы можете написать лично председателю Кашалоту и его соратникам, а также прислать свою рекламу. Кашалот, проникнувшийся нынешним духом коммерции, не возражает против этого и даже приветствует!

Ждем ваших писем и ценных предложений по адресу:

121812, Москва.

Малая Никитская, 24, Радио-1.

КОАПП.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Книга-почтой

Если вы желаете приобрести книги издательства "Сталкер" без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела "Книга-почтой".

Каталог "Книга-почтой" бесплатно высылается по вашей заявке.

Все книги будут рассылаться наложенным платежом. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае вы будете ежемесячно получать книги выбранной серии.

Для этого вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

340000, Донецк, а/я 33, Книга-почтой.

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		
Куда	г. Донецк, а/я 33	
<hr/>		
Кому	"Книга-почтой"	
<hr/>		
	Индекс предприятия, книги и адрес отправителя 340055	
	Почтовый индекс, предприятие, street address, city	
	г. Донецк, ул. Буденного,	
	д. 17, кв. 34.	
		Петренко И.В.

На обратной стороне карточки необходимо указать, какую книгу вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество комплектов и экземпляров:

Я заказываю книги серии:	
"Я б в астрологи пошел..."	1 комплект
"Проверьте свои знания"	1 комплект
и отдельные книги:	
А.Аксенов "Я не колдун, я – знахарь"	1 экз.
М.Фролов "Исцели себя сам"	1 экз.

Цена книги в твердом переплете 4,5-5 грн.

Указанные цены включают все почтовые расходы по пересылке книг наземным транспортом.

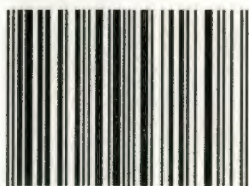
21-00

КОАП

Репортаж
о событиях
невероятных

На фото – действительный член КОАП (то бишь Комитета Охраны Авторских Прав Природы) Сова по поручению своих коллег – Гепарда, Рака, Стрекозы, Удильщика, Мартышки и лично председателя Кашалота – ведет переговоры с платным летописцем этой организации Майленом Константиновским об условиях, на которых ему будут нелегально передаваться секретные протоколы заседаний, где коапповцы обсуждают актуальные нужды животного населения в свете проблем сохранения в первозданном и экологически чистом состоянии мест их обитания – лесов, полей, рек, морей, гор, болот, пустынь, – а также вопросы приоритета Природы на удивительные приспособления, которыми она наделила свои создания.

4 820009 571808